

РА 1475 572

Ольга Шафранова

Метяковы

История рода (1612–1938)

Ольга Шафранова

Межаковы

История рода
(1612–1938)

Ма добрую маму
Дать а все Николаевич
Федунт и кол
16. 04. 2016
О Шафранова

УДК 94(100)05
ББК 63.3(0)45+63.3(2)5
Ш 30

Шафранова, О.И.

Ш 30 Межаковы. История рода (1612–1938). — М.: Паломник, 2016. —
224 с.: илл.

ISBN 978-5-88060-107-3

*В оформлении обложки использована
акварель художника А. П. Ансита*

Оформление

Светлана Витальевна Егорова

Редактор

Александр Леонидович Чернявский

Верстка, макетирование

Екатерина Николаевна Белогорцева

Подписано в печать 24.11.2015. Формат 84x108^{1/32}.

Тираж 150 экз. Объем 7 п. л. Заказ 227.

Издательство «Паломник»

Адрес издательства: 111141, г. Москва, ул. Плеханова, 15.

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru. E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-88060-107-3

© Шафранова О. И., 2016

© Егорова С. В., обложка, 2016

© Паломник, 2016

Оглавление

I. Казачий атаман	5
II. Государева служба	24
III. Новые времена	36
IV. Никольское	50
V. Поэт	79
VI. Ученые труды в Никольском	134
VII. Накануне	163
VIII. Следы на песке	205
IX. Никольское в XX–XXI вв.	216

1. Казачий атаман

Октябрь 1604 года. Тот, кого историки впоследствии назовут Лжедмитрием I, переправляется через Днепр и вступает в области Русского государства. С ним 3500–4000 польских латников.

Самозванец направляется к Москве не традиционным путем, а выбирает обходной путь через Северские и Польские земли. И не случайно. С XVI века эти юго-западные окраины Руси стали местом притяжения массы людей. Сюда из центральных областей бежали крестьяне от крепостной зависимости, посадские — от тяжелых податей, служилые люди — от государственной службы. Здесь было много свободной земли, отдаленность от центра давала гарантию воли, и человеку инициативному, энергичному было где развернуться. Соседство с хищническими ордами развивало в людях воинский дух и заставляло объединяться в военные сообщества, носившие название казачества. «Казачество, — пишет Н. И. Костомаров, — та масса народа, которая искала воли и принимала это название в его первоначальном более общем значении вольного человека». Слово «казак» означало отважного наездника, живущего набегами и войною, не привязанного к земле и дому.

С 40-х годов XVI века особенно значительные казачьи сообщества начали появляться на Дону в местах нынешних Ростовской, Воронежской и Орловской областей, которые издревле именовались «Подем» или «Диким подем», по причине их ненаселенности. Ведя холостую жизнь и не имея жилищ, казаки переходили из одного места в другое, увлекаясь — по словам Н. М. Карамзина — «дикой вольностью и добычей в опустевших улусах Батыевых». Молва о привольной жизни казаков распространялась по всей Руси и Польше, привлекая к ним все новые волны переселенцев, и их число быстро росло.

Быт казачьих общин был построен строго на демократических началах полного самоуправления. Во главе общин стояли атаманы, которые избирались из людей храбрейших и разумнейших общим собранием казаков, носившим название «круг». Управление всем казачьим сообществом осуществлялось войсковым атаманом. Свои атаманы были в каждом городке или станице. Также и выступая в поход, выбирали походного атамана, которому подчинялись сотники и полусотники, в зависимости от деления войска.

«Нравственность казаков, — писал исследователь казачьего быта В. Д. Сухоруков, — представляла смесь добродетелей и пороков, свойственных людям, которые жили войною. Жадные к добычам, свирепые в набегах, они в общежитии были привязаны друг к другу как братья, гнушались воровством между собою, но грабеж на стороне, у неприятеля был для них вещью обыкновенною. Религию чтили свято. В наказаниях за преступления — измену, трусость, воровство, убийство — были жестоки».

Главными промыслами их, кроме войны, были охота и рыболовство, а зверя, птицы и рыбы в этих необжитых местах было множество. Хлеб получали путем обмена с пограничными землепашцами, а позже также в виде государева жалованья за определенные услуги. «Кормит нас, молодец, Бог: подобно птицам, мы не сеем и не собираем хлеба в житницы, но всегда сыты».

Очень скоро донские казаки начинают играть серьезную роль в общем ходе русской истории, являясь защитниками и колонизаторами окраинных земель и оказывая порою мощное давление на внутренние дела государства. Уже с середины XVI века правительство делает попытки использовать казачьи силы на государственной службе. Иван Грозный, хотя не всегда был доволен своевољством казаков, но уважал их мужество и умел ладить с ними. Казаки участвовали в его войнах, в покорении Астрахани, в Ливонской войне и др. Выдающуюся роль сыграли казаки под предводительством донского атамана Ермака Тимофеевича в покорении Сибири.

По-другому начал строить свое отношение к казакам Борис Годунов. Сделавшись царем, он думал твердостью укротить их своевољство. Проводимая при нем быстрая правительственная заимка «Поля» превращала живших здесь свободных людей либо в «приборных» служилых людей, либо в крестьян на поместных землях. Особенное недовольство населения вызывало принуждение к земледельческому труду на государя, что носило название «государевой десятинной пашни».

Однако попытка Бориса Годунова привести казаков в зависимость от государства обошлась ему

дорого. Привыкшие к вольности и оружию казачьи массы ждали только случая, чтобы подняться против грозящего им угнетения. «Прелестные письма» Лжедмитрия I, в которых он обвинял Бориса Годунова в узурпации власти и не скупился на обещания даровать народу вольность, тишину и благоденствие, получили тут самый широкий отклик и создали ему огромную популярность.

Следует все же отметить, что казаки не сразу поверили «прелестным письмам» якобы спасенного царевича. Опасаясь быть орудием обманщика, они решили на месте разведать обо всем и с этой целью послали в Польшу самого войскового атамана Андрея Корелу и с ним старшину Михаила Межакова. Лишь после того, как послы увидели, что все польские вельможи и сам король Сигизмунд оказывают новоявленному царевичу царские почести, они решились признать его сыном Грозного и с этой вестью вернулись на Дон.

Казачество в массе стало переходить на сторону Димитрия. Корела с 6000 казаков двинулся ему навстречу, еще 4000 казаков подошли к нему в Путивле, пограничные города сдавались ему без единого выстрела, и молва о нем как о «прямом» царе катилась далеко впереди его войска и привлекала к нему другие слои населения. Уже у Новгород-Северского он опирался в основном на русские силы, а большинство поляков, с которыми он начал поход, рассорившись с ним, вернулись в Польшу.

Дальнейшие события хорошо известны: смерть Бориса Годунова, измена царских воевод под Кромами, переворот в Москве 1 июня 1605 года, торжественное вступление Димитрия в Москву.

Менее года пришлось сидеть самозванцу на Московском престоле. 17 мая 1606 года он был убит в результате боярского заговора, а через два дня боярами «был выкликнут» царем Василий Шуйский. «Так настало для всего государства омрачение, произведенное духом лжи, произведенное делом темным и нечистым, тайком от земли совершенным» (С. М. Соловьев).

Начиная с похода Лжедмитрия I, казачество стало одной из основных действующих сил Смуты. После венчания на московский престол этот первый Димитрий распустил казаков по домам. Но большинство из них не успело еще дойти до родных мест, как узнали о событиях, произошедших в Москве. Выкликнутый боярами без Совета всей Земли царь Василий Шуйский вызывал ненависть во всех слоях населения. Летописец говорит, что «царь Василий вскоре по воцарении своем, не помня своего обещания, начат мстить людям». Воцарение Василия Шуйского воспринималось как возвращение прежнего гнета, прежних непосильных поборов и повинностей. Уже две недели спустя после его венчания в Москве начались волнения. Вскоре они перекинулись на всю страну. Подогревая их, начал распространяться слух о спасении царя Димитрия и его бегстве от бояр к польским границам. Именем якобы спасшегося Димитрия в июле — августе 1606 года в Путивле начал действовать «большой воевода» Иван Исаевич Болотников, призывая людей встать на защиту поправленных боярами прав законного царя. Тотчас польские и северские города начали отпадать от Шуйского. Вся масса казачества, которая была опорой первому Димитрию в его походе на Москву,

примкнула к Болотникову. Но ненависть к Шуйскому подняла и другие слои населения. В Рязани, Туле, Кашире и других городах поднялись служилые люди во главе с воеводами Прокопием Петровичем Ляпуновым и Истомой Пашковым.

20 августа 1606 года под Кромами произошла первая битва войска Болотникова с царским войском, после которой открылся путь на Оку и далее на Москву. По мере продвижения Болотникова к столице менялся социальный состав его войска, менялась и программа восстания. Действуя именем царя Димитрия, Болотников звал к себе всех недовольных и подавал им надежду на социальные перемены, возбуждая к борьбе вообще против угнетателей. Войско его пополнялось беглыми холопами и крестьянами, которым он обещал волю и поместья их господ.

В начале октября 1606 года к Москве подошли с одной стороны отряды Пашкова и Ляпунова, с другой стороны войско Болотникова.

Дальнейшие события также хорошо известны. Шуйский, воспользовавшись разногласиями между разными по социальному составу частями войск, осаждавших Москву, уговорил Пашкова и Ляпунова на измену. После битвы 26 ноября 1606 года войско Болотникова откатывается к Калуге, откуда после полугодового сиденья в осаде переходит в Тулу. В мае 1607 года Шуйский выступил в поход на Тулу. Осада Тулы продолжалась с 12 июня по 10 октября 1607 года, когда, наконец, царю хитростью удалось вынудить Болотникова сдать город. Начались массовые казни и репрессии.

Но казнить всех царь не мог. Играя в милосердие, он вынужден был распустить основную часть войска

Болотникова по домам. Падение Тулы, однако, не означало прекращения восстания. Борьба против бояр и боярского царя продолжалась. Еще до падения Тулы, в июле — августе 1607 года в Стародубе-Северском объявился Лжедмитрий II — тот, кого позже народ окрестит «тушинским вором». Ставленник польских авантюристов, он явился приманкой для тех из них, которые шли из Польши искать на Руси военного счастья и легкой добычи. Мало-помалу около него собралось довольно значительное польское войско. Но в то же время имя Дмитрия привлекало к нему и всех тех, кто ненавидел Василия Шуйского. Польские и северские города приняли его сторону, также и воины болотниковской армии искали в нем нового вождя: «донские и волжские казаки... к нему де вору приложились не хотячи у царя Василья... в покорении быти».

Но в подлинность этого нового Дмитрия верили плохо, его интересам служили дурно. Если первый Дмитрий в походе на Москву смог отказаться от польской помощи и опирался в основном на казаков и местное население городов, то этот новый Дмитрий, наоборот, оказался в полной зависимости от поляков, которые не скрывали своих истинных намерений. Их пример действовал и на своих. Все желали пользоваться именем Дмитрия, преследуя лишь свои корыстные интересы.

Лжедмитрий II выступил из Стародуба 10 сентября 1607 года. По мере его продвижения вглубь русских областей к нему подходили все новые польские отряды. В начале апреля 1608 года из Польши прибыл воевода Роман Рожинский и скоро взял все в свои руки. Восстание начало перерождаться в интервенцию.

В начале июня армия самозванца подошла к Москве и обосновалась в Тушине. Население, обманутое именем Димитрия, на первых порах поддерживало самозванца; в войске Шуйского также распространился дух измены. Благодаря этим обстоятельствам в течение лета и осени 1608 года в руках польских интервентов и их пособников оказалась огромная часть Русского государства. И свои, и чужие безудержно грабили народ.

Царь Шуйский заперся в Москве. Формирование армии для борьбы с самозванцем он поручил своему четвероюродному племяннику, талантливому полководцу князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Несмотря на огромные трудности, связанные с общим оскудением страны, Скопину удалось заключить договор со шведским королем и получить от него военную помощь, а также привлечь к борьбе с самозванцем многие русские города и собрать довольно значительное войско. Его поход к Москве через занятые интервентами земли был нелегок и продолжался в общей сложности два года. В январе 1610 года ему удалось, наконец, снять осаду с Троице-Сергиева монастыря. После этого в Тушинском лагере начался разлад и паника. Самозванец бежал из Тушина в Калугу. Большая часть поляков покинула его и перешла на службу к королю Сигизмунду, который, надеясь, что ему легко удастся покорить разоренную страну, сам выступил в поход и стоял под Смоленском. Через некоторое время Тушино покинули и казаки, ушедшие к самозванцу в Калугу.

22 марта 1610 года Скопин без боя вошел в Москву, где ему устроили торжественную встречу. Однако торжество было недолгим. 23 апреля молодой, талант-

ливый, любимый пародом полководец неожиданно скончался. Народная молва объявила убийцей царя и его родственников. Все отвернулись от Шуйского.

Смерть князя Михаила Васильевича оказалась роковым ударом, который отнял у людей последнюю надежду. Война продолжалась. Под Смоленском стоял польский король Сигизмунд. Польское войско во главе с коронным гетманом Жолкевским шло к Москве. Царь Василий Шуйский направил навстречу ему 50-тысячное войско под начальством своего брата Дмитрия Шуйского. В состоявшемся сражении бездарный полководец бежал первым и внес панику в ряды воинов. Поражение было страшным.

После этого поражения Василий Шуйский остался практически без войска. Под впечатлением этого поражения многие города и крепости начали сдаваться королю Сигизмунду. Самозванец тоже поднял голову. Соединившись с польским гетманом Яном Петром Сапегой, он пошел к Боровску, взял его и двинулся к Москве. 26 июля 1610 года он стал лагерем недалеко от села Коломенского.

Царь снова заперся в Москве, которой теперь угрожали с одной стороны Жолкевский, с другой — самозванец.

Страшные страдания пришлось вынести в ту пору русским людям от казаков. Но здесь нужно отметить, что это были в основном не те — донские — казаки, которые выступили в поход в 1604 году за «законного царя». В 1608 и последующие годы русские летописи, как подчеркнул Н. М. Карамзин, казаками «называли не только живших по границам государства вольных воинов, но и вообще «всех свободных, гуляющих людей; в то время разбойничьи шайки состояли не столь-

ко из казаков, сколько из беглых боярских холопов и частью тяглых людей». На их счет следует отнести многие насилия, убийства, грабежи мирных жителей. Но и на совести коренных казаков лежат такие поступки, как предание огню и мечу Ростова, как убийство руководителя первого освободительного ополчения Прокопия Петровича Ляпунова, покушение на вождя второго ополчения Дмитрия Михайловича Пожарского.

Между тем, несчастное правление Василия Шуйского приводило в негодование все слои русского общества, и 19 июля 1610 года его вынудили оставить престол и постричься. Началось междуцарствие. Во главе государства стали семь бояр. Боясь, как бы население Москвы не предалось самозванцу и не выкликнуло его царем, они пошли на прямое предательство и впустили в Москву войско гетмана Жолкевского. Пользуясь беспомощностью семи боярщины, поляки добились согласия на избрание в Московские цари сына короля Сигизмунда, королевича Владислава. Отправляясь к королю Сигизмунду, гетман Жолкевский увозит с собой, как пленника, развенчанного царя Василия Шуйского. Москва остается фактически на положении города, оккупированного иноземцами.

Но в народе постепенно пробуждается дух национального достоинства, патриарх Гермоген рассылает по городам грамоты с призывом подняться на борьбу с «латынянами». В Рязани воевода Прокопий Петрович Ляпунов собирает ополчение и идет к Москве. В то же время приходит известие, что среди тушинцев началась новая свара, и самозванец убит. Верховное руководство над тушинцами перешло в руки князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и казацкого атамана

на Ивана Заруцкого. Стоя по-прежнему под Москвой, «воровское войско» начинает делать вид, что его цели совпадают с целями идущего к Москве ополчения Ляпунова, то есть освобождение Москвы и изгнание польских интервентов.

Узнав о приближения ополчения, москвичи не выдерживают и вспыхивает восстание. Поляки решаются поджечь город, а сами запираются в Кремле и Китай-городе. К Москве с разных сторон спешат Ляпунов с ополчением, Трубецкой с бывшими тушинцами и Заруцкий с казаками. Перед ними сгоревшая Москва. Они становятся в осаду.

Но в войске осаждающих снова поднялись разногласия. В казачьих таборах и среди тушинцев своеволие и разгул. Ляпунов пытается спасти население от грабежей и насилия, и казаки, собравшись в круг, убивают его.

Последствия гибели Прокопия Петровича Ляпунова были ужасны. Под Москвой власть перешла к казакам Заруцкого, и они провозгласили царем сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II. Люди из ополчения Ляпунова, опасаясь за свою участь и не желая служить «воренку», разошлись по домам. Поляки вышли из Кремля и захватили большую часть Москвы.

Примерно в это же время король Сигизмунд после длительной осады взял Смоленск, а шведское войско заняло Новгород; в Москве поляки заточили в темницу патриарха Гермогена, окончательно отстранили от власти бояр и установили военную диктатуру.

Все это потрясло умы, говорило о возможности полной гибели Русского государства. Люди не знали, кому повиноваться, за кем идти. Обе власти, московская и подмосковная, были неприемлемы.

К довершению бедствий был тогда неурожай, а за ним последовал голод.

«И было тогда такое лютое время Божьего гнева, что люди не чаяли впредь спасения себе; чуть не вся земля Русская опустела; и прозвали старики наши это лютое время — лихолетье».

Но заря занималась. В Нижнем Новгороде посадский человек Козьма Захарович Минин поднял свой голос с призывом стать на защиту Отечества. На грамоты, разосланные из Нижнего Новгорода с призывом собирать ополчение и средства, сразу же откликнулись многие города; из темницы, из тяжелого заключения патриарх Гермоген благословил начавшееся движение. Во главе собравшегося ополчения стал князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Страна была страшно разорена и обезлюдела. Давно прошли те времена, когда она была в состоянии выставить по 150–200 тысяч воинов с каждой стороны, как это было во время войны Шуйского с Болотниковым. Люди шли на огромные жертвы, чтобы оказать помощь государству, но сбор ополчения шел медленно. Только в конце марта 1612 года первые отряды его выступили в поход на Ярославль. Под Ярославлем произошла стычка с польско-казачьими отрядами, после чего Пожарский и Минин вошли в город, где их радостно встречали горожане.

Сюда, в Ярославль, Заруцкий, который с самого начала с ревнивым недоброжелательством относился к нижегородскому движению, подослал двух казаков, чтобы они убили Пожарского. К счастью, их попытка не удалась, они были пойманы и разоблачены. Однако это покушение ясно показало, чего можно было ожидать от подмосковных казачьих та-

боров. Именно опасение двойного удара со стороны поляков и со стороны бывших тушинцев заставляло Пожарского проявлять осторожность и не спешить с походом на Москву до прихода ратных сил из разных областей страны.

И все же угроза пропустить к Москве новую польскую армию во главе с гетманом Ходкевичем заставила идти на риск. 27 июля 1612 года Пожарский и Минин выступили из Ярославля.

В лагере тушинцев известие о выступлении Пожарского и Минина вызвало панику. Заруцкий призвал своих казаков уйти вместе с ним в Калугу. Часть казаков действительно послушалась своего атамана и ушла с ним. Но многие остались, по-разному готовясь к предстоящим событиям.

20 августа 1612 года войско Пожарского и Минина подошло к Москве и без боя заняло весь Белый город. Поляки отошли в Китай-город и Кремль. Трубецкой прислал послов с приглашением Пожарскому и Минину стать одним лагерем. Но все хорошо помнили участь Ляпунова. Отказ стать вместе вызвал новый взрыв вражды к ополчению. Тем не менее Пожарский призвал тушинцев сражаться общими силами против подходящей к Москве армии Ходкевича и послал Трубецкому в помощь несколько конных сотен.

21 августа польская армия подошла к Москве и расположилась на Поклонной горе. 22 августа она переправилась через Москву-реку. Начался бой. Ходкевич ударил одними конными. Из Кремля на подмогу ему вышли отряды польских сидельцев. Бой длится долгое время, но польские конные латники сильнее и начинают теснить русских. Тогда русские спешиваются и вступают в рукопашную схватку.

«И так бился Пожарский одними своими конными, — пишет И. Е. Забелин, — от Трубецкого ни один не вышел на помощь. Казаки только как псы лаяли и поносили нижегородцев, приговаривая: богаты и сыты пришли из Ярославля, и одни могут отбиться от гетмана. Трубецкой не выпускал в бой даже и присланных сотен. Не ясен ли был его умысел обессилить Пожарского... Нижегородцы бились до последних сил, а гетман наступал жестоко. Отосланные к Трубецкому конные сотни не могли вытерпеть и бросились на помощь без приказанья».

«И был бой зело крепок».

Польские конные латники смешали русских и стали пробиваться к Кремлю. Тогда, — говорит летописец, — казачьи атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марк Козлов самовольно кидаются в бой, крикнув Трубецкому: «Для чего не помогаешь погибающим? Из вашей вражды только пагуба творится и государству и ратным!»

Удар свежих сил решил исход битвы. Гетман был отбит и возвратился в свой стан.

Скорее всего, эти казачьи атаманы со своими отрядами больше не отставали от Пожарского, принимали участие в сражении 24 августа и вместе с ополчением готовились к битве 28 августа. Как известно, Ходкевич не решился на эту битву. Он отдал приказ, и польское войско ушло от Москвы.

24 октября, после напряженного двухмесячного ожидания новой помощи от короля Сигизмунда, осажденные поляки подняли белый флаг, и в Кремле были открыты ворота.

Так зачалась фамилия Межаковых. Две летописи — Никоновская и Летопись о многих мятежах —

сообщают нам имена четырех казачьих атаманов, сыгравших столь важную роль в сражении за Москву. Вероятно, поступку их придавалось большое значение, и этот поступок сразу выделил их из массы тушинского «атаманья». Вероятно также, в своей среде эти атаманы были известны, если сумели увлечь за собой других. Скорее всего, они были из тех казаков, которые вступили в Смуту Русского государства еще с Лжедмитрием I. Недаром однофамилец Филата Межакова и, возможно, родственник был послан с войсковым атаманом Корелой в Польшу, чтобы разузнать о личности Димитрия. А это значит, что они воевали и в войске Болотникова, а после его поражения, волей-неволей, оказались в тушинском лагере. Они были людьми своего времени, и все, что летописцы писали о казачьих грабежах и насилиях, несомненно, относится и к ним. Но в решающий час они сумели подняться над средой и вступить в бой за спасение Родины. Именно поэтому И. Е. Забелин

заканчивает свой рассказ о них словами: «Да будет вовеки благословенна память этих истинных сынов своей Земли».

Летописи больше не упоминают о них. Только имя Афанасия Коломны встречалось раньше: он был в числе послов, отправленных Трубецким и Заруцким в Ярославль к Пожарскому. Сохранилась также челобитная Афанасия Коломны от 1617 года, с которой он обращался к царю Михаилу Федоровичу, прося о жалованье за тяжелые раны.

Зато в кругах донского казачества до сегодняшнего дня помнят имя атамана Филата Васильевича Межакова. Е. П. Савельев в книге «Древняя история казачества» пишет: «Атаман Филат Межаков, участвуя с другими атаманами на «Соборе всей Русской земли», в котором главную силу составляли дворяне и казаки, первый подал голос за избрание па царство Михаила Федоровича. «И все на совете стали согласны и единодушны, — говорит Хронограф кн. Оболенского, — несмотря на то, что кандидатов в цари было много».

Венчание Михаила Федоровича на Царство состоялось 11 (22) июля 1613 года. В тот день Государь пожаловал князя Пожарского боярином. На следующий день Государь пожаловал Минина думным дворянином. В последующие дни продолжались царские пожалования. 17 (28) июля за участие в битве за Москву был пожалован «земельным окладом» казачий атаман Филат Васильевич Межаков. С этого дня Межаковы перешли в сословие помещиков-дворян.

В писцовых книгах значится, что Филату Межакову было пожаловано 700 четей земли. Это было самое большое пожалование в среде казаков, участвовавших

в сражении за Москву. Например, поместный оклад Афанасия Коломны составлял 650 четей. А к концу жизни Филата Васильевича его оклад составлял уже 800 четей. Из них 230 четей он получил в селе Никольском Заболотье в Вологодском краю.

Вместе с Филатом Васильевичем Межаковым там же в Заозерной части Вологодского края были помещены и те казаки его станицы, которые вместе с ним перешли на государствену службу. Их поместные оклады равнялись от 50 до 150 четей.

Следует иметь в виду, что в то время существовало два понятия жалованья земель: оклад и дача. Оклад — это во что номинально оценивались услуги того или иного служилого человека; дача — сколько ему было дано фактически. При этом для доведения размера дачи до размера оклада казаки и вообще все служилые люди, как правило, должны были сами приискивать свободные земли в той части государства, где им было указано. А это обстоятельство часто порождало различные конфликтные ситуации.

Так и в нашем случае: вновь испомещенные казаки быстро почувствовали вкус к земле как к своему основному капиталу, как к средству существования, и стремились всеми силами удержать ее, а при случае и увеличить размеры своего поместья. Сохранившиеся челобитные царю Михаилу Федоровичу раскрывают мир живых отношений этих людей в их борьбе за свои поместья. 24 февраля 1625 года вологодский помещик Яков Иванович Шетиллов обратился к царю с челобитной о выдаче ему 12 четей из незанятых земель в Никольском Заболотье. Царь дает указание сыскать эту землю. Узнав об этом, Филат Межаков с братом Степаном и с «товарищи», в свою очередь, обращаются

к царю с челобитной, в которой пишут, что лишней земли за ними не объявилось, а что сами они должны быть «на государевой службе на Крапивне», и просят царя: «Вели, государь, нам в том деле для своей государевой береговые службы отсрочить, покаместа нам твоя государева служба минетца». Царь дает указание об отсрочке. Но 15 мая 1625 года в борьбу за землю вступают новые челобитчики Иван Федорович Богданов, Григорий Семенович Шехирев и Лаврентий Григорьевич Булатников. Они просят сыскать с Межакова и «товарищи» 338 лишних четей в селе и прилегающих деревнях и пустошах. По результатам сыска вологодскому воеводе была послана царская грамота о переделе земли и передаче лишней челобитчикам. Тут наступает драматический момент затянувшегося дела: Межаков с «товарищи» не пускают передельщиков, причем дело доходит до вооруженного сопротивления. После ряда новых челобитных с той и другой стороны опять приходит царская грамота, на этот раз с решительным приказом передел учинить, а виновных, среди которых главным назван Обоим Зиновьев, наказать: «Заболотской области Обоим Зиновьев с товарищи, выслушав наказу, учинилися силны, нашей грамоты и воеводцкого наказу не послушали, отделять им в поместье лишние земли не дали... И понятых лаяли и грозили убойством, а отдельщика с крестьянского двора збили, и бив, ограбили; и ходили с ружьем, с пищалями и саблями, и рогатины... и раздельщик сидел от них в осаде двое сутки... За ослушанье учинить наказанье, бить батоги нещадно, да вкинуть в тюрьму на неделю».

В архивах Поместного приказа сохранился также ряд «приговоров», из которых можно узнать неко-

торые семейные подробности: у Филата Межакова была жена Фетинья и сын Иван, который родился в 1609 году, а также брат Степан. Степан скончался в начале 1626 года, а 27 апреля 1626 года состоялся приговор: дать Степановой жене Аксинье с дочерью и «с тем, что вдова Оксинья родит, мужа ее поместье 105 чети, сыскав чем муж ее владел». Но поскольку «вдова Оксинья» не родила никого, жеребий 30 четей, данный ей «на беремья», был передан Гавриле Резанцеву.

В 1627 году скончался и Филат, дома или на войне — неизвестно. Узнав о его смерти, вновь подняли голову его старые враги Богданов, Шехирев и Плещеевы, просившие отдать им Филатово поместье. Однако 24 января 1629 года состоялся окончательный приговор по этому делу: «дать Ивану Межакову отца его поместье и с примерною землею 284 чети в его оклад, а ему государева служба служить и мать свою до ея живота кормить; а челобитчиком отказать, мимо жены и сына отдать не доведетца».

Время атамана «славного Дона» прошло. Что унаследуют от него его потомки?

II. Государева служба

Для успешной обороны от внешних врагов Московское государство нуждалось в организованной и многочисленной армии. Уже Иван III Васильевич, в целях упрочения обороноспособности Москвы, создал около нее сторожевые полки из детей боярских и дворян, а чтобы обеспечить им содержание, назначил им поместья. Начиная с середины XVI века поместное землевладение становится основой всей военной организации на Руси. Правительство наделяло служилых людей — детей боярских и дворян — поместьями, с которых они несли службу. Размеры поместий были различны и зависели от воинского звания, срока службы, усердия, храбрости, ран, полученных на войне. Правительство производило дополнительные пожалования поместий в связи с военными успехами и в других торжественных случаях, но могло и лишать поместий за неявку в срок, нерадение по службе, преступления.

В гражданском отношении служилые люди не имели в то время никаких особенных преимуществ. «Политический порядок в Московском государстве, — пишет В. О. Ключевский, — основан был на разверстке между всеми классами только обязанностей, не со-

единенных с правами. Правда, обязанности соединены были с неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособиями для несения обязанностей... Такой своеобразный склад государственного порядка объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа».

Обязанностью служилого класса было несение военной службы. По первому зову правительства служилые люди должны были являться на военный сбор и приводить с собой вооруженных людей в соответствии с размерами своего поместья. Служба была очень тяжела. Начиналась она с 15 лет и продолжалась всю жизнь. Только старость или болезнь, делавшая человека неспособным к службе, освобождали от нее. Большая часть жизни служилых людей проходила в военных походах. «В походе, — рассказывает в своих записках дважды побывавший на Руси имперский дипломат Герберштейн, — небогатым дворянам приходилось плохо, а их немногочисленной прислуге и холопам, конечно, и того хуже... Если поблизости стоянки не найдется никаких плодов, ни дичины, русские воины разводят огонь, варят в воде просо, немного солят, и такой пищей господин и холопы живут и довольствуются подолгу... На стоянках небогатые люди вместо палаток делают низенький навес из ветвей, покрывают его епанчей, прячут под него седла, оружие и кое-как укрываются сами от дождя».

В XVII веке условия службы были еще тяжелее. Страна еще не оправилась от страшного разорения во время Смуты, голод и нищета гнали людей с родных мест, поместья обезлюдели и не могли прокормить

своих владельцев. Вот почему многие служилые люди их бросали и старалась уйти от службы и перейти в другие сословия, хотя бы и в крепостную неволю к богатым землевладельцам. В 1641 году в коллективной челобитной, поданной царю Алексею Михайловичу, дворяне жаловались, что их «братья и племянники, дети и внучата, не хотя с нами государевой службы служить и бедности терпеть, верстанные и неверстанные, бьют челом в боярские дворы и всяких чинов людей и кабалу на себя дают и женятся на крестьянских женках и девках».

Но государство не могло терпеть убыли служилых людей. В ответ на эту челобитную государь повелел: «Верстанных и неверстанных дворян и детей боярских, если они даже поженились на крепостных женках и девках, взять с женами и детьми и написать с городами по поместью и по вотчине... А впредь с нынешнего указа, дворян и боярских детей, племянников и внучат, верстанных и неверстанных, и недорослей в холопы никому не принимать».

Государству было удобно, чтобы служба, как и тягло, были наследственной повинностью. Оно боролось против перехода служилых людей в холопы и крестьяне, точно так же, как боролось с переходами крестьян на другие земли. В этом отношении дворяне и дети боярские «находились в крепостном состоянии, чуть не наравне с теми крестьянами, которыми они владели тоже на крепостном праве».

Однако сословия не замкнулись еще окончательно. Войны требовали пополнения служилого класса. Частые верстанья вливали в ряды служилых людей разных свободных, «гулящих» людей. И даже когда на военный сбор являлся холоп, бежавший от своего господина, на это часто смотрели сквозь пальцы.

Понятно поэтому, что правительство Михаила Федоровича охотно верстало поместьями и казаков, привыкших к войнам и военным лишениям и проявивших свою готовность перейти на государеву службу уже во время освобождения Москвы и избрания царя.

Испомещенные на земле казаки переходили в служилый класс, становились поместными дворянами — служилыми людьми. Надеясь их земельным окладом, правительство требовало от них службы. Однако для того, чтобы поместья могли содержать служилых людей, нужно было обрабатывать землю. А страна, в результате Смуты, обезлюдела. По расчетам Е. Д. Сташевского, с конца XVI века по 1620 год население Московской Руси уменьшилось на 37–40%. «Земля вся Русская пуста от востока и до запада, от севера и до юга, — пишет автор сказания «О бедах и скорбех и напастех», — ...все горко замучимы, погублены быша... инии же голодом изомроша». Вместе с уменьшением населения шел упадок и его материального благосостояния. Наиболее разорившимся классом было крестьянство, что выразилось в его разброде, увеличении количества пустошей и пустых дворов, сокращении крестьянской запашки, в увеличении бобыльских дворов, не обрабатывающих землю, так как обрабатывать было нечем.

Разорение и разброд крестьянства отражались и на экономическом положении владельцев поместий. Например, на тех 230 четях земли, которые Филат Межаков получил в селе Никольском Заболотье, в то время проживало крестьян мужского пола только 5 человек а как выглядело поместье среднего помещика того времени, а кстати и условия его жизни, хорошо

видно из челобитной Афанасия Коломны от 7 февраля 1617 года: «Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом холоп твой государев бедной раненой поместный атаманишка Офонка Коломна. Поместный оклад мне холопу твоему твое царское жалованье и с прибавошным 650 чети, а в дачех за мною холопом твоим твоего царского жалованья поместье в Суздальском уезде Якушев починок, Мордвинова деревня, 115 чети с осминою, и то все пусто от Казанского взятья и лесом большим хоромным поросло, только, государь, в живущем 12 чети с осминою, всего 3 крестьяница, и те в твоих государевых доходах в сошных деньгах и в ямских и в казачьих кормех торжковских стоят на правеже во весь день с утра до вечера, а искупитись, государь, нечем, и те хотят брести розно... а я холоп твой лежу ранен третьей год, пить и есть нечего и твоей царской службы служить не могу, увечен, и мне то пуще тяжеле твоей царской службы в конец; и твоего царского жалованья не имывал ни одной денги, и от лечьбы и от зелья от ран лекарем стало давать нечего, взять негде».

В разоренной стране не было иного средства оказать экономическую поддержку служилому классу, как усугубление тяжелого положения крестьянства. Правительство издавна принимало меры против крестьян, покидавших свои участки не в срок и без расчета с землевладельцами. Однако законодательство долго не поддерживало притязаний землевладельцев на личность задолжавшего крестьянина. В XVI веке крестьяне в Московском государстве, как пишет В. О. Ключевский, были вольными хлебопашцами. Их крепостная зависимость выходила из долговой кабальной зависимости, невозможности выплатить

долг. Закрепощение крестьян как явление общегосударственное начало развиваться к концу XVI века вместе с развитием служилого класса и служилого землевладения. С этого времени отношения крестьян с землевладельцами определялись уже не только их договором, а еще крепостью особого рода. Значение такой крепости получили писцовые книги и другие правительственные поземельные книги: за кем записан был крестьянин в этих книгах, тому он и был крепок.

В начале XVII века был установлен для иска беглых крестьян пятилетний срок; Василий Шуйский удлинил его до 15 лет. Правительство Михаила Федоровича на первых порах, из опасения раздражить крестьянскую массу, пошло на восстановление пятилетнего срока урочных годов. Однако от добрых намерений облегчить участь крестьян пришлось отказаться. Частые призывы служилых людей обостряли крестьянский вопрос и вызывали многие челобитья об отмене урочных годов. Челобитчики писали, что «бегают из-за них старинные их люди и крестьяне в государевы дворцовые и черные волости и села, и в боярские поместья и вотчины... и те многие помещики тем их тяглым людям и крестьянам на пустых местах слободы строят, а их поместья и вотчины от того становятся пусты... И надеясь на тех сильных людей, достальных людей и крестьян из-за них подговаривают, и дома пожигают и разоряют всяким разореньем». В поступившей в первый год царствования Алексея Михайловича челобитной дворяне и дети боярские писали, что «они обеднели совсем, люди их бегут к сильным боярам... и властям монастырским. А они развозят их по дальним вотчинам до истечения положенного

срока для отыскивания беглых крестьян». И просили: «Пожалуй нас, холопей своих, за прежнюю нашу службишку и за кровь и для нашей бедности и розоренья и для своих государьских служб беспрестанных вечным своим государьским жалованьем: ... вели, государь, те урочные годы, пять лет, оставить, а крестьян беглых наших отдавать по писцовым и по отдельным книгам и по выписем и по нашим крепостям».

Побеги крестьян, кроме разорения служилого класса, влекли за собой запустение центральных областей страны. В этом смысле, как отмечал Е. И. Костомаров, «закрепощение крестьян было в свое время еще нужнее для государственных целей, чем для интересов землевладельцев». Правительство вынуждено было пойти на окончательное прикрепление крестьян к земле. В 1642 году срок урочных годов был продлен до 10 лет, а в 1649 году Соборное Уложение окончательно отменило урочные года. Закрепощение крестьян завершилось.

Тем не менее, в XVII веке служилые люди не стали еще настоящими хозяевами своих поместий. Непрерывные походы и войны не оставляли им для этого времени. Все еще существовавшая татарская угроза создавала необходимость для половины служилого контингента ежегодно выходить на службу в южные районы страны. Также войны с Швецией и Польшей в 1617–1618 годах, тяжелая трехлетняя война (1632–1634 гг.) за Смоленск и новая война с Польшей 1654–1667 годов были причиной того, что в эти годы служилый человек дома был скорее гостем, чем хозяином.

Таковыми были условия жизни ближайших потомков Филата Васильевича Межакова, его сына Ивана и вну-

ков Владимира и Афанасия. Филат жил в бурную эпоху и сам был личностью, соответствующей той эпохе. Сын и внуки попали в эпоху созидания государственного порядка и борьбы за государственное единство. Филат, по-видимому, скончался молодым, так как его сыну в то время было всего 17 лет. Иван, как и отец, был записан городовым дворянином и нес «береговую» службу на Крапивне в Тульской области.

В те времена для «береженья» от татарских набегов вдоль южных рубежей государства ставились специальные засеки: «чтоб, с Божией помощью, татар через засеки не перепустить и у засек над татары поиск учинить и православных христиан от татарской войны заступить». В памяти, посылаемой в Разряд в каждом году, указывалось, где такие засеки должны быть и кто из воевод и с каким числом людей должен их охранять. Например, в памяти 1638 года указывалось: «На Крапивну к боярину и воеводе к Ивану Петровичу Шереметеву 500 человек, а ведать и оберегать Орловы ворота, а от Орловых ворот до Снятцких ворот, а от Снятцких ворот по Полошевскую засеку и Полошевские ворота».

Сбор служилых людей на «береговую» службу начинался ранней весной. Так рано, что жители северных областей не могли добраться к сроку. В связи с этим они подали в 1639 году челобитную царю: «Бьют челом розные дальние замосковные города. Служим мы беспрестанные твои государевы службы по вся годы и, будучи на твоих государевых службах под Смоленском, обедняли и одолжали великими долги; а ныне служим твои государевы береговые службы по вся ж годы беспрестанно, а учинен нам срок ставиться дальним замосковным городом на твоей

государевой службе мая первое число, с ближними городами в один срок. А поместьишка у нас в дальних городех: на Белеозере, да на Вологде, и в Галиче, и в Пошехонье, и на Костроме, и ходим мы на твою государеву службу в полую в большую воду по распути, в зажегах и в водяных заливах лошади у нас и людишка и ратная сбруя потопают и сами погибаем; и в то время на реках перевозов нет». И они просят разрешить: «ставиться им на службу, как минутся большие воды».

В ответ на эту челобитную царь «велел о сроке выписать и доложить себя, государя». А росписи слушав, указал: «белозерцам помещиком стать на службе после 1 мая числа три недели, вологжанам, галичанам... (после 1 мая) десять ден».

Конечно, Иван Филатович был в числе этих челобитчиков. Ничего другого о его военной службе в архивных документах, по-видимому, не найдется. О его же сыновьях известно, что младший, Афанасий Иванович, участвовал в первом Крымском походе князя В. В. Голицына и пал смертью в 1667 году. Имя старшего сына, Владимира Ивановича, встречается в столбцах Разрядного приказа. Сохранился также документ — грамота, пожалованная ему за участие в знаменитом деле князей Хованских.

Известно, что после первого стрелецкого бунта 15–17 мая 1682 года, выдвинувшего царевну Софью на роль правительницы, князь Иван Андреевич Хованский сделался начальником Стрелецкого приказа без всякого на то указа. Потворство Хованского стрельцам поддерживало в них мятежные настроения, а ему давало большую силу. Распространился слух, что И. А. Хованский и его сын Андрей замышляют присво-

ить верховную власть. Опасения мятежа и дворцового переворота были так велики, что царский двор оставил Москву и удалился сначала в Коломенское, затем в Воздвиженское и Троицу. По городам тайком были разсланы грамоты с призывом дворянам и служилым людям идти спасать царей. Скоро в Троице собрались значительные военные силы. Хованские были схвачены на пути в Воздвиженское и казнены. Стрельцам, напуганным сбором войска и казнью Хованских, ничего не оставалось, как просить милости. Двор вернулся в Москву и благополучное завершение дела было отмечено наградами всем, кто вовремя явился на призыв.

Среди этих последних был и Владимир Иванович Межаков. 14 мая 1683 года ему была выдана похвальная грамота следующего содержания: «Божею Милостию мы великие Государи цари и великие князи, Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, всея великие и малые и белые России самодержцы: по своему царскому милосердному рассмотрению пожаловали стряпчаго нашего Володимера Ивановича Межакова за его многую службу, что он будучи за нами великими государи цари и великие князи, Иоанном Алексеевичем и Петром Алексеевичем всея и т. д. в нашем царского величества походе, в селе Коломенском и в Савине монастыре, и в селе Воздвиженском, и в Троицком Сергиеве монастыре, во время надшедшего в нашем царствующем граде Москве мятежа и нестроения; служил нам великим государем царем и великим князем... верно, и в осеннее время, в вышепомянутый наш царский поход в село Воздвиженское и в Троицкой Сергиев монастырь приехал в скорых числах многолюдством, и всякую нужду принимал; и при помощи Божией

за нас великих государей царей и великих князей... с бояры с нашими и воеводы, видя в нашем царствующем граде Москве надшедшие мятежи и нестроение, стоял крепко и мужественно, и верно, со усердием радением по своему отечеству и по породе; и за помощью того же всемогущего в Троице славимого Бога, и заступлением христианства помощницы пресвятые богородицы, и молитвами великих святителей Петра и Алексия, Ионы и Филиппа, московских и всея России чудотворцев, и преподобныя отец Сергия и Никона радонежских чудотворцев, и всех святых молитвами в нашем царствующем граде Москве тот мятеж и нестроение утишилось, и мы великие государи цари и великие князи... за ту верную службу его Володимера Межакова жалуем милостиво похваляем; и пожаловали, похваляя его верную службу и усердное радение в роды и роды с поместного его окладу с 890 четвертей со 100 по 10 четвертей, итого 89 четвертей из его поместья в вотчину, в вологодском уезде в волости села Никольского Заболотья, жеребий села Никольского Заболотья, жеребий деревни Язвецова, деревню Микитино и т. д. письма и меры Федора Воронцова Вельяминова, да дьяка Савина Зависина сто тридцать шестого и сто тридцать седьмого и по дачам и по отдельным книгам вологодского раздельщика Пронки Нефедьева сто семьдесят первого году в той Володимерова вотчине Межакова. ...И на ту вотчину указали ему дати сию нашу царскую жалованную грамоту, за нашей царской красной печатью на память в предь будущим рода Его, что он за крепкое и мужественное стояние, со усердием и верным радением сию нашу государскую милость получил; и чтобы впредь на его службы смотря, дети его, и внучата, и правну-

чата, и кто по нем роду его будет также за нас великих государей... и за наших великих государей наследников и за свое отечество стояли крепко и мужественно, и верно, со усердием, радением и по нашему великих государей... царскому жалованию та вотчина ему Володимеру Межакову и его детям, и внучатам и правнучатам в роды их неподвижно; и вольно ему та вотчина продати, заложити и в приданное дати».

В 1692 году Владимир Иванович Межаков от военной службы был освобожден, вероятно, по старости. В этом году он записан в боярской книге стряпчим, значит был занят на гражданской службе: слово «стряпчий» происходит от «стряпать», то есть делать, работать. Стряпчими назывались люди, выполняющие самые разнообразные государственные работы. Владимир Иванович, скорее всего, был стряпчим дворцовым, которые «ведали по деревням дворцовые приказные дела и защищали дворцовых крестьян от обид». Должность стряпчего приносила кое-какие денежные доходы. Поэтому можно предположить, что со времени Владимира Ивановича начало расти благосостояние семьи.

III. Новые времена

«Но вот наступает царствование Петра Великого, величайшего гения всех времен и народов, и медленный ход нашей политической, экономической и общественной жизни понесся вперед с изумительной быстротой» (С. А. Петровский).

Прежде всего, Петр видоизменяет характер обязательной военной службы. Прежние дворянские ополчения с их людьми, оружием и лошадьми заменяются теперь регулярными армиями, составляемыми посредством рекрутского набора. Служба делается не периодической от похода к походу, а постоянной.

Война тянется чуть ли не все царствование Петра. Азовские походы, войны с Швецией потребовали от страны страшного напряжения всех сил. В этих войнах участвовал старший сын Владимира Ивановича Межакова Осип.

Но время Петра — это также время всевозможных реформ в области государственного управления. Созданием губерний и росписью по ним городов было положено основание правильному и однообразному делению страны, заменившему прежние хаотические воеводства. Учреждением Правительствующего Сената ставилась задача упорядочить верховную

власть в стране. Сенат, по словам указа, должен был ведать суды, наказывать неправильных судей, должен был заботиться о торговле, смотреть за всеми расходами, но главная задача его была собирать деньги, «понеже деньги суть артерия войны».

С учреждением новых органов управления особое значение приобрел новый вид обязательной службы — статской, гражданской. На такой службе подвизался второй сын Владимира Ивановича, Федор, который имел от рождения поврежденную ногу и потому военную службу нести не мог.

Федор Владимирович Межаков служил комиссаром в Важеских дворцовых волостях.

При Петре было учреждено несколько должностей комиссаров. Особый род комиссаров был учрежден для сообщения Сената с губерниями. Эти комиссары принимали от Сената указы, пересылали их губернаторам и сообщали Сенату о всех делах своей губернии. Кроме сенатских комиссаров, были еще комиссары губернские. Эта должность была введена в связи с возложенной на губернии обязанностью содержать определенные полки. Комиссар от губернии должен был выдавать этому полку жалованье из денег, собранных в губернии, должен был смотреть, чтобы полк был

Петр Первый

хорошо обмундирован и снабжен оружием, амуницией, лошадьми, а в случае недостатка должен был обращаться в свою губернию и требовать недостающего.

Как видно, обязанности комиссара были сложными. Поэтому на должность комиссара назначался «человек знающий, который мог бы по досланным указам о губернских всяких ведомостях отвечать». И конечно, грамотный.

Федор Владимирович был губернским комиссаром. В роду Межаковых он представлял четвертое поколение. Его прадед Филат Межаков не мог сам поставить подписи и вместо него к челобитным прикладывал руку кто-либо из редких тогда грамотеев. Сын Филата, Иван, уже подписывал челобитные сам. С того времени грамотность в роду переходила из поколения в поколение. Именно поэтому Федор Владимирович смог оказаться способным для отправления должности комиссара.

Что касается его назначения в Важеские дворцовые волости, то эта местность досталась ему, несомненно,

от близости к родовому гнезду в Вологодской области. Важескими землями назывались места, лежащие, как тогда говорили, за волоками, то есть большими лесами, по течению реки Вага, притока Северной Двины, и по многим другим соприкосновенным с Вагой малым речкам. Земли эти, входящие ныне частью в Архангельскую, частью в Вологодскую области, принадлежали дворцу, то есть членам царской фамилии, и назывались Важескими дворцовыми волостями, куда назначались специальные комиссары.

О Федоре Владимировиче известно, что он не владел родовой вотчиной в Никольском, которая, в соответствии с указом Петра о единонаследии, перешла к его старшему брату Осипу, бывшему на военной службе. У Федора Владимировича было покупное имение, купить которое мог ему отец, или мог он сам, так как должность комиссара была по тому времени достаточно высокооплачиваемой.

У Федора Владимировича было два сына. Старший, Василий, родившийся в 1707 году, служил военную службу и пал смертью в 1737 году. После него не осталось потомства.

Второй сын, Михаил, родился в 1709 году. В возрасте 13 лет он был определен в одну из дворянских школ, созданных при Петре I. Окончив ее в 1729 г., он поступил на военную службу и находился на ней в течение четырех царствований: кратковременного Петра II, затем Анны Иоанновны, кратковременного же Ивана Антоновича и затем Елизаветы Петровны.

При Анне Иоанновне Михаил Федорович участвовал во всех походах против татар и турок. Первый состоялся в 1736 году к Перекопу, а после взятия его — вглубь Крымского полуострова. Затем в 1737 году

Михаил Федорович Межаков

поход к Очакову. Именно во время приступа к Очакову под сильным неприятельским огнем и погиб старший брат Михаила Федоровича, Василий. В 1738 году новый днестровский поход и, наконец, в 1739 году поход на Бендеры и Хотин, в котором русские одержали выдающуюся победу над турками в открытом бою.

При Елизавете Петровне Михаил Федорович участвовал в войне со Швецией, которая хотела отвоевать северные области, потерянные ею при Петре I

В частности, в 1743 году он был под г. Або, где начались мирные переговоры, во время которых неприятель продолжал военные действия.

Двадцать лет прослужил Михаил Федорович на военной службе и в 1749 году был освобожден от нее, так как имел «застарелую цынготную болезнь, слепой почечуй и эпохондрию великую — одышку, в скорбутике весьма болен и часто золотая жила и из ушей худая материя течет». Но совсем оставить службу он не смог и в 1752 году был определен к подушному сбору в Вологодской канцелярии.

Подушная подать была введена при Петре I в связи с необходимостью получать средства на содержание регулярной армии. Сбор подушной подати до 1762 года лежал на губернаторах, которым в помощь придавались отставные офицеры с рассыльщиками из отставных солдат. Михаил Федорович при подушном сборе в Вологде с 1752 по 1758 год «находился добропорядочно; начетов и челобитчиков на него не было, а в приходе у него подушных и прочих денег было 478824 р. 68½ коп.».

В 1761 году, когда Михаилу Федоровичу исполнилось 52 года, он по его просьбе был от службы отставлен и отпущен «в дом на его пропитание», «с награждением пример-маеорского чина». К этому времени крестьян за ним числилось 100 душ, а поместья его находились в Вологодском и Белозерском уездах.

Но и после выхода в отставку Михаил Федорович не оставался на покое. С 1766 по 1768 год он по Именному ее величества указу находился при опекунстве над именем графов Бестужевых-Рюминых в Белозерском и Вологодском уездах. Здесь речь идет

об имении знаменитого дипломата и государственно-го деятеля, канцлера при Елизавете Петровне, графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. Граф имел двух сыновей. Старший его сын, Петр, умер молодым, не вступив в брак; второй сын, Андрей, за беспутное поведение по просьбе отца был заточен в монастырь. Алексей Петрович лишил его наследства в пользу своего зятя, князя Волконского. Но так как Алексей Петрович скончался, не успев подписать завещание, над его имением была учреждена опека до кончины Андрея, умершего в 1768 году без потомства.

По окончании опеки Михаилу Федоровичу был выдан аттестат, подписанный сенатором, генерал-адъютантом князем Михаилом и генерал-майором князем Алексеем Волконскими, засвидетельствовавший, что он «при опекунстве над имением покойного дядя нашего графа Алексея Петровича и пятоеродного брата нашего а его сына графа Андрея Алексеевича Бестужевых-Рюминых, которое ныне досталось по наследству нам, находился добропорядочно и никаких денежных и прочих начетов не явилось».

По-видимому, сразу же после выхода в отставку с военной службы, несмотря на все одолевавшие его болезни, Михаил Федорович начал энергично заниматься своим хозяйством. В архиве села Никольского сохранились документы, свидетельствующие о его деятельности в этом направлении. Изучивший эти документы Л. А. Андреевский пишет, что покупая и продавая недвижимости, ссужая деньгами под залог недвижимостей, он входил в соприкосновение с разными крупными людьми своего времени, заметными в Москве и Петербурге по их состоянию и влиянию. Среди них флигель-адъютант С. С. фон

Миних, князь М. Вадбольский, вдова генерал-аншефа Волкова, Нероновы, графы Строгановы и др. Свободные средства он использовал на увеличение своего имения. Кроме того, в 1773 году после смерти его двоюродного брата Петра Осиповича, у которого не было наследников мужского пола, к нему перешло и родовое гнездо село Никольское. Таким образом, к концу жизни в его владении оказалось только в Вологодском и Кадниковском уездах 1121 душа крепостных обоего пола и недвижимое имение в 41 селении.

Военная жизнь не располагала к обзаведению семьей. Не успел жениться и старший брат Михаила Федоровича, Василий, и он сам женился поздно, когда ему было уже около 40 лет. Его жена Авдотья Васильевна была из рода богатых вологодских помещиков Олешевых. Олешевы выводили свой род из Польши, по-польски их фамилия звучала Ольшевцы. Свой герб они получили от английского короля. Породнившись с Олешевыми, Михаил Федорович вступил в очень интересную семью. Авдотья Васильевна была самой младшей в семье. Ее старшая сестра Парасковья Васильевна была замужем за Василием Васильевичем Баршем, племянником адмирала Ивана Яковлевича Барша. Их дочь Мария вышла замуж за Пармена Матвеевича Лермантова. Этот Пармен Матвеевич был из рода знаменитого шотландского предка нашего великого поэта и приходился Михаилу Юрьевичу троюродным дедом.

Замечательной личностью был брат Авдотьи Васильевны, Алексей Васильевич Олешев (1824–1888). Родился он в селе Ермолово, получил прекрасное домашнее образование, которое завершил в Германии

и Франции. В молодости был военным, затем служил при дворе и вышел в отставку в чине действительного статского советника. Как помещик, Алексей Васильевич отличался гуманным отношением к крестьянам, в своем хозяйстве проводил агротехнические опыты с целью повысить урожайность, а тем самым и благосостояние крестьян. В 1766 году в «Трудах Вольного экономического общества» была напечатана его статья «Описание годовой крестьянской работы в Вологодском уезде с примечаниями». «Благополучно было бы наше любезное Отечество, богаты были бы наши жатвы, ежели б все живущие поселяне приобрели такое искусство в земледелии, какого требует благосостояние общества» — рассуждал он в статье.

Но наибольшую известность Алексею Васильевичу Олешеву принесли его литературные труды. Он занимался переводами немецких и французских авторов и попутно писал свои статьи и примечания. Перечень его произведений свидетельствует о том, что его более всего интересовали проблемы нравственные: «Начертание благоденственной жизни», «Вождь к истинному благоразумию и совершенному счастью человеческого», «Надежный, пристойный и спасительный путь к снисканию благополучия», «Бриллиантовая книжка», «Цветы любомудрия» — эти произведения сейчас совершенно забыты, но в XVIII веке они были известны и весьма популярны.

В вологодском обществе память о себе Алексей Васильевич оставил также и тем, что в 1780 году был избран первым губернским предводителем дворянства. Должность губернского предводителя дворянства восходила еще к 1766 году, когда при выборе депутатов в Комиссию Екатерины II по подготовке нового

Уложения дворянство впервые выступило как сословная единица. Функции предводителя дворянства определялись постепенно в последующие годы. Главной же их обязанностью была забота о дворянском сословии и ведение дворянских списков. Благодаря этой обязанности они стали во главе губернского дворянского общества, заняв почетное место не только среди дворян, но и в правительственной администрации. В своей губернии предводитель дворянства занимал первое после губернатора место и по всем вопросам мог сноситься непосредственно с губернатором или министром внутренних дел. Предводитель дворянства избирался сроком на 3 года. Если дворянство губернии было удовлетворено исправлением должности своим предводителем, оно могло переизбирать его на последующие сроки. Так и Алексей Васильевич в 1783 году был избран на второй срок, причем он представился с дворянской депутацией Екатерине II и произнес благодарственную речь.

Алексей Васильевич был женат на младшей сестре А. В. Суворова, Марье Васильевне. Великий полководец приезжал в Вологду к своим родственникам, а Марье Васильевне он даже одно время поручал свою дочь Наташу — Суворочку.

Таким образом, А. В. Суворов приходился А. В. Олешеву свояком. А М. Ф. Межаков приходился А. В. Олешеву шурином. И очень возможно, что свояк и шурины встречались в Ермолове или в другом имении А. В. Олешева.

Авдотья Васильевна была намного (лет на семнадцать-двадцать) моложе Михаила Васильевича Межакова, но ничто не указывает на то, чтобы ее отдали замуж против воли. Едва ли это было возможно

в просвещенной семье Олешевых. Напротив, есть свидетельства, что семья была дружной. У них было пятеро детей: Марфа, Парасковья, Василий, Александр и Елизавета.

О старшем сыне, Василии Михайловиче, известно немного. Он родился в 1751 году, был военным, участвовал в войне с Турцией под начальством графа П. А. Румянцева, затем в походах А. В. Суворова, дослужился до полковника, умер в 1798 году. Он был женат, его жену звали Марья Антоновна, но в документах не сохранилось какого она роду. У них было шестеро детей. О сыновьях Петре и Федоре известно, что их готовили к военной службе, но последнее упоминание о них относится к 1805 году, по-видимому, они умерли молодыми. Дочери же вышли замуж: Надежда за статского советника Нодбека, Любовь — за Николая Ендогурова, Авдотья — за вологодского помещика Волкова и Катерина — тоже за вологжанина Степана Дмитриевича Рындина.

Второму сыну Михаила Федоровича и Авдотьи Васильевны, Александру, суждено было стать продолжателем рода. О нем речь пойдет дальше. А своих дочерей они выдали замуж: Марфу за Петра Михайловича Лызлова, Парасковью — за пошехонского помещика Николая Петровича Колюпанова, известного тем, что в итальянскую кампанию Суворова он командовал Фанагорийским полком, Елизавету — за Николая Андреевича Засецкого, двоюродного брата известного вологодского историка Алексея Александровича Засецкого.

О муже старшей дочери Марфы, Петре Михайловиче Лызлове, известно, что он родился в 1731 году, имел имение в Вологодском уезде сельцо Окулово и се-

ления в Новгородской губернии; был военным, служил в артиллерии, прошел чины от фузинера до капитана, участвовал в походах в Пруссию во время войны с Фридрихом II, в 1759 году при взятии русскими войсками Франкфурта-на-Одере был ранен; в отставку вышел в 1761 году. После открытия Вологодского наместничества был избран предводителем дворянства Вологодского уезда.

Сохранилось несколько писем П.М Лызлова, которые он писал сначала невесте, потом жене на протяжении, по крайней мере, семнадцати лет, так как первое датировано 1765 годом, а последнее — 1782 годом. Письмам более двухсот лет, но от них все еще веет нежным чувством. Невесте он адресовал: «Государыне моей Марфе Михайловне Ея благородию Межаковой», а начинал письмо словами: «Радость душа моя Марфа Михайловна». Спустя пятнадцать лет он писал: «Жене моей Марфе Михайловне. Машенька душенька моя».

В каждом письме он передает поклоны и приветы родственникам. В письме, относящемся к 1780 году, он пишет: «Мой привет брату Пармену Матвеевичу (это Лермантов), Марье Васильевне (его жена), Василию Михайловичу (это старший сын М. Ф. Межакова, то есть брат Марфы Михайловны), Марье Антоновне (его жена), Елизавете Михайловне (сестра Марфы Михайловны), ее супруг (Засецкий) собирается скоро домой, ...Анне Петровне, Степаниде Петровне (это дочери двоюродного брата М. Ф. Межакова, Петра Осиповича) и еще несколько нерасшифрованных имен. А в конце приписка: «Пиши матушка почаше». Такими семейными кланями жили в те времена.

Сохранились еще два письма Марфе Михайловне, собственноручные письма Михаила Федоровича. В одном он сообщает ей, что «Василий Михайлович майора получил», в другом пишет, что ему с ней «потребуется видетьца и говорить. Также нужно видеть Алексея Васильевича (Олешева)». Почерк его разобрать трудно, но подпись отчетливая и твердая: Михайла Межаков.

Петр Михайлович Лызлов имел также переписку с Алексеем Васильевичем Олешевым. Не знаю, есть ли где-нибудь хоть один автограф А. В. Олешева. А в архиве Межаковых имеется его собственноручное письмо, небольшое, просто благодарность Петру Михайловичу за его письмо и «поклон любезной супруге вашей Марфе Михайловне». Для Марфы Михайловны в письме есть еще приписка: «Лубесьная моя Марфа Михайловна благодарю за ваше письмо. Мы, слава Богу, здоровы. Прасти же. Скоро вас увидим. Петру Михайловичу кланяюсь» и подпись М. О., то есть Мария Олешева, сестра А. В. Суворова. Судя по приписке, она была не особенно грамотна. Но все-таки все женщины этого семейного клана писать умели уже к середине XVIII в.

К 70 годам Михаил Федорович Межаков почувствовал необходимость в помощнике для ведения хозяйства и уговорил младшего сына уйти в отставку. Своему старшему сыну, Василию, он еще до этого выделил в собственность свое наследственное имение село Голубково. Александру предназначалось село Никольское. В марте 1783 года скончалась Авдотья Васильевна. Михаил Федорович тоже, по-видимому, чувствовал приближение смерти. Он призвал сыновей, и они оформили раздел имущества следующим соглашени-

ем: «1783 года марта мы нижеподписавшиеся полковник Василий и секунд майор Александр Михайловы дети Межаковы учинили сие любовное условие и положение следующего содержания: как родитель наш пример майор Михайло Федорович Межаков, снисходя к нам по несравненной отеческой своей любви и милости, позволил нам недвижимое свое и оставшееся после покойной матери нашей Авдотьи Васильевны Межаковой состоящее в разных уездах имение и дворовых людей, отдал в полную нашу волю между собою любовно росписать и разделить. Что мы приемля с благоговением и почитая сие за особливую его отеческую к нам любовь и милость, рассмотря учиненную недвижимому имению и дворовым людям ведомость, между собою любовно росписали и разделили, который раздел и самим родителем нашим апробован. В знак же благодарности обязуемся родителю нашему и друг другу, что если кто из нас впредь в чем-либо на сей раздел и наследственное родителем нашим завещание будет бить челом, то не токмо тот, яко презритель отеческой любви и милости отвечает за то суду Божескому, но и подвергает нарушителя сего под суд совестной и под взыскание без суда неустойки трех тысяч рублей. А сие условие и положение и по взыскании неустойки остается в своей силе. Кому же из нас что по сему разделу досталось значит под этим, а имянно» ... и следует перечисление имения, закрепленного за Василием, а затем за Александром.

Это соглашение определило дальнейшую судьбу Никольского: род Василия угас, а род Александра продолжился и благодаря ему и его потомкам это старинное село заняло заметное место в истории Вологодского края.

IV. Никольское

После кончины Петра Великого служебное бремя дворян постепенно слабело. С введением регулярной армии и рекрутских наборов отпала необходимость в их постоянной военной службе, так как из дворян теперь пополнялся в основном только офицерский состав армии. В то же время с введением подушной подати у них появилась новая обязанность, которая на первый план выдвигала их значение как землевладельцев. Дворяне стали ответственными перед правительством сборщиками подушной подати со своих крестьян.

Уже при Анне Иоанновне, по закону 1737 года, один из сыновей дворянской семьи получал свободу от военной службы для занятий своим хозяйством с обязательным, однако, обучением его грамоте. Но поворотную точку в истории дворянства сыграл подготовлявшийся еще при Елизавете Петровне, а изданный Петром III Манифест от 18 февраля 1762 года о даровании вольности и свободы российскому дворянству, освобождавший дворян от обязательной службы государству. В результате этого Манифеста дворянство из крепостного служилого сословия, каким оно было во все время своего существования,

превратилось в привилегированное землевладельческое сословие.

При Екатерине II законодательство развивалась в том же направлении. По итогам работы собранной ею Комиссии по подготовке нового Уложения были изданы два документа: «Учреждение о губерниях» 1775 года и «Жалованная грамота дворянству и городам» 1785 года. Первым документом решался вопрос о децентрализации государственной власти и предоставлении губерниям частичного самоуправления в сословной его части. Вторым — подтверждался Манифест 1762 года, а дворянство признавалось местным обществом с целым рядом юридических прав (так же как городское население признавалось городским обществом тоже с определенными юридическими правами).

Эти документы в корне изменили жизнь дворянства, и в то же время в очень сильной степени оживили и продвинули вперед русскую провинцию. Отмена обязательной службы дворянства (1762 г.) и учреждение о губерниях (1775 г.) содействовали приливу и оседанию дворян в провинции. Дворянство постепенно преобразуется из служилого в земельное, приучаясь к сельскохозяйственному предпринимательству. Свидетельством этого нового интереса дворянства является появление уже в 1765 году Вольного экономического общества, находящегося под особым покровительством Екатерины II, и зарождение около этого времени русской агрономической литературы и печати.

Естественно, что прилив дворян в родные углы не мог не повлиять и на характер дворянской усадьбы. В прежнее время поместья были лишь сред-

ством для служилого сословия исполнять свои обязанности. И до Петра, и в особенности во время его царствования дворянские усадьбы были пустынно и неуютны. Исследователь быта дворянства в первой половине XVIII века М. М. Богословский пишет, что в то время деревенская усадьба не служила еще постоянным местом житья помещика. В провинциальных усадьбах барский дом мало чем отличался от крестьянского: «очень невзрачного вида, одноэтажный, без фундамента, простояв, быть может, полстолетия, он как будто врос в землю и неприветливо глядел своими крохотными оконцами со ставнями. Неуютно было и внутри него. Он заключал в себе только три комнаты, но из этих трех одна большая зала была необитаема, потому что была холодной и не отапливалась. Она была скудно меблирована. Вдоль тесовых стен тянулись скамьи, а в переднем углу, украшенном множеством икон, стоял стол, покрытый ковром. В таких гнездах и ютилось провинциальное дворянство в первой половине XVIII в.»

Перемещение дворянства в свои поместья изменило весь уклад жизни в усадьбе. Ярким тому примером могут служить хозяйственная деятельность Межаковых в поместье и преобразования в их главной усадьбе — селе Никольском. Хозяйственная активность Межаковых началась, по-видимому, еще до манифеста 1762 года. Еще Михаил Федорович Межаков, получив отставку от военной службы и находясь на гражданской в Вологодской области, несомненно, мог больше внимания уделять своему поместью. О его сельскохозяйственной деятельности в то время ничего особенного не известно. Но сохранившиеся документы свидетельствуют, что он много занимался создани-

ем, так сказать, первоначальных средств, позволивших ему в последние годы его жизни поднять в значительной степени уровень хозяйства в поместье, расширить его и вложить очень большие деньги в обустройство усадеб в селах Голубково и Никольское. Он умер в 1783 году. Полновластным хозяином Никольского стал его младший сын.

Александр Михайлович Межаков родился в 1753 году. Когда ему исполнилось 12 лет, родители отдали его для прохождения учебы в Сухопутный кадетский корпус, где многие предметы преподавали иностранцы, и молодые люди получали весьма значительное образование. О его службе сохранился Формулярный список: в 1771 году он был определен в Конную гвардию капралом, в 1772 году — вахмистром, в 1773 году из гвардии выпущен в армейские полки поручиком, в 1777 году произведен в капитаны и определен в штаб генерал-аншефа и кавалера князя Михаила Никитича Волконского флигель-адъютантом. В 1779 году «по прошению за болезнями от воинской службы отставлен с награждением секунд-майорского чину». В продолжение службы был в походах с Оттоманскою портою под начальством графа П. А. Румянцева; в 1773 году воевал на «острову при Журдине»; в 1774 году — за Дунаем при Рущукине.

Выйдя в отставку, он деятельно включился в управление своим хозяйством. Но с 1783 года начал принимать участие в земских делах губернии. В этом году он определился заседателем в земский суд; с 1784 по 1790 год был советником в Вологодской уголовной палате; в 1786 г. получил чин надворного советника и был выбран вологодским дворянством

депутатом по составлению родословной книги; в 1793 году он был выбран предводителем дворянства по г. Вельску и участвовал в принесении благодарности Екатерине II за возобновление выборов дворянских предводителей; в том же году 9 июля по «имяному указу» назначен Председателем гражданской палаты и пробыл в этой должности восемь лет; кроме того, с 1794 по 1797 год был директором народных училищ, исправляя эту должность без жалованья; в 1797 году 5 апреля «по Имяному указу награжден чином коллежского советника».

В связи с его деятельностью в качестве депутата по составлению родословной книги находятся его хлопоты о родовом гербе. В архиве Правительствующего Сената Герольдии имеется дело о внесении герба рода Межаковых в Общий Гербовник Дворянских родов Всероссийской империи, где представлен этот герб, выполненный в красках с пометами, сделанными рукой Александра Михайловича. Под рисунком пояснение: «Герб фамилии Межаковых, употребляемый издревле». Герб был Высочайше утвержден 23 июня 1801 года и внесен в VI часть Общего Гербовника, на 55 страницу. Выглядит он следующим образом: «Щит, разделенный надвое, имеет малую голубого цвета вершину с изображением в оной осьмиугольной золотой звезды, а нижнюю половину пространственную, в которой в правом серебряном поле находится стоящий на земле лев, а в левом красном поле серебряная птица с распростертыми крыльями. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, намет на щите голубой и красный, подложенный золотом». Нарисован герб очень грамотно, строго по геральдическим правилам: «Нормальное положение льва есть восстающее,

то есть стоящее на задних лапах. С одной заднею ногою, выставленною вперед, и с передними — неодинаково приподнятыми, так что видны все четыре ноги. Лев обычно изображается в профиль и притом в правую сторону. ...Для изображения птиц самое употребительное положение взлетающее, с распростертыми крыльями». Символика герба легко расшифровывается: лев, как символ мужества и силы, несомненно, посвящен основателю рода Филату Васильевичу и его потомкам, служившим военную службу; птица же связана с родовым гнездом — селом Никольское, расположенным в заболоченной местности, богатой дичью.

Александр Михайлович полностью унаследовал предприимчивость и энергию своего отца. Он попал в эпоху, когда многие представители просвещенного дворянства, оставив службу, с увлечением отдались хозяйственной деятельности, находя в ней средство не только к повышению своего достатка, но и для удовлетворения потребностей своего ума. Так, в Тульской губернии в это время занимался своими агрономическими опытами его старший современник Андрей Тимофеевич Болотов — «признанный основатель отечественной помологии — науки о плодовых культурах», автор ряда статей в «Трудах Вольного экономического общества». По соседству, в самой Вологодской губернии занимался поисками новых агротехнических приемов для повышения урожайности дядя Александра Михайловича, Алексей Васильевич Олешев.

Как и Болотов, как и Олешев, Александр Михайлович был прежде всего помещиком и всю свою энергию в первую очередь направлял на сельское хозяйство: за десять лет в его имении утроилось коли-

чество рогатого скота и почти в два раза увеличилось количество высеваемого хлеба.

Но не только. Прирост сельскохозяйственной продукции, в частности хлеба, заставлял искать пути его использования за пределами натурального хозяйства. Государству было выгодно развитие предпринимательского характера помещичьих хозяйств, и оно поощряло эти поиски. Например, в изданном в 1765 году «Уставе о винокурении» первая статья гласила: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому». Александр Михайлович активно использовал привилегии, которые получило дворянство для занятий в промышленности и в других сферах. Л. А. Андреевский сообщает, что к началу XIX века он был владельцем двух винокуренных заводов в своих имениях, имел долю участия в заводе князя Засекина в Ярославской губернии и являлся откупщиком в винном деле в Вологодской губернии. Кроме винокурения, он некоторое время принимал участие в добыче и поставке соли, в своем поместье имел полотняную фабрику и черепичный завод, занимался также и ямским откупом.

К началу XIX века относятся сведения о конном заводе в Никольском. Как пишет И. Мердер, частное коннозаводство у нас восходит еще к XV веку. Но до XVIII века оно преимущественно обслуживало лишь Придворное ведомство. Толчок к более широкому распространению оно получило при Анне Иоанновне, большой любительнице лошадей, а при Елизавете Петровне к 1750 году в государстве насчитывалось уже более 20 частных заводов. При Екатерине II началось настоящее увлечение коннозаводством. «Особенно славились заводы графа А. Г. Орлова-Чесменского,

Зубова и др. Коннозаводство сделалось модной аристократической промышленностью. Открытие заводов превратилось почти в щегольство. Так что конец XVIII и начало XIX века считается золотым веком русского коннозаводства».

В Никольском тоже не остались в стороне от этого увлечения. Л. А. Андреевский пишет, что в первом десятилетии XIX века из Никольского дорогие, по 500–600 рублей, лошади отправлялись на продажу в Ярославль, Москву, Петербург и на местные конские ярмарки. А в переписке имеются сведения о продаже лошадей высшим сановникам Петербурга.

Из документов видно, что Александр Михайлович сам руководил всеми делами по своему немало-му хозяйству. В помощь себе он создал в Вологде специальную контору в составе управителя и трех писцов, необходимых ему потому, что «большое количество деревень в сей губернии за мною состоит, да и деревни хлебные, а притом в них имеются разные заводы, и обязанности с короною...». В конторе имелось три отделения: коронных дел, тяжёбных и домовых дел. Первое ведало рекрутские отдачи, платежи подушных, поставки вина, уплату процентов или капитала по займам в казне и проч.; второе вело судебные дела, а третье — всю переписку по хозяйству имения. О делах контора обязана была делать словесные и письменные доклады, подавать «мемории», вести окладную книгу всем сборам, приходную и расходную шнуровые книги денежных оборотов. Доходы же контора не должна была ни часу держать у себя, «а тотчас что откудова привезутся, то доклады-вать и вносить мне, а я принимая в книгах сам отмечать буду». Он всюду делал свои пометки в записях,

в приходо-расходных книгах хлеба, в ежедневных «журналах», в книгах полевых работ. Обычно книги и журналы сопровождались его вступительными и заключительными записями: «Боже, помилуй нас в сей и будущей жизни», «Конец лета и благодарение создателю», «с Божьей помощью начали жать рожь» и т. п.

Вообще, Александр Михайлович во всем любил порядок. Об этом свидетельствуют сохранившиеся, написанные его рукой инструкции дворовым людям, ответственным за разные участки домашнего хозяйства. Так, в инструкции дворецкому подробно указано, что он обязан следить за чистотой в доме, на кухне, в буфете, в конюшне и т. д., а также во-время ли встали люди, порядочно ли они причесаны, умыты, аккуратно ли их одежда и т. д. Истопник по инструкции «имеет смотрение за печами, и чтоб заслонки, вьюшки и душники были в целости и чистоте... дабы от пожара не могло причиниться каковой либо опасности и в случае оных тотчас мне докладывать». А для себя лично он вел «настольные реестры», куда записывались для памяти дела на текущий и последующие дни. Эти любопытные документы свидетельствуют, что он дорожил каждым часом своего времени. Во всяком случае — летом.

Анализируя хозяйство в Никольском при Александре Михайловиче Межакове, Л. А. Андреевский, который писал свою работу в 1922 году, неоднократно подчеркивал его крепостной характер. Конечно, ведь это и было именно то время, когда в полной мере начали складываться отношения между освобожденными от обязательной службы государству помещиками и оставшимися в крепостной

зависимости крестьянами. Межаков был, — пишет Андреевский, — «требовательный и строгий хозяин». Вместе с тем он пишет, что оброк и барщина в имении не превышали средних по губернии, «удлинения рабочего дня в целях усиления эксплуатации крепостных, как это практиковалось в других имениях, в с. Никольском мы не нашли. Пожалуй, наоборот — в этом поместье понимали невыгодность изнурения крестьян длительной барщиной». Андреевский отмечает, что «Александр Михайловичу Межакову не чужды были заботы о поддержании крестьянского хозяйства: ... в своем стремлении поддержать отдельных крестьян-домохозяев, владелец с. Никольского наряду с владением земель на началах общинных допускал и владение частное, то есть у отдельного домохозяина могла быть в пользовании и доля общинной земли по переделу, и участок им, например, купленный. При этом такой покупной участок не принимался к учету при разверстке общинной земли, чем, конечно, нарушался принцип уравнительного передела. Много ли в действительности было таких участков смешанного землепользования, мы не знаем и приводим здесь лишь иллюстрацию столкновения двух задач: охранения общины и поощрения частного подворного владения». Вот как это сформулировано в правилах, написанных самим Александром Михайловичем: «Земли частно кем купленные и впредь покупаемые остаются и впредь останутся в непоколебимом владении тех, кто их купил, или покупать будет, безо всякого в вотчине зачета». Такие правила были в то время весьма редким исключением.

С той же целью поддержания крестьянского хозяйства Александр Михайлович завел ссудную казну

в сумме 3000 рублей для раздачи ссуд крестьянам и написал особую для этой операции инструкцию. Ссуда, по словам инструкции, должна была выдаваться «верным людям, то есть не пьяницам, не мотам, а хотя бы и не капиталисту, но только, чтоб верному и честному человеку». Цель ссуды определялась так: «Чтобы оные деньги употребляемы были на какой торг, или промысел, или изделие, а не так чтоб, взявши, какой ленивец оным платил оброк, или иные подати, а сам бы надеясь на оную сумму, лежал на печи». Крестьяне пользовались ссудами, причем имелись отметки о выдаче ссуды не только своим, но и крепостным других помещиков.

Об организации труда крепостных можно узнать из инструкции приказчику — главному помощнику барина по управлению хозяйством. «Приказчику довлеет главное начальство как над домашними рабочими, дворовыми людьми, так и над крестьянами... А для сохранения от подчиненных повиновения, уважения, должно быть приказчику богобоязливу и честну, как прямому христианину, усердну и верну своему господину, рачительну, трудолюбиву и трезву, строго, но не жестоку, а паче человеколюбиву... Прикащик как попечительнейший хозяин да будет, и чтоб ничто как в поле, так и в доме глаза его не минуло, он всех ранее встать и всех позже лечь должен, староста да будет его правая рука и обязан безоговорочно исполнять все его приказания». Все обязанности приказчика были подробно и скрупулезно перечислены в этой инструкции. Согласно ей, приказчик мог и налагать наказания: «но при том накрепко запрещается как людей, так и крестьян без вины, или за собственную какую досаду наказывать, а кто приказчика особенно

чем обидит, на таковых жаловаться и просить удовольствия у меня».

Положенных дней работы крестьянина определялось три дня на барина и три на себя, а воскресенье для отдохновения.

К сожалению, сведений о благосостоянии крестьян в поместье не сохранилось. Косвенным показателем может служить лишь тот факт, что их число в имении за полстолетия увеличилось почти в два с половиной раза. Значительные изменения происходили в составе крестьянства. Это, прежде всего, расслоение крестьянской общины, внутри которой начали выделяться крепкие, зажиточные хозяйства, то есть те, которые в состоянии были прикупать земли в свое частное владение. Далее, в крестьянской среде появились занятия различными ремеслами, что способствовало выходу крестьян на оброк. По этому поводу П. Струве замечал, что помещичий класс, «оттесняя малочисленную и слабую буржуазию XVIII в. и купечество, выводил в свет более крепкую буржуазию из оброчного крестьянства... Экономический подъем оброчных крестьян подымал и их личность».

И наконец, создание в поместье целой системы по управлению хозяйством требовало наличия специально обученных, грамотных работников — доверенных лиц, приказчиков, конторских служащих. Сохранившиеся в архиве журналы, докладные, хозяйственная переписка донесли до нашего времени ряд имен этой «крепостной интеллигенции», в числе которой несколько позже появятся крепостные художники, мастера-краснодеревцы, садовники, актеры и музыканты. Слов нет, появление этой прослойки в среде крепостных усугубляло предпосылки к осозна-

нию ими несправедливости их положения. Но это был естественный исторический процесс, и он естественным образом без катаклизмов приведет к 19 февраля 1861 года.

В результате всей своей многосторонней деятельности Александр Михайлович к началу XIX века стал крупнейшим помещиком Вологодской губернии. Соответственно этому его положению преобразилась и главная усадьба его поместья, село Никольское.

Нужно представить себе местность, в которой расположено Никольское, его отдаленность от губернского и уездных центров, чтобы вполне оценить деятельность его владельцев по устройству родного гнезда. Местность эта — теперь унылая, довольно заболоченная равнина, где ничто не привлекает взор — «Заболотье». Впрочем, в XVIII веке эта равнина была еще лесом и не производила, наверное, такого унылого впечатления, как теперь. Была это лесная глушь с кое-где разбросанными деревушками. Ближайший поселок, ныне районный центр Устье-Кубенское в 30 км от Никольского, в XVIII–XIX веках тоже был небольшой деревней. До губернского центра, Вологды — 90 км.

Старожилы уверяют, что в прежние времена, когда озеро Кубенское было более полноводным, его берега подходили гораздо ближе к Никольскому. Еще на их памяти сообщение с Никольским было в основном водным путем на катерах. В XVIII–XIX веках в летнее время, возможно, это был самый удобный путь. Вот что говорит по этому поводу Г. К. Лукомский в книге, изданной в 1914 году.: «Эта усадьба (Никольское) находится в 80 верстах от гор. Вологды, в 3 верстах от Кубенского озера; проехать в нее можно на па-

Усадебный дом Межаковых в селе Никольском. 1920-е гг.

роходе по р. Вологде, далее по р. Сухоне и, наконец, по Кубенскому озеру и по р. Ухтыге». Зимой во все концы ехали более прямым путем на санях.

И вот в краю, где две трети года зима, в лесной заболоченной глуши строится усадьба. Каменный дом был построен в 70–80 годах XVIII века, то есть еще при жизни Михаила Федоровича Межакова. Г. К. Лукомский говорит, что подобное здание мог спроектировать Ринальди. Другие авторы считают, что дом построен по проекту В. И. Баженова: «Круглые башни по бокам с башенками наверху, рустованный первый этаж с полуциркульными окнами, стрельчатые окна второго этажа с круглыми оконцами над ними, гладкие стены во многом повторяют архитектурные детали царского дворца в Царицыно (фигурный мост, хлебный дом, оперный дом). Строительство дворца в Царицыно совпадает по времени со строительством дворца в Никольском. Автором дворца в Никольском был знаменитый зодчий В. И. Баженов».

Сейчас обо всем этом можно судить только по фотографии: и в самом деле, фасад дома напоминает царцынские постройки, а башни по углам имеют аналоги и в других строениях В. И. Баженова. То, что имя автора осталось неизвестным, было в порядке вещей. И. Э. Грабарь, например, отмечает, что В. И. Баженов больше всего строил для частных лиц в Москве и в дальних губерниях.

«Это огромное строительство никак не сохранилось в архивах заказчиков... Даже в тех случаях, когда прямо упоминается проект, данный исполнителю для осуществления, и перечисляются те его детали, которым предписывается строжайше следовать, имя автора не называется».

Относительно же стиля Ринальди Г. К. Лукомский имел в виду прежде всего внутреннюю отделку дома. И вполне возможно, что она была осуществлена по проекту другого архитектора. Все эти детали могли бы определить специалисты, если бы дом уцелел. Но дома нет...

В доме была 41 комната. «Из комнат особенно интересен вестибюль, украшенный колоннами; заняты четыре башни (из которых две больших и две полу-башни). Внутри дома хороший паркет замечательного рисунка палисандрового, красного и черного дерева. Потолки с лепными украшениями, по стенам рисованные обои. В комнатах старинная мебель екатерининской и александровской эпохи. Английские гравюры; много ценного хрусталя, фарфора, статуэток, канделябры, светильники для масла, люстры». Из архивных материалов видно, что дом был обставлен мебелью, купленной у знаменитого Гамбса в Петербурге, или сработанной домашним столяром из черного, крас-

ного и розового дерева. Стены и потолки расписывал итальянский мастер.

На втором этаже располагалась библиотека, по сей день привлекающая внимание исследователей. Один из них пишет, что «Александр Михайлович Межаков по праву считался владельцем богатейшего в губернии собрания книг и рукописей. К сожалению, почти все оно погибло... Нам удалось обнаружить (в областной библиотеке) только первый том «Полного описания деяний Петра Великого» Ф. О. Туманского (СПб., 1788), конволют из трех юридических сочинений на латинском языке, изданных Эльзевирами в конце XVII в., рукописный Сборник... Судя по книжным ярлыкам, библиотека, расставленная в систематическом порядке (с явным преобладанием разделов истории и юриспруденции), занимала несколько десятков шкафов и регулярно пополнялась новейшими сочинениями по всем отраслям знания в течение всего XVIII в.».

Это «явное преобладание разделов истории и юриспруденции» весьма показательно для Александра Михайловича. История, по-видимому, была предметом его увлечения: он пишет о «своем пращуре Филате Васильевом сыне», что о «службе его упоминается в российской истории князя Хилкова на 354 странице; у Голикова в дополнении к деяниям Петра Первого во втором томе на 312 странице». В другом месте он упоминает «Российскую историю» В. Н. Татищева и труды князя М. Щербатова. Значит, у него были и эти книги, и он их не только имел, но и внимательно читал. Что касается книг по юриспруденции, то, безусловно, он их приобретал в связи с его деятельностью в земском суде, уголовной и гражданской палатах.

В 1807–1808 годах под руководством архитектора, приехавшего из Ярославля, производились дополнительные работы при доме. Тогда, по-видимому, к дому было пристроено здание картинной галереи, начато строительство еще одной церкви, а также построены разные службы и конюшни. В те же годы в усадьбе был создан и театр, о чем свидетельствуют неоднократно встречающиеся записи о перевозке декораций, о покупке красок для декораций и т. п.

Одновременно со строительством дома начал создаваться знаменитый Никольский сад по проекту специально приглашенного из-за границы садовника. Сад был разбит по нерегулярной системе с расчетом на неожиданно открывающиеся ландшафты. Через него протекает крохотная речка Мартыновка, на которой была построена система плотин для питания водой прудов. По берегам речки были сооружены земляные и каменные горки и гроты. В саду произрастало свыше 50 различных редких пород деревьев и кустарников.

В 1808 году для ухода за садом, оранжереей и ананасной теплицей был привезен из Петербурга иностранец Иоганн Ренненсберг.

Тогда же для украшения сада московский скульптор Иван Андреевич Фохт по договору должен был доставить «два канделябра для подсвешников величиною соответственно месту для сада, гипсовые — Аполлона Бельведерского в колоссальном виде, 4-аршинного, Флору Фарнезскую в рост обыкновенного человека, Венеру Медицею такой же величины, сделать по рисунку 2 аттические вазы, каждая в 2½ аршина, и 2 кариатиды такой же меры».

Так Заболотье превратилось в Александрополь. Можно представить его себе: двухэтажный камен-

Парк в Никольском

ный дом с башнями по углам. Внутри блеск зеркал, хрусталя и паркета. За домом огромный сад в английском стиле с редкими породами деревьев, прудами, беседками, гrotтами и белыми лебедями. Перед домом центральная площадь усадьбы, мощеная морским булыжником, уложенным в крупную клетку. Слева каменный мост через речку. Вдоль речки тянутся оранжереи и теплицы, в которых выращиваются ананасы, виноград и другие экзотические растения. Против дома, по другую сторону площади, на взгорье каменная пятиглавая церковь с колокольной. За ней другая, более древняя церковь Вознесения с прекрасной шатровой колокольной. А дальше целый ряд каменных служебных строений, силосные башни, магазины и т. п. С правой стороны площади два красивых каменных флигеля, в которых находилась контора усадьбы и жил управляющий, а между ними начиналась главная ули-

ца села, прямая и широкая, мощеная, как и площадь, булыжником.

Конечно, семья Александра Михайловича не жила постоянно в Никольском. При жизни отца сам он по зимам жил в Петербурге, где у него, как говорит предание, тоже был дом. То, что он создал в Никольском, безусловно свидетельствует, что ему не чужды были художественные и литературные интересы. Вероятно, он был близок к литературным кругам того времени. Такое предположение подтверждается ранними литературными знакомствами его сына Павла, а также интенсивной перепиской, которую он сам вел с графом Д. И. Хвостовым, поэтом, хотя, как считали, и бездарным, но состоящим в приятельских отношениях со всем литературным Петербургом.

С годами, однако, Александр Михайлович все больше увлекался и затягивался хозяйственными делами. К тому же жизнь в Никольском по своим удобствам теперь мало отличалась от столичной. Удерживали его здесь и родственные связи, ведь через браки своих сестер и дочерей он состоял в родстве почти со всеми старинными вологодскими фамилиями. И он все реже выезжал в столицы даже в зимнее время. Об этом свидетельствуют записи в ежегодных журналах, которые велись в Никольском и в которых отмечались все происходящие там события. Вот, например, некоторые записи в журнале за 1806 год. «Вседержащий благослови начало и увенчай конец 1806-го года» — записано рукой Александра Михайловича. 2 января: «Отправился барин с барышнями в город, приехал 3-го в вечеру»; 9 января: «Получено письмо от Павла Александровича и другое от князя Николая Андреевича Засекина»; 18 января: «На почте отправлено Кириллу Степановичу

(Рындину) для переводу чрез иностранную контору в Неаполь к Павлу Александровичу 2000 руб. ассигнациями»; 27 января: «Приехал из Ярославля князь с Варварой Александровной и архитектором. Отправлен англичанин в Москву для продажи лошадей. Через Дарью Александровну послано Марфе Михайловне 100 рублей»; 11 февраля: «Приехала Парасковья Михайловна с Петром Николаевичем (Колюпановым) из Москвы»; 23 февраля: «Уплачено итальянцу за картины 250 руб. ассигнациями»; 27 февраля: «В девять часов по полудни скончалась Марфа Михайловна»; 28 февраля: «Подана просьба о построении мирской церкви»; 1 марта: «На разные приготовления к печальной церемонии выдано 450 руб. ассигнациями»; «На почте отправили письма А. Н. Засецкому, П. Н. Колюпанову»; 14 марта: «С почты письма от Кирилла Степановича, Павла Александровича и княгини Софьи Александровны»; 18 марта: «Явился англичанин из Москвы с 5 лошадьми, за проданного там рыжего получено 325 рублей, из оных 300 отдано Петру Николаевичу (Колюпанову)»; 19 апреля: «Приехал Павел Александрович (из Неаполя)»; 1 июля: «Виолончелисту Егору Иванову при отпуске его по расчету 32 рубля»; 22 декабря: «Николаю Ивановичу Баршу отдано на пожертвование 100 рублей»... «Конец и Богу слава».

Из этих записей многое можно узнать о жизни в Никольском в те годы. Прежде всего, они свидетельствуют о близких отношениях между родственниками. Не говоря о том, что в записях постоянно упоминаются сестры Александра Михайловича, Марфа Лызлова и Парасковья Колюпанова с ее детьми (мужья сестер в это время уже не жили) и его дочери,

Софья Засекина, Дарья Зубова с их мужьями, а также Парасковья, Варвара и сын Павел, там очень часто мелькают имена Олешевых, Барша, Пармена Матвеевича Лермантова, Засецких и других более отдаленных родственников. Записи отмечают интенсивную переписку со столичными сановниками Кириллом Степановичем Рындиным, графом Д. И. Хвостовым и др. Можно узнать из них и кое-что о служащих в Никольском. Среди них было несколько иностранцев: Федор Карлович Штурм — англичанин, занимавшийся конным заводом; садовник Иоганн Ренненсберг; живописец-итальянец; кто-то по имени Моллер; «мамзель» Лизавета Карловна Гольм, вероятно, гувернантка дочерей. Из русских упоминается архитектор, которого звали Александр Васильевич, виолончелист Егор Иванов. Поверенным служил Елисей Михайлович Малиневич. Очень часто в записях фигурируют и дворовые: дворецкий Осип Иванов, весьма доверенное лицо, постоянно выезжавший с разными поручениями в Петербург и Москву; приказчик Асикирит Николаев, ведавший всеми расходами по усадьбе (оба они сыграют свою роль в трагической кончине барина); Афанасий Щепкин, ездивший в Москву за красным, желтым и черным деревом, а в другой раз за «фортупеинами» и др.

Жизнь в Никольском была ключом во все времена года. Казалось бы, такая глушь, но непрерывно едут гости — родные и знакомые, летят письма... И ни одного намека о нависшей над домом бедой. Впрочем, скрытый намек есть: в записях совсем не упоминается имя жены Александра Михайловича, матери пятерых его детей.

Выйдя в отставку в 1779 году, он вскоре женился. Его жена Варвара Михайловна происходила

из известной, многочисленной, богатой и влиятельной семьи Нероновых. Ее дед Борис Иванович был интендантом дворца при Петре I, а отец Михаил Борисович был богатейшим человеком своего времени. Родители, однако, не одобряли брака своего сына, так как о семье Михаила Борисовича ходила недобрая слава. Сам Михаил Борисович писал Екатерине II, что «имел несчастье быть отцом пяти беспутных сыновей, слух о беспутстве которых прошел во все пределы Российской Империи». Два его сына, Александр и Иван, в конце концов были отданы под суд «за невозволительный долг из государственного банка» и по лишении чинов и дворянства сосланы в ссылку.

Тем не менее брак долгое время казался удачным. У Александра Михайловича и Варвары Михайловны родились пятеро детей: Софья в 1782 году, Парасковья — в 1783 году, Дарья — в 1785 году, Павел — в 1788 году и Варвара — в 1790 году. Но в 1796 году Варвара Михайловна, под предлогом свидания с родственниками, уехала в Петербург, где, по словам мужа, «пребывание свое ознаменовала самым постыдным поведением, промотала в 2½ месяца с лишним 20 тыс. рублей».

В 1796 году Варваре Михайловне было немногим более 35 лет. В Вологодском музее имеется прекрасный ее портрет, выполненный спустя примерно 10 лет. К этому времени она располнела, но видно, что была очень красива. На портрете особенно хороши у нее высокий чистый лоб и изумительно живые глаза. Она была прекрасно образована. Оставшиеся после нее книги (в том числе «Дон Кихот», «Собрание писем А. В. Суворова», «Осада Ларошели», «Театр Коцебу», «Сочинения» Майкова, Коран и т. д.) свидетельствуют, что ей была интересна и серьезная литература.

Что же случилось у нее с мужем после 15-летней супружеской жизни? Наверное, ее тянул Петербург, где она провела молодость, где жили ее родные. Напротив, Александр Михайлович, начав обустроить Никольское, предпочитал большую часть времени проводить там. Строительство стоило больших денег, и семья жила экономно. Варвара Михайловна происходила не из той семьи, где мирились с экономией. Ей стало скучно, и она уехала в Петербург. Надо думать, столичная жизнь сильно затянула ее, если заставила забыть пятерых детей. Это видно и из письма к ней Александра Михайловича от 25 июня 1796 года, в котором он говорит, что «получил об тебе две записки, хотя и в разной материи: одну об долгах, другую об любовных твоих действиях... и что ты еще имеешь намерение то же продолжать к крайнему стыду и мне, и себе и всему нашему роду».

Начался бракоразводный процесс и долгая, изнурительная тяжба. При вступлении в брак Варвара Михайловна была богаче Александра Михайловича. Теперь она предъявила ему иск на 84120 рублей. Суд, однако, отклонил его, так как мать, как и отец, должна была своим имуществом обеспечивать содержание и будущность детей. Но Варвара Михайловна продолжала делать долги. По обоюдным жалобам было издано несколько Именных указов. В 1798 году июля 31 дня император Павел подписал определение: «Имение Межаковой отдать в опеку, с тем, чтобы выделив из доходов часть на содержание детей, остальное отдавать ей на прожиток». Но воля Государя не выполнялась. В тяжбу пришлось включиться ее старшей дочери Софье, не получившей от матери своей доли приданого. В конце концов, попечитель

Варвары Михайловны, действительный статский советник Тонеев, продал имение ее Департаменту уделов за 135 тысяч рублей. Вырученные деньги частью пошли на уплату долгов, а остальные «неизвестно куда девались».

Мотовство Варвары Михайловны и тяжба тяжелым бременем ложились на все хозяйство. В 1798 году Александр Михайлович вынужден был заложить несколько деревень, чтобы занять во «вспомогательном банке» 28 тысяч рублей на уплату долгов жены. Через 10 лет долг по имению возрос до 85 тысяч рублей.

Но не только на финансовом положении сказывалась тяжба. Муж жаловался, что жена его во время пребывания в Никольском сеяла среди крестьян недовольство и подстрекала их к бунту, причем только с большим трудом удалось предотвратить неизбежные беспорядки. В архиве имеются материалы о случаях своеволия дворовых людей, вызванных подстрекательством Варвары Михайловны. Она через Сенат предъявляла на них права, и они, пользуясь этим, проявляли неповиновение, а двое даже убежали из Никольского. Так, один из них, Гаврила Лебедев, который был у Межакова поверенным, «учтя раздор между ним и его женой, в 1805 г. сочинил себе фальшивый от имени Варвары Михайловны увольнительный билет и с ним пробрался в Ярославль и Галич». Дело о Гавриле Лебедеве разбиралось несколько раз в Сенате.

В числе дворовых были двое, которых сын Александра Михайловича Павел считал главными заправилами всего происшедшего. Это, во-первых, приказчик Асикирит Николаев, который «уже был под

судом и уличался в нечестных поступках», и, во-вторых, Осип Иванов, который утверждал, что барин не имеет на него никаких прав.

«Сей Осип Иванов, по его сообщению, был незаконно прижит его матерью дворовой женщиной Елизаветой Михайловой спустя три года после получения ею воли от Михаила Федоровича». По документам дело выглядит так. В 1773 году скончался от ран, полученных на войне, тогдашний владелец Никольского Петр Осипович Межаков. Перед смертью он попросил своего двоюродного брата отпустить на волю Елизавету Михайлову. Просил ли он при этом о своем сыне Осипе, неизвестно, в документах о нем ничего не сказано, может быть, Осип еще не родился. Спустя некоторое время Михаил Федорович дал вольную Елизавете, а Осипа, когда ему исполнилось 9 лет, взял в дом и обучил грамоте. При Александре Михайловиче Осип стал дворецким и доверенным лицом, записи о нем очень часто встречаются в журналах. Некоторое время он находился в распоряжении Варвары Михайловны, на основании чего она предъявила на него права и теперь. Осип, конечно, знал о своем происхождении, его чувства к барину понятны, тем более, что они подогревались женой барина.

Так образовался этот почти шекспировский семейный клубок, приведший почти к шекспировской драме.

После растраты состояния Варваре Михайловне, по-видимому, приходилось туго. Вот ее письмо к сыну от 15 октября 1808 года:

«Любезной друг мой Павел Александрович!
По многом недоумению и не решимости к кому мне ад-

ресоваца с письмом моим, наконец, вздумала отнестись к тебе объяснить мое желание. Тебе конечно известна несколько лет продолжавшаяся тяжба между мною и твоим батюшкой, которая обеим нам кроме беспокойства ничего не приносит, а паче мне, ибо я во всех отношениях чувствую себя слабее, и потому ежели угодно будет батюшке удовлетворить моему желанию и получить обоюдное успокоение, я получаю от него десять тысяч рублей, согласна все и навсегда тяжбы и претензии прекратить. Прошу тебя моего друга! Ежели ты не боишься его сим прогневать, дать о намерении моем знать и теперь это уже будет зависеть от воли Александра Михайловича прислать кого в Москву и поручить окончание. Правила чести и мягкость моего сердца препятствуют мне решитца продать мою претензию и получить самые те деньги, на которых я мирюся. Буду ждать твоего ответа. Теперь скажу о себе мой друг, что я нонче очень слаба в здорье и недавно имела рожу от которой 4 дни сумневались об моей жизни. Прости мой милой друг, будь над тобою Божия милость и мое благословение.

Твой друг Варвара Межакова

Прошу тебя своим хорошим поведением утешать батюшку и никогда его не прогневить, что и мне, когда услышу, будет утешительно».

Однако Александр Михайлович на мировую не пошел, и это, возможно, повлияло на дальнейшие события. «24 мая 1809 г. утром Александр Михайлович выехал в коляске, имея при себе лакея, в пустошь, где осматривал работы по уборке и чистке рощи. Отослав лакея для помощи рабочим по уборке сучьев, а ку-

вчера оставив при лошадях, он вошел в рощу, где его убили двумя выстрелами из ружья поджидавшие там два крестьянина, один из деревни Самоново помещицы Березниковой — Денис Яковлев, другой из деревни Крутца помещика Зубова — Данило Ефимов». Убийцы были настигнуты кучером и, будучи арестованы, назвали нескольких участников убийства. При допросе они показали, что были наняты убить помещика за 500 рублей, из коих 150 уже получили через крестьянина деревни Окулова Василия Васильева. Последний сообщил, что «прикащик» Асикирит Николаев дня за четыре до убийства приказал ему «тихим и повелительным образом с угрозами» сходить за Данилой Ефимовым и подговорить его к убийству, а также, что крестьяне некоторых деревень, в числе 14 человек, чинили согласие на убийство своего господина за наряжаемые от него тяжкие работы.

8 июня 1809 года в Никольское прибыл сын убитого Павел и включился в следствие. Главным обвиняемым он считал Асикирита Николаева и сам собрал против него показания у своих крестьян, кучера Оверьяна и лакея Михаила Осипова. А в заявлении по поводу Осипа Иванова он написал: «Я нужным нахожу объяснить мои мысли к обличению злодеев. Произвести такое ужасное и толико важное злодейство с тем, чтобы сокрыть виновных, не есть действие одной неразумной страсти, но требовалось отработанного ума, чтобы нанять из чужой вотчины убийц и избрать время для убийства тогда, когда я находился в Санктпетербурге, а сестры мои девицы Парасковья и Варвара отлучились в город Вологду к сестре нашей Дарье Зубовой. Произвести убийство хотя днем, но в отдаленном месте при работниках, состоящих

из одних женщин... Если бы только убийца успел бежать, то все убийцы были бы сокрыты». Поэтому он считает: «Можно не обинуясь сказать, что душою всего заговора был человек, знавший все о делах своего господина». Он просит освободить его от Осипа, так как он и сам боится его: «Я имею совершенную опасность в моей жизни от сего хитрого злодея».

‡ Варвара Михайловна пережила мужа на шесть лет, но в Никольское она больше не попала. Сын постарался закрыть дело, обязавшись платить матери 3500 рублей в год. Тем не менее, некоторое время Варвара Михайловна продолжала чинить иски и по отношению к нему, но безуспешно. Сын и дочери не поддерживали с ней отношений. По-видимому, и ее влиятельные родственники перестали оказывать ей помощь. Последние годы она прожила в Вологде на квартире у чужих людей, где после ее кончины осталось довольно скромное имущество, тот же час описанное кредиторами.

Память об Александре Михайловиче поддерживалась в роду: в каждом поколении один из сыновей носил его имя, так что, в конце концов «Александр» стало родовым именем (последний Межаков был тоже Александр). Варварой звали младшую дочь Александра Михайловича и Варвары Михайловны; больше в роду этого имени никогда не было.

Судьба была неблагоприятна к Александру Михайловичу и после его смерти. Как сказано в документах, убитые горем родственники, съехавшиеся на похороны, решили похоронить его в новостроящейся Николаевской церкви, которую он заложил в 1807 году. Тогда они не обратили внимания на то, что склеп пришелся под алтарной частью строящейся церкви. После

семейной трагедии жизнь в Никольском на некоторое время заглохла. Строительство церкви приостановилось. Когда же через несколько лет его хотели возобновить, то увидели, что престол по необходимости должен был оказаться над могилой, что по церковным правилам было недопустимо. Священник, который отпевал покойного, призванный к ответу, пояснил, что, так как церковь строилась на старом кладбище, то он полагал, что под алтарем будут и другие могилы. Родственники хотели перенести захоронение, но им напомнили указ Петра I о решительном запрещении вырывать из земли захороненные тела и перевозить их в другие места. Так снова имя Александра Михайловича и перипетии его семейной трагедии начали склоняться в разных инстанциях, пока в феврале 1823 г. не вынесено было постановление: престол в церкви поставить как можно ближе к царским вратам, а священнослужителей обязать подпиской, чтоб впредь не дерзали производить захоронения подобным образом.

А еще через сто лет, в 1922 году, уступая духу времени, Л. А. Андреевский, получив доступ к уникальному усадебному архиву, постарался превратить семейную драму в социальный конфликт, а последующие компиляторы не стеснялись в выражениях относительно этого «ярого крепостника». Не только документальные свидетельства, которыми изобилует монография Андреевского, не подтверждают такое мнение об Александре Михайловиче. Долгая память сельчан сохраняет облик Никольского, им созданного, чудесный дом и чудесный сад со всеми его горками, гротами и прудами, сохраняет предание о неверной жене и легенды, которыми обросла эта история, и никаких примеров «ярого крепостничества».

У. Поэт

«Отец мой состоял в родстве с вологодским магнатом П. А. Межаковым. Межаков был одним из образованных помещиков того времени и жил в великолепном своем имении Кадниковского уезда, где у него был превосходный оркестр из крепостных, известный конский завод с выписанными английскими жеребцами, большая оранжерея и громадный сад с прудами. Обширная родня Межакова собиралась в его Никольском и проводила время гораздо осмысленнее и разнообразнее, нежели на обширных помещичьих съездах; давались домашние спектакли, разыгрывались шарады на французском языке, оркестр играл серьезную музыку и аккомпанировал пению. Межаков давал блестящее воспитание своим детям, а с ними получила образование моя сестра. По зимам Межаков ездил в Петербург, вращался там в литературном кружке и сам издал свои стихотворения под именем «уединенного певца».

Павел Александрович Межаков, о котором здесь идет речь, был единственным сыном Александра Михайловича. Родился он 12 августа 1788 года. Первоначальное образование он получил дома, в атмосфере которого было «много образовательной

жизни и силы, много было и литературного». Когда ему исполнилось 9 лет, отец отдал его в Московский Университетский благородный пансион.

«В Университетском благородном пансионе, — писал М. А. Дмитриев, — обращалось преимущественное внимание на образование литературное. Науки шли своим чередом; но начальник пансиона незабвенный Антон Антонович Прокопович-Антонский находил, что образование общее полезнее для воспитанников, чем специальные знания: по той причине, что первое многостороннее и удовлетворяет большому числу потребностей, встречающихся в жизни и в службе».

По выходе из пансиона Павел Александрович 15 марта 1802 года, то есть в возрасте неполных 14 лет, был определен актуариусом в Государственную Коллегию иностранных дел «по знанию им иностранных языков и наук», а 21 декабря 1803 года «произведен в переводчики». Затем «По именному высочайшему указу определен в Неапольской миссии сверхштата 26 января 1805 г. » и пробыл за границей до марта следующего года. В 1806 году 16 октября Александр I подписал Манифест о войне с Францией, а 30 ноября вышел Манифест о создании народного ополчения. «Русская молодежь загорелась желанием отомстить Аустерлицкую неудачу». Павел Александрович был в числе этой молодежи и 1807–1808 гг. провел в военных походах. В 1809 году 31 мая «зачислен по-прежнему в Коллегию иностранных дел» и прослужил там до 1817 года 10 марта, когда «по прошению был уволен для определения к другим делам». В 1821 году 5 января «Определен в Комиссариатский штат с переименованием в 8 класс» (то есть в чине коллежского асессора). Комиссариатский штат входил в состав военного

министерства. Предметом его забот было довольствие армии деньгами, обмундированием и различным снаряжением. Павел Александрович прослужил здесь до 13 января 1826 года, когда «по именному Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату, согласно его прошению, он был уволен вовсе от службы с награждением за беспорочное продолжение оной чином статского советника».

В Формулярном списке не сказано, где находился П. А. Межаков в 1812 году. Но трудно поверить, чтобы молодой человек из семьи с давними военными традициями не участвовал в войне против Наполеона. В Вологодском архиве, однако, сохранился любопытный документ: это составленный Павлом Александровичем «Реестр вещам, находящимся при моей отставке из службы — писано во время квартирования в замке Ругенталь, принадлежащем Светлейшему князю Платону Александровичу Зубову декабря 24 дня 1818 года». Среди записей о платье, обуви, белье, посуде и т. п. имеется следующая: «Перешница с медною чернильницею, купленные в 1812 году у солдата после сражения под Вилькомирами».

К моменту вступления Наполеона в Россию в Вилькомирах стоял 1-й резервный кавалерийский корпус первой армии под командованием генерал-адъютанта графа Ф. П. Уварова. К этому корпусу, по-видимому, был прикомандирован Межаков. При отступлении русских войск от Вильнюса в Вилькомиры подошел еще корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна. Но сразу же вслед за ним вблизи Вилькомир появились и французские отряды под командованием маршала Удино. Чтобы вывести войска из Вилькомир,

пришлось атаковать противника. Так состоялось это сражение, одно из первых в начавшейся войне. В дальнейшем корпус Ф. П. Уварова проявил себя 23 августа в деле под Колоцким монастырем и принимал участие в Бородинском сражении. И если П. А. Межаков находился в нем в начале войны, то с ним же прошел и весь тяжелый путь до Бородино, так как сразу же после сдачи Москвы оказался в Ярославле, где сосредоточивались русские войска.

В «Реестре вещам» есть еще интересные записи: «Золотые часы с золотою цепочкою и печатью, подаренные императрицею Мариєю Федоровною в 1818 году сентября 22 дня» и «Мундир темнозеленого сукна подарок императрицы Марии Федоровны» — намек на то, что после увольнения 10 марта 1817 года «для определения к другим делам» он служил в ведомстве императрицы Марии Федоровны, вдовы императора Павла.

Павлу Александровичу шел 21-й год, когда погиб его отец, и он должен был стать во главе семьи. Из его четырех сестер две вышли замуж еще при жизни отца: Софья за ярославского помещика князя Николая Андреевича Засекина, Дарья за вологодского помещика Алексея Александровича Зубова.

Обе фамилии, в которые попали сестры Павла, принадлежали к старинным русским родам. Князья Засекины были одного корня с князьями Вяземскими. Они происходили от князей Ярославских, среди которых, в седьмом колене от великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, был князь Иван Федорович, по прозванию Засака. Потомки этого князя, князья Засекины «служили Российскому престолу в знатных чинах и жалованы были от Государей поместьями».

Вологодский род Зубовых вел свое начало со Смутного времени и тоже уже насчитывал двести лет.

* * *

Имя княгини Софьи Александровны Засекиной всплыло на страницах журналов в связи с публикацией о старинном круглом столе с уникальной, вышитой бисером столешницей. Вот что писала об этом столе известный искусствовед Мария Николаевна Мерцалова, в молодости дружившая с семьей Межаковых: «В 1935 году мне посчастливилось увидеть в одном частном доме круглый стол со столешницей диаметром около метра: в раме из карельской березы шириною около 15 см находилась бисерная вышивка. Середину занимала сцена из греческой мифологии, выполненная в бежево-коричневых тонах, но не она привлекала внимание. Сцену окружал широкий венок из самых разнообразных цветов. Бисер был очень мелким, и вышивку делали на полотне без канвы — «по счету ниток», то есть каждое пересечение нити основы и утка было той ячейкой, в которую вшивали крошечную бисеринку.

Вышивка была покрыта толстым зеркальным стеклом, а низ подстоля — круглая неширокая тумба карельской березы — соединялся с четырехугольным основанием, которое украшали резные ажурные готические детали. Под столешницей находился какой-то простой механизм с винтом, и стоило его повернуть, как стол принимал вертикальное положение и превращался в большой каминный экран».

К этому описанию нужно добавить, что под вышивкой стояли инициалы К. С. З., а в тумбу между четырьмя готическими колонками были вмонтиро-

ваны четыре диска с изображенным на них гербом рода Межаковых.

«У этого стола, — продолжает М. Н. Мерцалова, — интересная история: в селе Никольском Вологодской губернии почти безвыездно жил некий помещик. У него была дочь, она-то и сделала эту вышивку в 1830–1840-х годах, составив венок из всех цветов, что росли в имении и окрестных полях. Работала она над ней десять лет. Столешницу же и другие детали сделали ее крепостные.

Многие знали об этом великолепном столе, и когда в 1907 году в Париже была устроена выставка прикладного искусства, созданного русскими женщинами (при участии княгини Тенишевой), это драгоценное произведение женского вкуса и трудолюбия было выставлено и получило самую высокую оценку (владелец этого стола-экрана был репрессирован в 1937 году, мебель конфискована, и дальнейшая ее судьба неизвестна)».

Дальнейшая судьба стола была обычной для того времени. Он поступил в распродажу по цене, установленной профанами, поменял нескольких владельцев, также не понимавших его истинной ценности, и использовался как обычный бытовой предмет. В конце концов, его приобрела коллекционер Г. Н. Всесвятская, которая, по ее словам, «сразу поняла, что это бесценное художественное сокровище». Стол был в ужасном состоянии, стекло разбито, из четырех дисков с гербом одного не хватало, а основа, на которой держалась вышивка, изнашивалась и местами прохудилась. Галина Николаевна разобрала его на части и занялась реставрацией. Подпором основу под вышивкой, она нашла письмо следующего содержания: «Вышила

сей стол для брата, друга и благодетеля моего Павла Александровича Межакова. Начала 1824 года декабря 18 дня в с. Никольском, кончила 1831 года февраля 20 дня в Петербурге княгиня Софья Засекина, урожденная Межакова. И прошу оный стол хранить и отдавать всегда старшему сыну как памятник братской дружбы и трудолюбия».

Так были расшифрованы инициалы К. С. З. — княгиня Софья Засекина,

Княгиня Софья Александровна Засекина была великая мастерица. В каталогах выставок тех лет неоднократно встречаются указания на ее работы. В 1824 году она овдовела и, как видно из письма, переселилась к брату в с. Никольское. А стол, как она и завещала, переходил на протяжении ста лет по наследству к старшему сыну, и когда Межаковым пришлось покинуть родовое гнездо, был перевезен как семейная реликвия в Москву...

* * *

В связи с упоминанием о гербе можно отметить, что восстановление документов, доказывающих древность рода, было на рубеже XVIII–XIX веков предметом забот многих дворянских семей. У Межаковых особых таких забот не было, так как имя их предка Филата Межакова попало на страницы летописей, и кроме того, в семье хранилась грамота, данная от царей Иоанна и Петра Алексеевичей Владимиру Ивановичу Межакову. Фамилия Межаковых в Российской Родословной книге помещена в шестой части, куда записывались «древние благородные дворянские роды», дворянство которых подтверждалось не менее чем за сто лет до времени издания жалованной грамоты (21 апреля 1785 года):

Мой род, хотя не из знатнейших,
Но я дворян российских сын.
Я разумею, дворянин
Времен старинных, не новейших:
Из прадедов моих, один,
Во дни всеобщего смятенья,
России на освобожденье
Во след Пожарскому спешил,
И славное Москвы спасенье
Своим примером довершил.
Другие ж, хоть не отличили
Себя деяньем ни каким,
Но с верой все царей любили,
И правдою служили им... —

писал, наверное не без гордости, Павел Александрович.

После своего пребывания за границей, после военных походов 1807–1808 годов и после улаживания дел, доставшихся ему в наследство, он в конце 1809 года снова очутился в Петербурге.

К. Н. Батюшков Н. И. Гнедичу 3 января 1810 года из Москвы: «Твое письмо меня так рассмешило! Твоя элегия, и эдак исковеркана! Но не удивляйся: ты знаешь Малиневича; он мне сказывал, что Межаков перевел Заиру, которую ты и Полозов будто выучили наизусть и за свою выдали. — Что Межаков задумывает? Женится на Львовой! Правда ли это? И между тем поет Державина».

В нескольких строках столько информации!

Поэт Константин Николаевич Батюшков — вологжанин, ровесник Павла Александровича, двоюродный племянник М. Н. Муравьева. Биографы Батюшкова высказывают разные предположения, где и когда они познакомились. Но здесь все достаточно

очевидно. Вологодское общество было связано довольно тесными родственными и дружескими узами. Дворянские съезды, дворянские выборы сближали его еще больше. И нет сомнения, что Батюшковы и Межаковы были издавна знакомы семьями. А молодые люди были один — большой поэт, а другой — поэт небольшой, но почитавший

*Константин Николаевич
Батюшков*

большого, и это содействовало установлению между ними приятельских отношений.

Увлечению Павла Александровича поэзией, несомненно, способствовала атмосфера в родительском доме. «Из детства чтимый мной певец» — скажет он о В. В. Капнисте. «Из детства» полюбил он и другого, гениального русского поэта Г. Р. Державина. И «преимущественно литературное образование» в Московском благородном пансионе, конечно, отразилось в том, что любовь к поэзии перешла у него в страсть к стихотворчеству.

«Перевел Заиру». Исследователи установили истинных авторов того перевода, в числе которых был и Н. И. Гнедич. «Заиру» Павел Александрович не переводил. Но все же, сколько языков он знал? Конечно, французский, обязательный язык высшего общества; возможно, итальянский, поскольку он служил переводчиком в Италии; латинский, так как переводил римских

Гавриил Романович Державин

поэтов; конечно, английский — в библиотеке дома значительная часть книг была на английском языке. И что не менее важно, он прекрасно владел языком отечественным, о чем свидетельствуют его стихи и проза.

Очень интересен вопрос К. Н. Батюшкова относительно женитьбы на Львовой. Женится на Львовой,

а поет Державина. Это замечание отсылает нас снова в конец XVIII века. Трех поэтов — Гавриила Романовича Державина, Николая Александровича Львова и Василия Васильевича Капниста — связывала не только самая преданная дружба, но и родство. Трое были женаты (Державин вторым браком) на трех сестрах Дьяковых: Н. А. Львов на Марии Алексеевне, В. В. Капнист на Александре Алексеевне и Г. Р. Державин на Дарье Алексеевне. В 1803 году друзья понесли тяжелую утрату: умер Николай Александрович Львов. Г. Р. Державин и по дружеским, и по родственным чувствам принимал большое участие в его детях, племянницы почти постоянно жили при нем. Об отношениях племянниц с дядюшкой можно судить на основании следующего рассказа С. П. Жихарева о его первом посещении Г. Р. Державина в 1806 году: «Я так был смешан и смешон! К счастью явилась мне неожиданная помощь в образе прелестной девушки, лет 18-ти, которая, пробежав

мимо меня и, вероятно, заметив мое смущение, тотчас остановилась, и добродушно спросив: «вы верно к дядюшке?» без церемоний отворила дверь, примолвив «войдите».

Ту племянницу, о которой пишет К. Н. Батюшков, звали Елизаветой Николаевной. К сожалению, никаких свидетельств об ее отношениях с Павлом Александровичем не сохранилось. Вскоре она вышла замуж за своего дальнего родственника Ф. П. Львова. Тем не менее, эта фраза из письма Константина Николаевича подтверждает, что П. А. Межаков был в доме Г. Р. Державина не случайным человеком и, кроме того, позволяет довольно точно датировать его известное стихотворение «К Державину» 1809 годом:

Кто старец сей неутомимый:
Идущий вечно исполин?
Дух разуму непостижимый?
Не древнего ль Хаоса сын?
Вотще прилежное ученье.
Взираешь на его течение:
Напрасны смертных все труды!
И обращая взор смущенной,
Мы видим всюду на вселенной
Его единые следы!

.

Лишь тот, кто истинно полезен
Был человечеству всему,
Потомству может быть любезен
И время самое к нему
Коснуться вечно не посмеет! —
О ты, Державин! Час приспеет!
Течение должно всем кончать!
Но имя нам твое священно
Не будет никогда забвенно —
На нем безсмертия печать!

К 1803–1805 годам круг друзей распался. Н. А. Львов умер, В. В. Капнист жил далеко в своем украинском имении Обуховка. К этому времени относится сближение Г. Р. Державина с адмиралом А. С. Шишковым, страстно увлеченным «славянским корнесловием». Около них начал группироваться кружок молодых писателей и начали проходить литературные вечера, преобразовавшиеся в 1810 г. в общество «Беседа любителей русского слова» со своим печатным органом «Чтение в Беседе любителей русского слова».

В настоящее время «Беседа» особенно известна в связи с нападками на нее «Арзамаса», высмеивавшего и пародировавшего ее в своих шуточных обрядах и правилах. Тем не менее она была «совсем не так смешна... много дельного, частью прекрасного завещала она потомству... в ней принимали участие и знаменитости не по своему только времени: Г. Р. Державин, А. С. Шишков, а также И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. Н. Оленин, граф М. М. Сперанский, А. Х. Востоков». Да и сами «арзамасцы» не всегда пренебрегали «Чтениями»: «Впрочем я здоров, но только немного простудился на днях в Беседе» — это ведь из письма П. А. Вяземского.

В «Чтениях» 1815 года помещены два стихотворения П. А. Межакова, читанные в «Беседе», — это «Сальгар и Кальма» и «Подражание Проперцию». А два года спустя, в 1817 году, он издал свой первый сборник стихотворений под названием «Уединенный певец».

К. Н. Батюшков Н. И. Гнедичу 26 января 1811 года из Вологды: «... Насилу воскресаю! Я был очень болен горячкою или лихорадкою, или Бог знает чем, да и теперь еще не совсем выздоровел... Хочешь ли новостей?

Межаков женится на племяннице Брянчанинова».

На этот раз слухи оказались верными. В 1811 году Павел Александрович женился на Ольге Ивановне Брянчаниновой (1794–1833).

Фамилия Брянчаниновых была самой разветвленной и многочисленной в вологодском дворянском обществе. Свое происхождение

Николай Иванович Гнедич

Брянчаниновы выводили от любимого боярина Дмитрия Ивановича Донского, Михаила Андреевича Бренко, который в Куликовской битве сражался переодетым в доспехи великого князя и пал на поле боя. В XVIII–XIX веках три ветви фамилии Брянчаниновых разошлись уже так далеко, что свое родство считали в четвертой и пятой степени. Невеста и будущая жена Павла Александровича Межакова, Ольга Ивановна, происходила из старшей ветви. Ее дедом был Афанасий Матвеевич Брянчанинов, а бабушка Ольга Федоровна, урожденная Муравьева, приходилась двоюродной сестрой поэту и крупному государственному деятелю Михаилу Никитичу Муравьеву. Отец Ольги Ивановны, Иван Афанасьевич Брянчанинов, корнет лейб-гвардии конного полка, после выхода в отставку служил по выборам и в 1817–1820 годах был предводителем дворянства Вологодской губернии. А мать Варвара Григорьевна происходила из известного рода Бартеневых. Сестра Ивана Афанасьевича Софи вышла замуж за представителя младшей ветви

Брянчаниновых, Александра Семеновича. Александр Семенович и Софья Афанасьевна были родителями Дмитрия Александровича Брянчанинова, впоследствии епископа Кавказского и Черноморского Игнатия Брянчанинова, в 1988 году причисленного Русской Православной Церковью к лику святых.

Таким образом, отец Ольги Ивановны Иван Афанасьевич приходился дядей святителю Игнатию, а она сама ему двоюродной сестрой. Попутно можно отметить, что дядю и племянника связывали очень теплые отношения, о чем можно судить по недавно обнаруженному письму свт. Игнатия к его другу, написанному в 1830 году: «Сердце сердцу весть подает. Во время болезни приезжал ко мне дядя Иван Афанасьевич, бывший прошлого года в Новоезерском и вам понравившийся; зашел разговор о вашем монастыре. Старик очень вас помнит и как он вам, так и вы ему весьма пришлишь по сердцу».

Однако вернемся пока к Павлу Александровичу Межакову. Круг его литературных знакомств не ограничивался «Беседой». Он активно поддерживал дружеские связи с литераторами других кружков и направлений. А о тех, кого особенно любил, он позже скажет в стихотворении «К другу», в котором описывает времяпрепровождение в Никольском:

.....
 Или избранным Певцам
 С восхищением внимаем

 Несравненного Крылова
 Басни наизусть твердим,
 И опять читаем снова —
 И опять дивимся им;

То Жуковский, верный житель
Тайных областей небес,
Манит нас с собой, в обитель
Райских полную чудес;
или Батюшков согласной
Пламень неги сладострастной
Как волшебник, в душу льет,
И умы к себе влечет;
Или Пушкин своенравный
Одному себе лишь равный
Мощный властелин сердец,
Рвет у всех из рук венец.
То наш Вяземский веселый,
Враг посредственности смелый,
Сыплет щедро остроты;
Гнедич в песнях возвышенных,
Вновь для нас холмов священных
Открывает высоты;
То Давыдова лихова,
В полных жизнью стихах,
за стаканом и в боях
Видим прямо удалова;
Или развернув Козлова,
В песнях милого певца
Слышим стоны Чернеца.

Вот поэты, которых он любил, перед которыми преклонялся. И с теми, которые ему ближе по возрасту, поддерживал приятельские отношения. И поскольку есть свидетельства, что такие отношения у него были с Батюшковым, Гнедичем, с Крыловым, с другом А. С. Пушкина Вяземским, то можно ли сомневаться, что он и сам был знаком, хотя бы и не очень близко, с Александром Сергеевичем?

Что он был в близких дружеских отношениях с К. Н. Батюшковым, видно из живого интереса Константина Николаевича к его женьтьбе.

И еще, из упоминания в первом из приведенных выше писем о Малиневиче. Исследователи творчества К. Н. Батюшкова пишут, что кто такой Малиневич, не установлено. Но из архивных материалов Никольского видно, что Елисей Михайлович Малиневич в течение девяти лет служил поверенным у А. М. Межакова, а затем некоторое время служил у его сына, причем сохранилось немало написанных им бумаг по различным юридическим вопросам.

Нет сомнения, что Павел Александрович обменивался, как тогда было принято, с Константином Николаевичем и стихотворными посланиями. В сборнике стихов Павла Александровича, например, встречаются «Ответы Н^{***}». А кому могли быть адресованы такие строки:

Но ты посланием прекрасным
Увядший дух мой оживил;
Ты пением своим *согласным*
Желанье петь во мне родил.
Стихи твои, пылая чувством
И тонких мыслей красотой,
Равно пленяют нас искусством,
И благородной простотой.

Константин Николаевич мог познакомить Павла Александровича со своим близким другом Н. И. Гнедичем. А может быть, знакомство с Н. И. Гнедичем произошло в доме Г. Р. Державина, где Николай Иванович неоднократно читал свои переводы «Илиады». Или в любом другом литературном доме, которыми тогда так изобилывал Петербург.

Конечно, бывал Павел Александрович и у Софьи Дмитриевны Пономаревой — С. Д. П., в салоне кото-

рой собирались литераторы всех партий и убеждений. Вот как описывает ее А. Е. Измайлов: «...председательница или попечительница нашего дружеского литературного общества это г-жа Пономарева... Она действительно имеет необыкновенные таланты и получила отличное воспитание; знает прекрасно немецкий, французский и итальянский языки, даже отчасти латинский; переводит на русский прозой лучше многих записных литераторов; пишет весьма недурно стихи; рисует, танцует, поет и играет на фортепиано превосходно. Жаль только, что очень мало занимается и ведет слишком рассеянную жизнь».

Многие поэты посвящали Софье Дмитриевне стихи, и альбом ее чуть не каждый день украшался новым стихотворением. Дельвиг воспел ее в стихотворении «К Лиле»:

О, чудодейство красоты!
К любви по опыту холодный,
Я забывал, душой свободный,
Безумной юности мечты
И пел, товарищам угодный,
Вино и дружество, но ты
Явилась, душу мне для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила.

Вполне возможно, что и П. А. Межаков именно ей посвятил стихотворение «К Лиле»:

Зачем же с нежностью такой
Меня ты, Лиля, обнимала?
Зачем заботливой рукой
Текущи слезы отирала?

Зачем клялась всегда любить
Таковыми страстными словами,

И их спешила подтвердить
Сама горящими устами?

Скажи мне, Лила, для чего
Притворство так себя терзает?
Ах! Трудно ль обмануть того
Кто быть обманутым желает.

Я верить был готов всему!
Но ты глаза мои открыла;
И ах! Не верить ничему
Меня на свете осудила!

А в альбом сердечному другу Пономаревой, поэту
В. М. Панаеву, он написал:

Соперник Геспера! Последуй вдохновенью,
Иди к бессмертию, пленяя все сердца;
Играй с пастушками, душистых лип под сенью;
Но вспомни иногда рожденного к забвенью,
Уединенного певца!

С. Петербург 1821 февраля, 23

Много лет дружеские отношения связывали Павла Александровича с князем Петром Андреевичем Вяземским. Об этом свидетельствуют обнаруженные в Остафьевском архиве два письма (на французском языке) П. А. Межакова князю П. А. Вяземскому, а также их стихотворные послания друг другу. В первом из писем, датированном 27 декабря 1812 г. из Ярославля, Павел Александрович сетует; «*il m'a été absolument impossible de m'arrêter a Vologda* (у меня нет никакой возможности быть в Вологде), и если я на что досажую, то исключительно, что потерял удовольствие видеть Вас. Я опасюсь однако, чтобы Вы не оставили этот печальный город до того, как я смогу в него при-

быть». Далее он высказывает надежду видеть князя в Петербурге или в Москве и уверяет его в очаровании его стихов. «Я Вам посылаю *Vabrie* и прошу Вас послать мне мои тетради по получении этого письма». И стихи:

Ах может быть среди снегов
Под сводом пасмурного неба,
Из пламенных твоих стихов
Летя горяща искра Феба,
Зажжет потухший мой лампад
И тьму печальную развеет.
И я забыв жестокий холод,
Забыв, что ветер страшный веет;
Призвавши бодрость всю свою,
Возьму давно забыту Лиру
И может быть, еще Темиру
На ней иль друга воспою.

Князь Петр Андреевич Вяземский уехал в Вологду после сдачи Москвы. Тяжелая была година, тяжело было на душе у русских людей:

Я в Вологду попал, Бог-весть
Какой печальною судьбою —

писал он. Но вскоре там около него сгруппировалось небольшое литературное общество, в которое входили поэт Ю. А. Нелединский-Мелецкий, вологодский писатель и поэт Н. Ф. Остолопов, исполняющий тогда должность вологодского губернского прокурора, и преосвященный Евгений (Болховитинов), в то время епископ Вологодский, историк, переводчик, библиофил, поэт. «Литература была любимым развлечением нашим в тяжкую осень 1812 г. Особенно, когда военные действия приняли лучший оборот и с освобождением

Петр Андреевич Вяземский

Москвы от неприятеля сердце у нас отлегло, и чувство уныния заменилось чувством какого-то самодовольствия и торжественности».

Павел Александрович все-таки сумел выбраться сюда в начале 1813 года. В первой записной книжке П. А. Вяземского (из Остафьевского архива) на первой странице рукой Павла Александровича вписаны

СТАНСЫ

князю Петру Андреевичу Вяземскому

Безстыдной лести посветились
И муз служители в наш век,
Их песни ядом заразились,
Которым дышит человек.

Но я хочу сей путь оставить,
Себе след новый проложить,
Я лжеязык хочу заставить
Языком правды говорить.

Когда восстанет победитель,
Стремясь вселенную потрясть,
В очах моих он злой губитель,
Клянущего в молчаньи власть.

Но если б видел попеченья
Хранить народов пользу, честь,
Спешил бы, сердца в умиленьи
Дар благодарности принести.

Когда я зрю глупца — жалею,
Злодея — предаю Богам;
В других пересуждать не смея
Того, чему подвержен сам.

Но если зверство своевольно
Грозит невинность оскорбить,
Я содрогаюсь невольно
И должен скорбь свою излить.

Когда красотки устарелой
Мне сделать надобно портрет,
Хотя примусь рукой несмелой,
Валится кисть, и красок нет.

Но если взор для сердца милой,
Печали облаком покрыт,
Тогда души моей унылой,
Песнь томна горечь облегчит.

Когда величием надменный,
Вельможа встретится со мной,
Величием не пораженный,
Я не почту его хвалой.

Но если чувство я сердечно,
И разум истинный сыщу,
Тогда Ему, и Милой, вечно
Стихи и сердце посвящу.

*Февраля 24 дня 1813 года
Межаков
Вологда*

Ответом на эти стансы, вероятно, было стихотворение в альбом «К Межакову» («Счастлив, кто в молодые лета»), известное по перечню стихотворений, подготавливаемых Петром Андреевичем к изданию. Обмен посланиями продолжался и в последующие годы:

К Межакову (1814 г.)

Нет, нет, обманов соплетатель
И Музы робкия ласкатель,
Хотя и складно ты поешь,
Меня в вороны не введешь,
Не каркну я, прельстясь словами
На смех лисице и уму:
Живем на белом свете сами
И знаем верить здесь чему.
Но если б было справедливо,
Что дан мне с неба лестный дар
Воспламенять твой дух ленивой
И пробуждать твой к пенью жар,
Охотно я бы и без толку
С утра до вечера все пел,
И мой гудок бы без умолку
Скрипел, скрипел, да и скрипел.
Доволен пользой приносимой
Нескладным пением моим —
Как червь, трудящийся незримо,
Готовый рвением своим
Тот шелк, который обращенный
Искусства хитрою рукой
В наряд любимый красотой,
Пленяет взоры изумленны —
Нестройностью моих стихов
Готовил бы я песни стройны,
Которые греметь достойны,
На пиршестве самих богов.

П. А. Вяземский

Второе письмо к князю П. А. Вяземскому датировано 26 сентября 1839 годом и начинается словами: «*Mersi cher Prince pour votre lettre*» («Спасибо, дорогой князь, за Ваше письмо»). Написано оно было за границей и, по-видимому, в дороге: разобрать почерк не удалось — к большому сожалению, потому что оно

содержит описание дорожных событий и впечатлений, и в нем упоминаются многие имена.

И все-таки для К. Н. Батюшкова, Н. И. Гнедича, И. А. Крылова, П. А. Вяземского, других столичных знаменитостей Межаков был скорее приятным светским знакомым, а поэтом... таким, каким он и был — «вологодским».

А. Е. Измайлов М. И. Дмитриеву 26 декабря 1821 года из Петербурга: «Имею честь препроводить, ваше превосходительство, первую книжку “Благонамеренного” на будущий 1822 г. XXI и XXII № моего журнала... посвящены будут памяти несчастного Милонова...»

Как жаль бедного Милонова! Вашему превосходительству известна настоящая причина его преждевременной смерти. Он умер от невоздержания... Не могу без смеха вспомнить, как покойник при мне ввел в краску знаменитого певца Кубры. Прошедшею зимою был здесь вологодский стихотворец П. А. Межаков, который каждое воскресенье делал у себя вечеринки для литераторов. Граф Д. И. (Хвостов) не пропускал ни одного воскресенья и приезжал обыкновенно с двумя или тремя своими адъютантами и с пучком стихов. Однажды, в самое то время, когда шли уже мы ужинать, является вдруг Михайло Васильевич в полном своем гардеробе, в мундирном сюртуке, едва стоит на ногах, требует воды, но выпивает большую рюмку водки и садится с нами за стол. Хозяин, самый деликатный человек, посоветился удалить его, впрочем, кроме мужчин, никого тут не было, да и те все стихотворцы. За ужином вздумалось Милонову хвалить графа и грозить за него всем нам. Это было очень приятно его сиятельству; но как Милонов,

выхвалив всю доброту его сердца, отозвался не слишком выгодно о его стихотворениях, то граф немного поморщился. Милонов, заметя это, излил на него всю сатирическую желчь свою и притом в таких выражениях, какие не имеют места в языке богов. Едва могли мы удержаться от смеха. Хозяин не знал, что делать; граф принужден был скрыть свою досаду, обратил все это в шутку и первый начал смеяться. Как он добр! Только что скончался бедный Михайло Васильевич, граф сочинил ему эпитафию, которая напечатана уже в 21 и 22 №№ «Благонамеренного» вместе с другою его эпитафиею Дмитриевскому».

Итак, действие происходило у Павла Александровича Межакова, а действующие лица:

Александр Ефимович Измайлов (1779–1831) — баснописец и журналист; вращался в кругу тех молодых писателей, из которых составилось Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. В 1817 году он редактировал журнал «Сын Отечества», в 1818–1827 годах издавал «Благонамеренный» и в 1826–1827 годах — альманах «Календарь муз». Летом 1828 года А. Е. Измайлов посетил Вологду и Архангельск, откуда писал графу Д. И. Хвостову: «В Вологде я познакомился с очень хорошим тамошним стихотворцем Волковым. К сожалению, не мог видаться с Межаковым».

Михаил Васильевич Милонов (1792–1821) — поэт, окончил Московский Университетский благородный пансион. С самого начала своей литературной деятельности считался подающим большие надежды. «Кудрявый и белокурый сатирик и остряк мало заботился о славе... Жил со дня на день, недолго и беспечно, вовсе не заботясь о том, что будет с ним завтра».

Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835) — писатель и государственный чиновник. «Певец Кубры» в литературе «стяжал себе славу бездарнейшего пирита. Сам издавал свои сочинения и сам их скупал». Но как личность оставил по себе самую лучшую память. М. А. Дмитриев писал о нем: «Гр. Хвостов теперь забыт; но в наше время он составлял наслаждение веселых литераторов и молодых людей, не чуждых литературы, которые хотели позабавиться. Слушатели бежали от его чтения, но словесники находили в его сочинениях неисчерпаемый источник забавы и шуток». Дмитрий Иванович был в дружеских отношениях еще с отцом Павла Александровича. Естественно, что он был завсегдаем и его литературных вечеринок.

Любил Дмитрий Иванович писать стихотворные послания друзьям. Не обошел и П. А. Межакова:

Где счастье, Межаков, скажи
Или оно оставлено богам,
А смертным не дано? ...

Павел Александрович отвечал ему:

Ты прав, любезный мой Поэт!
Все изменяется на свете,
И время в яростном полете,
Тягчит нас бременем сует.
Но неужели счастья цвет
Лишь для младенца расцветает?
Ужели зрелый ум не знает
Отрады никакой? Ах нет!
Поверь ты мне, во всяких летах
Мы можем счастье находить,
Но не всегда в одних предметах! ...

В 1816 году под председательством А. Е. Измайлова возобновились заседания Общества любителей

словесности, наук и художеств. «Из новых членов прибыло несколько выдающихся: Бестужевы, Панаев, Плетнев, Загоскин, Рылеев, Кюхельбекер. В списке членов, собравшихся на заседание 15 июля 1820 года, упоминаются вновь избранные: Н. Н. Анненков, С. В. Капнист, Илличевский, А. С. Норов, П. Л. Яковлев... к ним постепенно присоединялись и другие».

Павел Александрович членом Общества, по-видимому, не был, но заседания его посещал, о чем свидетельствуют сноски под его стихотворениями, опубликованными в «Благонамеренном». В 1820 г. в № 1 под его стихотворением «Свидание» напечатано: «Читано в собрании СПбургского Вольного общества любителей Словесности, Наук и Художеств 8 ч. сего января». Такие же сноски сделаны под его стихотворениями «В. В. Капнисту» (26 ноября 1820 г.) и «К друзьям во время бури». Таким образом, все вышеперечисленные члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств могли входить в круг его литературных знакомых и бывать у него на «вечеринках для литераторов», о которых пишет А. Е. Измайлов.

В числе этих знакомых находился и сын Василия Васильевича Капниста, Семен Васильевич, через которого Павел Александрович переслал свое стихотворное послание к «из детства» любимому им поэту:

Любимец мудрости и Граций,
Из детства чтимый мной певец!
Прими, любезный наш Гораций,
Из мирта, лавров и акаций
Сплетенный мной тебе венец.

На берегах цветущих Псола,
Где нежной окружен семьей

В тени зеленого раздола
Ты все сокровища Пактола
Умел найти в душе своей.

Волной где берест подможенный
В водах глядится наклонясь;
И где твой голос вдохновенный
Услыша соловей плененный,
Тебе внимает притаясь.

На глас безвестного поэта
Склонись вечернею порой;
Узнай, как в молодые лета,
От шумного сокрывшись света,
Он тихо век проводит свой.
В странах, где Сухоны сердитой
Из озера стремится ток...

Старый поэт был очень растроган. 30 декабря 1820 года он писал сыну из Обуховки: «Письмо чувствительного Межакова обрадовало меня весьма: стихи его очень живописны; я бы их хвалил больше, если бы они меньше к похвале моей относились. Хочу отвечать ему; не знаю сумею ли. Чувствую, что уже весьма дряхлею; а притом часто ум за разум заходит. Тебе хорошо на лире греметь и удивлять вселенну Чернышевскую: ты аки орел юный паришь».

И ему же 23 января 1821 года из Обуховки: «Препровождаю тебе ответ мой доброму г-ну Межакову, доставь ему оный верно; пришли мне его адрес, чтоб в случае надобности писать к нему прямо. Купи и пришли мне сочинения его: купленные мною Саня, бестолковый мой библиотекарь, куда-то так хорошо спрятала, что отыскать не может.

Письмо мое к г-ну Межакову прочитай и стихи, но никому не давай и не печатай, ибо я обещал их ото-

слать Ант. Антоновичу (Прокоповичу-Антонскому)
в Москву»:

Старик, ожидающий весны

Весна коснит, и наши дни бегут
И нашу жизнь уносят;
Вот миг, — и Парки нить спрядут;
Вот миг, — и ножниц просят;
Ах! Сколько, старец, я друзей,
Друзей молодых, любезных,
Покрыл уже сырой землей
И пролил токов слезных!
Им жить было, а мне зачем
Влачить век мрачный, скучный?
Хариты с ними ночью, днем
Бывали неразлучны;
Ко мне ж — болезнь, забота, скорбь
Приходят на беседу;
И все еще грузнее горб
Седому вьютат деду!

В дому ли — сук влачу часы, —
Дом пахнет уж пустыней;
Вот сад: как старость мне власы,
Его так пудрит иней;
Там гнется вяз на утлом пне,
Как старца гнут уж годы;
И как под шубой кровь во мне,
Под льдом так стынут воды.

Но вот они опять с весной,
Как из пелен, прорвутся;
Деревья, с прежней красотой,
Вновь в зелень облекутся;
А мне — весна хоть придет вновь,
Не усладит печали:
Мне младость, резвость и любовь
Навек «прости!» — сказали.

Но нет; — приди, весна! — цветы
На травку брось зелену;
Хотя спрямить не можешь ты
Мне спину в крюк согбенну,
Хоть в свете счастьем мне своим
Нельзя уж наслаждаться,
Так вспомня прежнее, — чужим
Я буду утешаться.

В конце 20-х годов Павел Александрович печатал свои стихи также в альманахе «Памятник отечественных муз», издаваемом Б. М. Федоровым: в 1827 г. в нем помещены «К лире», «Е. Н. Ш — на смерть дочери», «Мой портрет» и «К Н***»; в 1828 году — «Виноват», «Бывало», «Бессонница», «Долина», «Возвращение на родину».

Из писем К. Н. Батюшкова, В. В. Капниста, даже из иронического послания П. А. Вяземского создается впечатление, что своя братия, поэты, относились к творчеству П. А. Межакова благожелательно. Благосклонно отозвался о нем и Н. И. Греч, предваряя выход в свет его второго сборника. А. А. Бестужев-Марлинский в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» тоже упомянул о нем: «Межаков в безделках своих разбросал цветки светской философии с стихотворною легкостью». Но тем более суровую критику, даже, можно сказать, отповедь получил он из официального учреждения, Российской Академии.

Незадолго до этого управляющий Академией П. П. Бакунин предложил, чтобы «упражняющихся в российском слове пригласить кому угодно будет сообщать академии свои творения... разного рода стихотворения, как то, торжественные, похвальные

и нравоучительные оды, басни, послания, элегии, нравственные письма, мадригалы, сонеты и проч.» для их рассмотрения и печатания. Конечно, Павел Александрович в этом случае проявил излишнюю самонадеянность: представленные им стихотворения явно не укладывались в программу, предложенную Академией: «Разсматривательный комитет, прочитав со вниманием рукопись под заглавием: Стихотворения Павла Межакова, находит, что из сих стихотворений, некоторые, весьма однакоже немногие, показывают, что сочинитель не чужд стихотворческого дарования и искусства, а прочие все не заслуживают одобрения по содержащимся в них мыслям мелочным, неправым, нелепым, неблагочестивым. Между сими последними есть и такие стихотворения, которые по содержанию своему соблазнительному, противному всякой благопристойности и вредны для благонравия, достойны строгого порицания».

В качестве примера стихотворений, показывающих дарование и искусство стихотворца, приводятся строфы из «Безсмертия», «Элегии из Проперция», из стихотворений «Мой удел» и «Солома».

«Что же принадлежит до неблагопристойных стихотворений г-на Межакова, то скверные утехи страсти плотской описываются в них с таким бесстыдством, что комитет почитает неприличным для себя делать из них выписки, а только довольствуется для подтверждения своих замечаний поименовать здесь означенные, недостойные чтения, стихотворения: таковы суть: Воспоминание, некоторые стихи из Тибуловой элегии и из стихотворения под заглавием: Твердое намерение, а также Гроза и наконец всех скареднейшее Свидание, в котором мерзости сладострастные

представлены без всякого прикровения, к явному поруганию и оскорблению стыдливости и целомудрия... и сам сочинитель оных достоин того, чтобы академия изъявила ему свое негодование за дерзость, с каковою не постыдился он дышащие нечистотою любострастия стихи свои представить, в чаянии награды, сословию, вменяющему себе в священную обязанность усовершенствованием словесности содействовать к усовершенствованию общественного благонравия».

Вот это скареднейшее Свидание:

Вечерней денницы
Скрываясь за горы, луч бледный погас;
Полночные птицы
Протяжно по роце разносится глас;
Час от часу ниже
На небе луна.
Приди же, приди же,
Майна, милой друг мой, младая Майна!

Под сению мшистых,
Ветвями сплетенных, столетних дубов,
Из былий душистых,
Из трав ароматных и нежных цветов,
Устроил я ложе;
И вокруг тишина.
Почто же, почто же
Ты медлишь, о друг мой, младая Майна?

Но чу! ... как шептанье
В листьях ветерочка в дали пронеслось;
И вдруг трепетанье
Невольное, в страстной душе разлилось;
И тайная сладость
Твердит мне... Она!
О радость, о радость!
Майна, милой друг мой, младая Майна!

Мой Ангел, склонися
В объятия друга, и к груди моей
Горящей прижмися
Трепещущей грудью; да чувствую в ней
То пламя обильно,
Которым полна.
Как сильно, как сильно
Волнение персей твоих, о Майна!

Постой! — и очами
Горящее сердце престань сожигать;
Коснешься устами,
И душу едва я могу удержать;
С твоею неволью
Сольется она....
Ах, полно! Ах, полно!
Умру, милой друг мой, младая Майна!

Как гром быстротечной,
Восторг наш мгновенно блеснул и пропал;
О друг мой сердечной!
Как взгляд твой прелестной, прелестнее стал!
Где ж пламя? — Ах где же?
Лишь томность видна.
Все реже, все реже
Волнение персей твоих, о Майна!

Но вот уж пылает
Восток, и разстаться нам, друг мой, велит;
Когда же скончает
Течение солнце, и мрак осенит
Долину, и ниже
Скатится луна;
Приди же, приди же,
Майна, милой друг мой, младая Майна!

Такие стихи оскорбляли лучшие чувства академиков в XIX веке!

Спокойнее писал о них профессор Московского университета, историк русской словесности, критик и поэт Степан Петрович Шевырев, объединивший в своей рецензии, помещенной в «Московском вестнике», стихи Павла Межакова и Ивана Бороздны: эти стихотворцы «как кажется, стоят на рубеже между протекшим и новым поколением стихотворцев, и как будто вместе согласились пропеть последнюю песнь о прошлом, о былом, о непостоянстве счастья, о суетах сего мира, о прелести жизни уединенной, о наслаждениях юности... В их произведениях везде видна цель нравственная, благородный образ мыслей: вот неотъемлемое их достоинство». К этим отзывам можно добавить мнение современного крупного литературоведа В. Э. Вацура, правда, больше обратившего внимание на стихотворную технику поэта: «Стихи Межакова совершенно профессиональны; он свободно владеет не только техникой версификации, но и поэтическим языком, выработанным «элегической школой». Недаром четыре стихотворения Межакова — «В. В. Капнисту», «Рино и Минвана», «Моим деревьям» и «Коннал и Кримора» — помещены в сборнике образцовых стихотворений».

Несложность поэтического языка П. А. Межакова выразилась в том, что некоторые его стихи легко ложились на музыку, и не только дилетанты-любители, но и профессиональные композиторы на их основе создавали довольно популярные романсы. Так, Н. С. Титов написал романс на слова приведенного выше стихотворения «К Лиле». Он же, а также А. А. Алябьев положили на музыку стихотворение «Солома», которое и в наши дни хорошо знают в Никольском:

На что, скажите, нет стихов?
 Мы пели славу, шум сражений,
 Луну, ручьи и голубков,
 И тьму чертей и привидений.
 Тот славит прелесть красоты,
 Вино приятнее другому;
 Недавно кто-то пел цветы —
 Позвольте мне вам спеть солону.

.....

А что касается критики?

Так суждено не всем
 Питомцам Аполлона,
 К вершинам Геликона
 Дойти крутым путем.

О чада вдохновенья!
 Пусть ваши песнопенья,
 Божественным лучем
 Бессмертия сияют,
 И время побеждают!

А я доволен тем,
 Что пением прекрасной
 Тоски не наведу...

В 1828 г. он издал свой второй сборник стихотворений, и хотя нет оснований считать, что он совсем прекратил писать стихи, но в печати они больше не появлялись.

Примечательно, что виньетку к сборнику нарисовал художник И. А. Иванов. В молодые годы Ивану Алексеевичу Иванову оказывал дружеское покровительство Н. А. Львов, и он, таким образом, вращался все в том же литературном кружке Н. А. Львова, Г. Р. Державина, В. В. Капниста. А позже он был известен, главным образом, как первый иллюстратор басен

И. А. Крылова. Очень возможно, что И. А. Иванов был автором рисунка той античной сцены, которую вышила на своей столешнице княгиня Софья Засекина, так как по стилю этот рисунок очень близок к виньетке в сборнике стихов Павла Межакова.

Живопись, как видно, была важным элементом культурной жизни в Никольском. Ранее уже говорилось о картинной галерее, пристроенной к дому при Александре Михайловиче. Он же постарался привить детям любовь к творчеству. Об этом можно судить по работам Софьи Александровны Засекиной. А Павел Александрович увлекался рисованием. Подтверждением этому могут служить записи о счетах на покупку красок, а также находившиеся при нем при переездах «краски соковые в ящичке красного дерева с кишточками». О его художественных вкусах можно судить по картинам, которые находились в его вологодском доме в момент его кончины: «Св. Себастьян» Гвидо Рени, «Ландшафт» Рюстала, «Ландшафт» Гувермана, «Старуха» Бандерильста, «Старик» Рембрандта...».

Самому Павлу Александровичу принадлежат «силуэты», попавшие в вологодский архив. Надписи, сделанные его рукой, позволяют определить, кого именно он изображал: это его жена Ольга Ивановна, младший сын *Michel Mejakoff* 1846, жена старшего сына *Julie Mejakoff* 1846 и 1848, ее брат *George* (Юрий Тиран) 1846, ее старшие дети — Олинька 1846 и Паля (Павел) 1841 и 1849, Дембицкий 1818 — музыкант, Крих — врач, англичанин Штурм 1818, занимавшийся конным заводом, двоюродный дядя Василий Алексеевич Олешев (племянник А. В. Суворова), Александр Николаевич Засецкий, отец Константин, представительница известной вологодской фамилии Софья Ивановна Одинцова

1846, иностранцы Сарди 1818, Лоне — *M-r Sannay* 1820, *M-r Dowling* 1827, *Alfred Romer* 1851 т. д. Целая галерея современников. И среди них интересный силуэт молодого Николая Яковлевича Данилевского.

К сожалению, из собрания картин, которые находились в Никольском, сохранилось очень немного. В Вологодском краеведческом музее и Картинной галерее имеется несколько портретов, которые тем более драгоценны, что дают возможность представить облик четырех-пяти поколений семьи. Среди них так называемый «Портрет старика Межакова». Весь облик мужчины на портрете, его парик и костюм свидетельствуют, что это типичный представитель екатерининской эпохи и, по всей видимости, это Михаил Федорович Межаков в последние годы его жизни. Очень хорош портрет Варвары Михайловны Межаковой (к сожалению, автор не установлен). Написан он в первом десятилетии XIX века. Хотя Варвара Михайловна к тому времени сильно располнела, но видно, что была красива, особенно хорош светлый чистый лоб и живые выразительные глаза.

Но главной жемчужиной Вологодского музея из этой серии семейных портретов, несомненно, является двойной портрет Павла Александровича Межакова и его супруги Ольги Ивановны, принадлежащий кисти известного английского художника, автора знаменитой галереи 1812 года Джорджа Дау. Написан он в 1821 году. Павлу Александровичу в это время было 32–33 года, и вот как он выглядит на портрете:

Послушай же! Мне тридцать лет,
Но скорбь тяжелою рукою
Уже мешает с сединою
Моих волос природный цвет.

Джордж Дау. Портрет Павла Александровича Межакова с супругой Ольгой Ивановной, урожденной Брянчаниновой

Собою я довольно статен,
Хотя не создан молодцом;
Ни дурен, ни хорош лицом,
Но для иных — бывал приятен...

Однако к этому времени «скорбь», вызванная драматическими событиями в семье, отступила в прошлое, и жизненные обстоятельства складывались благоприятно. «Милая жена», как он называет ее в своих стихотворениях, оказалась доброй подругой. Зимой они жили, в основном, в Петербурге, где Павел Александрович служил, иногда наведывались в Москву. «Владельцы Никольского, — пишет Л. А. Андреевский, — люди для того времени очень образованные и светские, были прикосновенны к самым аристократическим кругам столицы. В архиве сохранился лист с визитными карточками, причем среди них мы нашли — московского генерал-губернатора графа Закревского, первых секретарей французского и сицилийского посольств, гр. А. Н. Зубова, камергера Н. И. Тулинова, М. А. Окулова, гр. Раstopчина, кн. П. Д. Долгорукова, Грациани, Росси, кн. Щербатова и др. лиц».

А лето проводили в своем любимом Никольском. Именно к этому времени относится приведенное в начале главы описание жизни в Никольском из книги Н. П. Колюпанова «Биография А. И. Кошелева».

* * *

Нил Петрович Колюпанов (1827–1894) — публицист, историк литературно-общественной мысли, мемуарист, воспитанник Московского университета. Он разрабатывал вопросы земского и городского самоуправления, участвовал в подготовке крестьянской реформы. Ему также принадлежит ряд исторических трудов: «Очерк о внутреннем управлении России, начиная с Московского периода», «Очерк истории русского театра до 1812 г.», «Административное и судебное устройство Царства Польского». Последние

годы жизни он посвятил составлению «Биографии А. И. Кошелева» и включил в этот обширный труд многие воспоминания о культурной жизни общества в годы молодости своего героя.

В своих произведениях он несколько раз вспоминает П. А. Межакова, называя его родственником своего отца или своим дядей. Родство это было двоюродным: бабушка Нила Петровича была урожденная Межакова. Это одна из дочерей Михаила Федоровича Межакова, Парасковья, которая была замужем за Николаем Петровичем Колюпановым: «Дед, — пишет Нил Петрович, — в Итальянскую кампанию Суворова командовал знаменитым Фанагорийским полком и по семейным преданиям был одним из любимых полковых командиров фельдмаршала». Дослужился он до генерал-майора.

У Николая Петровича и Парасковьи Михайловны Колюпановых было два сына, Петр и Николай. Они приходились племянниками Александру Михайловичу Межакову и в детстве и юности большую часть времени проводили в Никольском, о чем свидетельствуют записи в журналах.

«Отец, — пишет далее Нил Петрович, — кончил курс в сухопутном Шляхетском корпусе и по-тогдашнему получил хорошее образование, отлично владел французским языком, знал французскую литературу и очень любил математику... При императоре Павле был выпущен в гвардейскую артиллерию, но года через три оставил службу, отказавшись по требованию Аракчеева подписать ложный донос на одного из гвардейских офицеров». Его первая жена была полька Е. И. Комар, от которой он имел дочь Елизавету. «В 1823 г. отец мой был назначен советником

Костромского губернского правления и вскоре женился на моей матери С. Г. Змиевой (Софье Григорьевне), которая умерла, когда мне было три года, от холеры». От этого брака, кроме Нила, был еще сын Александр.

Колюпановы имели очень небольшое имение и жили, в основном, за счет службы. «Дом моего отца, несмотря на очень ограниченные средства, принадлежал к числу более интеллигентных, с особенным радушием принимались прибывшие не по собственному желанию». Среди этих последних был архитектор П. И. Фурсов, автор знаменитых каланчи и гауптвахты в Костроме, которого Петр Николаевич очень любил и уважал.

Сам Нил Петрович, как сказано выше, был деятельным участником в подготовке крестьянской реформы. Однако он пишет о себе: «Как бы то ни было, крепостное право я переносил просто, без угрызений совести в силу существующего обычая и правности... Меня и до сих пор, когда с озлобленной и неудержимой бранью обращаются безразлично к старым крепостникам, как к лицам, а не к факту или принципу, несколько коробит, их бранить странно, можно и должно оценивать факт прошедшего и его последствия, не затрагивая людей».

* * *

«Обширная родня, — вспоминает Н. П. Колюпанов, — собиралась в Никольском». Кто же это? В журналах, которые велись при Александре Михайловиче Межакове, отмечались частые приезды его сестер — Парасковьи Михайловны Колюпановой, Елизаветы Михайловны Засецкой и Марфы Михайловны Лызловой. Теперь же в Никольском гостили их

дети и внуки. Приезжали также дочери Василия Михайловича Межакова с их семьями: Нодбеки, Ендогуровы, Волковы, Рындины. Затем, родные сестры Павла Александровича — Софья Засекина (у нее детей не было), Дарья Зубова со своими детьми, не вышедшая замуж Парасковья и незамужняя пока Варвара. Наконец, и многочисленная родня Ольги Ивановны — ее отец Иван Афанасьевич Брянчанинов с сыновьями Николаем и Афанасием и дочерьми: Софьей Рындиной, Екатериной и Анной. Да еще друзья-соседи. Так что можно думать, что по торжественным дням в Никольское съезжалась добрая половина дворян губернии: ехали водой по Уфтюге, на берегу их встречали коляски, дамы с зонтиками, кавалеры верхом — так вспоминали крестьяне в Никольском по рассказам своих родителей и дедов, и в их рассказах чувствовалась ностальгия по старым временам.

Друзья и родные заполняли тогда огромный дом и проводили время «гораздо осмысленнее и разнообразнее нежели на обширных помещичьих съездах». Поэт не раз в стихах описывал времяпрепровождение в своей усадьбе: забавы и развлечения, прогулки, охоту, чтение книг. «Культурная атмосфера, в которой жили владельцы Никольского, — пишет Л. А. Андреевский, — объясняет наличие в имении самой ценной из усадебных библиотек Вологодского края». Н. П. Колюпанов добавляет, что кроме перечисленных занятий, «давались домашние спектакли, разыгрывались шарады на французском языке, оркестр играл серьезную музыку и аккомпанировал пению».

По словам Н. П. Колюпанова, оркестр этот «не уступал Тепловскому: способные дворовые мальчишки отдавались в учение в Петербург первым знаменито-

стям». Руководил оркестром поляк А. С. Дембицкий. По отзывам современников, это был замечательный композитор и музыкант. Концерты под его управлением проходили не только в Никольском, но и в губернском центре Вологде. Например, в 1837 году он выступал на торжественном акте в Вологодской гимназии: «В конце акта прочтено было стихотворение Соколовского, прерываемое неоднократно общим хором певчих; места стихотворения, назначенные для пения, были положены на ноты любителем музыки и знатоком ее Антоном Станиславовичем Дембицким».

* * *

С именем Антона Станиславовича Дембицкого связана еще одна семейная история, на этот раз — романтическая.

Он был бедный поляк и одаренный музыкант. В 1815 году Павел Александрович пригласил его на работу в Никольское. Они заключили договор: «1815 года мая 17 дня Мы нижеподписавшиеся коллежский асессор Павел Александров сын Межаков и Антон Станиславов сын Дембицкий заключили между собою условие следующего содержания: 1-е Приемлю я Дембицкий на себя должность Капельмейстера при музыке Господина Межакова, с тем чтобы обучать музыку инструментальную, духовную и вокальную. 2-е Получать мне от него Господина Межакова денежного жалования тысячу двести рублей в год Государственными ассигнациями. Сверх этого стол, чай, кофий, квартира, свечи, дрова готовые и для услуги иметь мальчика, также когда понадобится экипаж и лошадей. 3-е проезд от С. Петербурга до места пребывания, а также естли я пожелаю оставить долж-

ность, то обратно, должен быть на счет его Господина Межакова. 4-е При заключении сего контракта, который имеет действие свое с того числа как я Дембицкий отправлюсь из Петербурга впредь на три года, получить мне жалованья за полгода вперед. По истечении же полугодия получать каждую треть вперед.

К сему условию коллежский асессор Павел Александров сын Межаков руку приложил /подпись/.

К сему условию из Дворян Губернский регистратор Антон Станиславов сын Дембицкий руку приложил /подпись/».

Договор, однако, пришлось расторгнуть до истечения срока.

Выше было сказано, что из четырех сестер Павла Александровича две вышли замуж при жизни отца. Третья, Парасковья, была некрасива и сварлива и осталась в девицах. А самая младшая, как говорит предание, была «красавица чудная». Брат был очень к ней привязан. Тем более неприятный сюрприз она ему преподнесла. Она влюбилась в безродного поляка и вступила с ним в тайный брак. Это произошло в 1816 году. Брат только вздохнул после семейной трагедии, а тут снова драма. Отношения были разорваны. Хотя Антон Станиславович уверял, что он дворянин, но доказать этого не мог. Гнев пал и на оркестр, четверо музыкантов Федор Лещев, Офанасий Лебедев, Андрей Незамов и Семен Иванов, уличенные в «дурном поведении и обращении в пьянстве», были отданы в солдаты.

Ссора, однако, длилась недолго. Уже в следующем году Дембицкие снова жили в Никольском, а своего первенца они называли в честь дяди Павлом. Брат выделил сестре ее часть наследства: деревни в Вельском уезде и 125 душ мужского пола. А Антон Станиславович

начал хлопоты о причислении его к Российскому дворянству. В заявлении он писал, что Дембицкие род свой ведут от Войцеха, который уже в 1721 году владел землями и крестьянами, а сам он родился в Полоцке 23 апреля 1789 года от родителей Станислава и Феодосии Дембицких. На счастье, в 1830 году в Правительствующем Сенате было решено дело о дворянстве его родственника Феликса Васильевича Дембицкого, служащего в Сенате. На основании этого родства Вологодское Депутатское собрание определило 17 сентября 1830 года внести Дембицкого в 6-ю часть Дворянской родословной книги. В Сенате же это определение было утверждено только в 1843 г., когда ни Варвары, умершей в 1830 году, ни Антона Дембицких в живых уже не было. Павлу Александровичу пришлось хлопотать об утверждении в дворянстве их детей — Павла, Игнатия и Дарьи.

* * *

Литературные занятия, музыка, спектакли, шарады — конечно, в Никольском жили не только этим. «Трудолюбие», о котором сказала Софья Александровна Засекина в своем письме, не раз воспевалось и ее братом, который считал

Бездействие — грехом,
Труд с пользой — сладострастьем.

Можно себе представить, что поэт не стал таким крупным предпринимателем, каким был его отец. Он не занимался откупами, ни ямским делом. Но архивные материалы свидетельствуют, что он очень много внимания уделял сельскому хозяйству: на годы 1820–1831 приходятся самые высокие показатели вы-

сева хлебов по имению и, несмотря на низкую плодородность почв, сравнительно высокие урожаи. Павел Александрович вникал в агротехническую систему сельского хозяйства. Для организации труда крестьян он написал специальную инструкцию приказчику, которая сохранилась в архиве. Из его наказов видно, что он признавал необходимым «непременно землю под рожь троить и не весной, а еще с осени вспахать, заборонить и так под снегом оставить»; кроме того, «на одних местах несколько лет сряду одинакового хлеба не сеять, а менять оные так, где была пшеница, на то сеять ячмень, а где был ячмень, то сеять овсом, а где овес — тут пшеницу». Уделял он внимание и животноводству: «В наших местах, где зима бывает продолжительна и земля требует удобрения, ни о чем так печься не должно, как о расчищивании лугов, ибо если много будет корму, то можно и скота иметь много, а много будет скота, много и навозу, много же навозу, много будет и хлеба, а скот и хлеб составляют весь и доход». «Если бы по сей важной материи, — пишет он, — начать подробно описывать, то на один сей пункт и целой дести было мало, но сие уже все земледельцы довольно знают, не надо только нужного пренебрегать, а иногда весьма нужно от доброго пахаря и совета потребовать».

Следует отметить, что подобная деятельность помещиков влияла не только на доходность их хозяйства: «Примеры помещиков, постоянно следящих за успехами агрономии и ревностно заботящихся об улучшении своего сельского хозяйства, имеют благодетельное влияние на крестьян, безусловно приверженных к старинным приемам земледелия, неохотно сдающихся на крутые перемены».

Кроме сельского хозяйства, Павел Александрович продолжал заниматься конным заводом. Из отрывочных данных по конному заводу, сохранившихся в разных источниках, известно, что в 1810 году было продано 30 лошадей на сумму 3143 рубля, а также, что в 1848 году на заводе содержалось 2 жеребца и 11 маток, и что в 1851 году сын Павла Александровича, Александр, был членом вологодского губернского совета по коневодству и участвовал в испытательных бегах.

П. Струве писал: «Интересы и инициатива помещиков сыграли крупную роль в развитии крестьянской кустарной промышленности». Старался приучить к ремеслам своих крестьян и Павел Александрович. Приказчику предписано было смотреть, «чтобы и самую зиму крестьянин не проводил в праздности, а упражнялся бы в каком-нибудь промысле, или рукоделье, ибо ему должно достать деньги на подушные и прочие подати, да и на соль еще надо, и на другие домашние нужды. И для того понуждать крестьян к обучению молодых ребят из семей нужным ремеслам, как то кузнечному, плотничному, кожевенному, бочарному, токарному, что ставцы точут, горшечному, и другим, что может их сделать и для себя, и для меня полезными».

В этом перечне не упоминается плетение кружев. Но крестьянки Никольского и поныне по зимам плетут кружева, а искусство это получили в наследство от своих матерей и бабушек.

К характеристике Павла Александровича как помещика можно добавить следующее. Хотя еще Екатерина II высказывала пожелание, чтобы во всех крупных населенных пунктах была школа, но дело народного образования подвигалось туго: недостаток

средств, а иногда желающих учиться замедляли этот процесс. В Вологодской губернии за четыре первых десятилетия XIX века было открыто на счет владельцев только два училища: в 1814 году в селе Покровском у А. С. Брянчанинова и в 1817 году в селе Никольском у П. А. Межакова. В школе в Никольском первым учителем был Д. М. Вотложемский, учеников вначале было 22, а через год — 34. Школа эта просуществовала во все время крепостного права, а в 1871 году была передана земству. Здание ее сохранилось до наших дней. В 1827 году в Никольском была также открыта лечебница на 20 кроватей. Это была вторая лечебница в уезде и единственная в сельской местности. До уничтожения крепостного права при лечебнице состояли врач и фельдшер, а после 1861 года — только фельдшер. В настоящее время в здании этой лечебницы функционирует Никольская больница.

В 1843 году П. А. Межаков пригласил для работы в лечебнице (которую он называл гошпиталем) доктора Эдуарда Карловича Криха, окончившего в 1839 году Петербургскую Медико-хирургическую Академию. Они заключили между собой договор о том, «что я Крих, обязываюсь пользоваться крестьян и дворовых людей его господина Межакова которых состоит за ним по Вологодской губернии до 2000 душ, а равно и посторонних больных, принимаемых в устроенном при местечке Александрополь Гошпитале, и в случае нужды ездить и в другие селения. А я, Межаков обязываюсь производить ему, Криху по Пятсот семидесяти рублей серебром в год жалованья на всем готовом содержании и исходатайствовать, чтобы его пребывание в моем имении считалось действительною государственною службою».

В относящемся примерно к этому же времени описании Никольского в «Вологодских губернских ведомостях» приводятся еще некоторые подробности о лечебнице, а также и о самом Никольском: «В означенном селе находятся три каменные церкви. Все они обнесены одною каменною оградой, в которой с лицевой стороны устроены удобные для торговли лавки. В воскресные и праздничные дни бывают здесь довольно многолюдные торги, которые при благоразумных распоряжениях владельца ежегодно и весьма приметным образом увеличиваются.

Из богоугодных заведений имеются: а/богадельня, в коей призревается до 10 человек обоего пола принадлежащих владельцу крестьян и б/больница, устроенная на 20 кроватей. Она существует с 1827 года; в больницу принимаются люди всех сословий, без всякой платы за содержание и лекарства. Содержание этой больницы стоит владельцу до 1000 руб. серебром в год. Оба сии заведения помещаются в отдельных один от другого каменных домах.

Особенное украшение Никольского составляет прекрасный красиво расположенный сад, в котором любознательным владельцем — другом природы собраны по возможности все редкие растения.

Из хозяйственных заведений замечателен конский завод, на котором содержится 2 жеребца и 11 маток лучших пород».

В 30-е годы в жизни владельцев Никольского произошли перемены. В 1833 г. (4 апреля) в Петербурге в возрасте 39 лет умерла жена Павла Александровича, Ольга Ивановна. Она похоронена на Тихвинском кладбище Адександро-Невской Лавры. Дети его выросли и продолжали образование в Петербурге.

Рушились многие его литературные связи. Не было уже давно Г. Р. Державина, не стало И. А. Крылова, Н. И. Гнедича, А. И. Измайлова, многих других, померк разум у К. Н. Батюшкова. И сам он в это время жалуется в письмах на здоровье и в середине 30-х годов предпринимает путешествие за границу. По воспоминаниям молодости его манила Италия, и он провел там 1837–1838 годы. Узнаем об этом из писем... Николая Васильевича Гоголя. Там, в Риме они, возможно, и познакомились, скорее всего, в салоне Зинаиды Волконской (никаких следов их более раннего знакомства не имеется).

28 декабря 1838 года Н. В. Гоголь писал из Рима своему другу Александру Семеновичу Данилевскому: «Если ты в Париже, то рекомендую тебе моих добрых приятелей Межаковых отца и сына. Ты ими очень будешь доволен и, верно, благодарить меня за знакомство. Пожалуйста, облегчи им и помоги сделать скорее первое знакомство с Парижем. Укажи, где и что лучше и как что нужно делать, и проч., и проч.». Также и 5 февраля 1839 года: «Поклонись от меня Квитке, Мантейфелю, Дмитрию Толстому, также обоим Межаковым и скажи отцу, что я очень интересен знать как он проводит время в Париже, и чтоб по обещанию об этом меня известил, хотя через тебя». И в последующих письмах повторялись поклоны, до самого отъезда А. С. Данилевского из Парижа.

По возвращении из-за границы и до конца 40-х годов деятельность Павла Александровича сосредоточивалась в Никольском. А что еще, помимо хозяйства, могло его интересовать? Прежде всего, конечно, книги. Об этом свидетельствует его великолепная библиотека.

В 1918 году наиболее ценные усадебные библиотеки Вологодской губернии были вывезены в Вологду в разместившуюся в залах бывшего Дворянского собрания вновь образованную Публичную библиотеку. Из доклада, читанного на публичном отчетном заседании Библиотеки 15 февраля 1920 года:

«Самой интересной из старинных усадебных библиотек является библиотека Межаковых... В том составе, как она получена Публичной библиотекой, включает в себе около 3000 томов, около 1000 наименований. Из сопоставления этих двух цифр мы уже заключаем о многотомном характере сочинений, в нее входящих. Действительно, здесь имеются необходимые для серьезной библиотеки справочники, общие и специальные энциклопедии, диксионеры и проч., целый ряд сочинений под названием «*Oeuvres complètes*» — полные собрания сочинений поэтов, философов, моралистов и естествоиспытателей. Преобладающий язык французский; русские книги составляют не более 0,3 всех сочинений (в этой части библиотека наиболее пострадала); резко отмечается почти полное отсутствие немецких книг. Остальные языки — английский, итальянский, латинский.

...Французская литература занимает первое место: Буало, Мольер, Корнель, Расин, Лафонтен, Грессе, Малерб, Ламартин, Гюго, Парни, Мильвуа, Шатобриан, А. Шенье, Делиль и др. — вот те представители французской изящной литературы, сочинения которых мы находим в Никольской библиотеке. Французская философия и литература, оказавшая... и в конце 18-го и в начале 19-го такое огромное влияние на идеологию русских образованных людей, не могла не отразиться в библиотеке Межаковых: материалист Гельвеций, де-

мократ Мабли (любимый автор Радищева), Кондильяк, Монтескье, Вольтер, Руссо, Рейналь в полных собраниях сочинений.

...Отдел немецкой литературы крайне слаб; одна книжка Гете, Шиллер в французском и русском переводе и все.

Греческие и римские классики, к которым в подборе их проявлено несравненно больше внимания...

Английское влияние ощутительнее, как в художественной литературе (Шекспир, Вальтер Скотт и Байрон), так и в области политической и политико-экономической: сочинения Бентама, Попа и др.

В отделе итальянской литературы сочинения Боккаччо, Данте и Т. Тассо (два последние на языке оригиналов).

Что касается русской литературы... очевидно в этой своей части библиотека пострадала. Ведь не мог же отсутствовать Пушкин, тем более, что его «приложения к сочинениям» имеются. И, может быть, до Публичной библиотеки не дошли именно чрезвычайно ценные первые издания наших классиков.

Отдел истории составляет четверть всей библиотеки Межаковых. Помимо общих сочинений по истории, тщательно подобраны книги по истории отдельных стран, причем на первом месте стоит русская история, затем история Франции (прекрасно для своего времени подобрана) и древнего мира.

...Среди книг по русской истории, наряду с Болтиным, Щербатовым, Устряловым, Шлоссером, Полевым, Костомаровым, Бантыш-Каменским, есть ряд сочинений, имеющих значение источников истории: *Nestor. La Chronique* (летопись Нестора на французском языке — характерный факт), ска-

зания современников (например, о Самозванце, «Сказания» князя Курбского), собрание писем царя Алексея Михайловича, записки (Семена Порошина, Желябужского, Нащокина и др.), воспоминания (Вигеля и др.), и целый ряд других мемуаров, как по-русски, так и на французском языке.

История искусства — отдел небольшой количественно, но заключающий в себе художественные старинные издания (*Winkelmann. Histoire de l'Art*, 3 тома, *Car. Ces. Malvasia. Felsina pittrice* — болонское изд. 17-го века, несколько *Galleries* и *Musées* и другие книги).

Несколько специальных книг по нумизматике свидетельствуют об интересе к этой отрасли искусства; из отдела архитектуры характерно для усадьбы, высоко культурного оазиса среди пустой северной равнины, наличие книжки именно по театральной архитектуре.

...Из прикладных знаний наибольший интерес проявляли владельцы Никольского к скотоводству, причем лошади, очевидно, были у некоторых из них увлечением (книги по охоте на лошадях, соответствующий спорт). В связи со скотоводством находятся сочинения по ветеринарии в этой библиотеке.

Следует упомянуть еще, что библиотека эта, в виде хотя и не богатых материалов, в ней имеющихся, хранит в себе следы несомненного интереса к местному краю. В общем, библиотека производит импозантное впечатление, внушающее уважение к ее составителям, образованнейшим местным людям. В ней нет книг случайных, вся библиотека подобрана серьезно, не для обстановки, как это бывало в других усадьбах. Книги подобраны по тем отраслям знаний, к которым

был актуальный интерес у ее владельцев. Но и к внешности книги проявлено много внимания и вкуса: книги заключены в переплеты, достойные их содержания, радуя глаз своей позолотой художественного рисунка, тисненного по коже разных оттенков; эти стройные ряды книг наводят на мысль о выставке художественных переплетов. В заключение следует упомянуть о значительном количестве редких книг в этой библиотеке, перечень которых приводить здесь неуместно, и полный список которых и их библиографическая ценность устанавливаются теперь при организации в Публичной библиотеке отдела редких книг. Упомянем лишь «Эльзевиры» (3 книги), издания голландской фирмы, основанной в конце 16-го века Людовиком Эльзевиром и поднявшей типографское искусство на высоту, которая и теперь во многом не превзойдена; по чистоте печати, четкости шрифта (изобретенного бр. Эльзевирами и произведшего революцию в своей области), тонкости гравюры и пропорциональном распределении буквенных масс «Эльзевиры» являются и теперь идеалом, к которому может стремиться типографское искусство. Среди библиотеки находится очень редкая Елизаветинская Библия 2-го издания, хорошо сохранившийся экземпляр. Из усадьбы привезен семейный архив, отысканный по обертке, в которой была получена частным лицом из местной лавочки какая-то провизия».

(Для характеристики происходящего в те времена, когда составлялся данный доклад, необходимо отметить, что библиотека вывозилась из Никольского при живущей там предпоследней владелице имения и «пострадала» она, как выражается автор доклада, конечно, при посредстве реквизиторов.)

До конца 40-х годов Павел Александрович, по-видимому, не включался в общественную жизнь. Только в 1844–1847 годах он был почетным попечителем Вологодской гимназии. Но в 1850 году, когда ему исполнилось 62 года, он был избран Вологодским губернским предводителем дворянства.

К этому времени функции предводителя дворянства значительно расширились. Теперь их участие было обязательно во всех сферах не только сословного, но и местного управления (в администрации земской, по делам воинской повинности и т. д.). Таким образом, должность предводителя дворянства получила двойственный характер: во-первых, он должен был заботиться «о пользах дворянства и о сохранении в сем сословии благоустройства и порядка»; во-вторых, он обязан участвовать в администрации правительственной и земской.

П. А. Межаков пробыл в должности губернского предводителя дворянства два срока и дослужился до чина действительного статского советника. От этого времени сохранилось довольно много разных документов и писем, официальных и частных, в том числе связанных с Крымской кампанией.

Перед отменой крепостного права Павел Александрович по-прежнему был одним из богатейших помещиков края. Ему принадлежало около 2000 душ крепостных. Однако его поместье не было уже таким крепким, как при отце. Он так и не сумел оправиться от долгов матери. Он не занимался предпринимательской деятельностью, а доходов от сельского хозяйства в этой местности с малоплодородными почвами едва хватало на уплату процентов.

В последние годы жизни он отошел от дел по управлению имением и передал их старшему сыну Александру, а после его кончины — его жене Марии Александровне. Жил он то в Петербурге, то в Никольском, то в Вологде. Пережил старшего сына и дочь и умер 13 апреля 1865 года в возрасте 76 лет. И вот последнее литературное воспоминание о нем: В. А. Гиляровский в книге «Мои скитания», рассказывая о своем детстве, пишет: «Еще при жизни матери отец подарил мне настоящее небольшое ружье мелкого калибра заграничной фабрики с золотой насечкой, дальнобойное и верное. Отец получил ружье для меня от Н. Д. Неелова, старика, постоянно жившего в Вологде в своем большом барском доме, наискось от нашей квартиры. Я бывал у него с отцом и хорошо помню его кабинет в антресолях с библиотечными шкафами красного дерева, наполненными иностранными книгами... Он умер в конце 60-х годов столетним стариком, ни у кого не бывал и никого, кроме моего отца и помещика Межакова, своего друга, охотника и собачника, не принимал у себя, и все время читал старые книги, сидя в своем кресле в кабинете». Так же, по-видимому, заканчивал свои дни и Павел Александрович.

VI. Ученые труды в Никольском

В 1916 году В. Я. Курбатов выпустил книгу «Сады и парки», посвященную истории садово-паркового искусства Европы и России. В этом монументальном труде автор подробно описывает наиболее знаменитые королевские резиденции Франции и Англии и царские — России. Отдавая предпочтение пейзажному типу садово-парковой архитектуры, он пишет, что у нас подобный тип был введен императрицей Екатериной II, «которая считала себя поклонницей архитектуры, особенно классической». В ее переустройствах Екатеринингофского, Каменноостровского парков большое участие принимал Баженов. Самым же замечательным образцом пейзажного парка в России, да и во всем мире В. Я. Курбатов считал создававшийся несколько позже парк в Павловске. С увлечением говоря о великолепии царских и великокняжеских резиденций, он, однако, несколько страниц посвящает и русскому усадебному творчеству. При этом он отмечает, что стиль, развившийся в XVIII в. в Санкт-Петербурге, сильнее всего оказал влияние на усадьбы, лежащие к северу от Волги. «Около Вологды, — пишет

он, — сохранилось несколько интересных поместий, например, Покровское с липовыми аллеями и гротом, Погорелово с большими прудами, а на берегу Кубенского озера Никольское, где в парке имеются гроты и на пруду храм Амура».

Пейзажные сады и парки создавались обычно на протяжении нескольких поколений. Так и в Никольском создание сада началось, скорее всего, еще в первой половине XVIII века просто с расчистки леса, вплотную подступавшего к помещицкой усадьбе. Когда же Михаил Федорович и Александр Михайлович Межаковы задумались над строительством дома-дворца, то в их намерения, несомненно, входило и желание преобразовать соответствующим образом окружающий ландшафт. Поэтому первоначальным проектированием сада занимался, скорее всего, как это было принято, тот же архитектор, который составлял проект дома, то есть Ринальди, как думал Г. К. Лукомский, или Баженов, как считали другие исследователи. Именно этот первоначальный проект и включал в себя создание водной системы, гротов, насыпных гор, каменного хаоса: в документах последующего времени о проведении подобных работ нет и намек. А посадкой растений руководили иностранные специалисты садово-паркового дела. На рубеже XVIII–XIX веков это был англичанин, о котором имеются записи в журналах, с 1808 года — немец Ренненберг, договор с которым сохранился в архиве:

«Тысяча восемьсот осмого года марта Первого дня, я нижеподписавшийся живущий в столичном городе Санкт-Петербурге иностранец Иоган Даниел Ренненберг, дал от себя сие условие вологодскому помещику Г-ну Коллежскому Советнику Александру

Михайловичу Межакову в том: что взял на себя должность садовника, с тем, чтобы отправить мне сию должность в вотчине его Г-на Межакова Вологодской губернии Кадниковского округа в местечке Александрополь село Никольское тож в находящемся там при доме его саду на нижеследующих условиях: 1-е съехать мне Ренненбергу с семейством и имуществом моим от Санкт-Петербурга в означенное местечко на подводах Г-на Межакова, а мне до того дела нет. 2-е по приезде туда принять по описи под свое смотрение оранжерею с разными деревьями и цветы, а также ананасную теплицу, сад и все к оным принадлежности которые должны быть под смотрением и на попечении моем. 3-е естли потребно будет какая поправка в оранжереях или теплицах то должен он Г-н Межаков для своей пользы все то под моим смотрением переделывать. 4-е давать мне всегда рабочих людей столько можно потребую. Также и учеников сколько ему Г-ну Межакову угодно, которые уже от меня ни в какие другие работы не брать. 5-е непременною обязанностью моею будет доставлять ему Г-ну Межакову довольно как из оранжереи хороших фруктов и цветов, также из теплицы ананасов, и деревья размножить и онумеровать и держать их здоровыми, 6-е условие сие силу и действие имеют от вышеписанного числа впредь на три года...» — далее очень подробно расписаны условия содержания Ренненберга.

Можно себе представить, какое впечатление производили все эти фантастические создания — сад, оранжереи, теплицы на жителей Заболотья, привыкших к скудной природе родных мест. Восхищение садом они пронесли через все исторические перипетии и понятие «Никольское» у них в основном ассоцииру-

ется именно с ним. Тем более, для всех посещавших поместье при жизни его хозяев сад оставался незабываемым впечатлением. Любовь к нему прививалась и детям Межаковым — вот, например, известное стихотворение Павла Александровича «Моим деревьям»:

.....

Зимой — невольный града житель;
Но лес лишь станет оживать,
И неизменный ваш любитель,
Я уклонюсь в свою обитель,
Под вашей сенью отдыхать.

Деревья взрощенные мною,
Примите дружески меня!
Я вас сажил своей рукою;
Вас лиры тихую струною
Хочу теперь прославить я.

.....

А в следующем поколении детские впечатления трансформировались уже во вполне профессиональные увлечения...

* * *

У Павла Александровича Межакова было трое детей. Старший сын Александр родился 2 марта 1812 года — восприемником при его крещении был его дед Иван Афанасьевич Брянчанинов. Дочь Софья родилась 17 июля 1814 года, восприемницей была ее родная тетка, Варвара Александровна, впоследствии Дембицкая. Младший сын Михаил родился 18 октября 1815 года и восприемником был его двоюродный дядя Александр Николаевич Засецкий.

По свидетельству Н. П. Колюпанова, Павел Александрович «давал блестящее воспитание своим детям». Поэтому Александр Павлович Межаков завершал свое образование в Петербургском университете. По окончании его, с декабря 1829 года по август 1834 года, служил в Департаменте внешней торговли, причем 3 декабря 1831 года был отмечен «Монаршим благоволением за труды по вспомоществованию пострадавшим от холеры». В августе 1834 года был определен в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел, где прослужил до сентября 1841 года и был «уволен по прошению с чином титулярного советника». С октября 1842 года был утвержден Почетным Смотрителем Яренского уездного училища, в последующие годы занимал и другие должности в органах местного самоуправления.

Как видно, официальная карьера не влекла Александра Павловича, чинов он не выслужил. С молодых лет он был страстно увлечен исследованием флоры и фауны родного края. Уже с 20-летнего возраста он начал заниматься своими опытами в дедовском саду: «В 1833 г. я посадил в гряде несколько желудей, в 1836 г. рассадил в парке вышедшие из них шестнадцать дубков. В 1852 г. они были уже от 2½ до 3 саженей и принесли в первый раз желуди. От них я имею теперь до 1700 молодых 2-х и 3-х летних дубков в питомнике и начинаю садить из них рощи, продолжая ежегодно посев желудей. То же самое делаю с вязами и кленами... Ясень мне удалось тоже акклиматизировать... Из деревьев северных, чуждых нашему климату, я размножаю семенами лиственницу и кедр; странно, что оба эти дерева, растущие в северных уездах Вологодской губернии, труднее принимаются у нас, чем дуб, вяз и клен.

...Каштан в течение 20 лет каждую зиму померзал и весной давал молодые побеги от корня; четыре года тому, я пересадил его в числе двух экземпляров в саду при доме в Вологде. Там они растут прекрасно, хотя Вологда только на 70 верст южнее с. Никольского...

Замечу притом, что посевы семян и рассадку молодых деревьев у нас лучше производить осенью, а не весной». Это из статьи, помещенной в Записках Комитета акклиматизации растений в 1858 году, то есть после 25-летних наблюдений за посаженными деревьями. Из нее же можно сделать вывод, что именно Александру Павловичу сад в Никольском обязан появлением в нем дубовых рощиц, потомки которых расселились и в Вологде и по всему Усть-Кубенскому району, а также знаменитых кедров и других деревьев, ранее не приживавшихся в этой местности.

Выйдя в отставку в возрасте 30 лет, Александр Павлович Межаков расширил круг своей деятельности, занимаясь, наряду с акклиматизацией растений, орнитологией, изучением рептилий и др. в разных уездах Вологодской губернии. Свои опыты и наблюдения он описывал в дневниках — «мемуарах», вначале, по-видимому, не думая об их публикации. Только в 50-х годах он решился выступить с результатами своих исследований. Однако уже первые его «мемуары», посланные в Императорское Русское географическое общество, послужили основанием для принятия его 10 февраля 1855 года в действительные члены ИРГО. Вскоре он стал также членом Московского общества испытателей природы и Общества акклиматизации.

В «Вестнике Императорского Русского географического общества» за 1856 год № 6 помещена его наиболее известная в настоящее время статья «Кубенское озеро и его рыбные промыслы», в которой он, помимо

основной темы, вынесенной в заголовок, приводит многочисленные данные о поведении озера в разное время года, о растительности прибрежных районов, о способах ловли рыбы окрестными жителями и о ценах на нее. Эта статья была началом задуманной большой работы по водному хозяйству, так как в январе 1857 года он сообщает Совету Русского географического общества: «Честь имею уведомить оный Совет, что по возвращении моем из похода и увольнения из Государственного подвижного ополчения я снова начал собирать материалы для составления более подробного описания рыбных промыслов Северной России, по примеру уже составленного мною описания Кубенского озера и его рыбных промыслов. С сею целью в начале зимы осматривал я озера, находящиеся в окрестностях города Кириллова и по каналу Герцога Виртембергского, Белозеро, реки Шексну, Ковжу, Ковженское озеро и проследил реку Вытегру до самого впадения ее в Онежское озеро. Теперь же предполагаю осмотреть озера Воже и Лаче с их притоками».

Далее, две статьи А. П. Межакова на французском языке были напечатаны в Московском бюллетене за 1856 и 1857 годы. Первая называется «Каталог птиц, наблюдаемых в Вологодской губернии», написана она по наблюдениям в Грязовецком, Кадниковском, Вельском и отчасти Тотемском уездах. «Из этого Каталога, распределенного научным образом и пополненного некоторыми особенностями, замеченными автором в нравах птиц и времени перелета, видны плоды добросовестных наблюдений, деланных в продолжении нескольких лет со знанием дела и любовью к науке». Интерес специалистов, в частности, привлекли описанные Александром Павловичем особенности

в нравах некоторых перелетных птиц, появляющиеся, вероятно, под влиянием климата. Например, он пишет о птице, которая очень редко залетала в Вологодскую губернию: «Цапля серая в Вологодской губернии показывается чрезвычайно редко и то всегда по одиночке. В 1853 г. серая цапля в продолжение месяца просидела по целым часам неподвижно на вершине одинокой сосны в моем саду, лежащем в нескольких верстах от Кубенского озера; к ночи она отлетала в лес, в 2-х верстах от усадьбы. В этом лесу ее убил крестьянин и принес ко мне. Другой экземпляр цапли мне случилось видеть в 1854 г.».

В конце своего труда он писал: «Нет сомнения, что новые изыскания в северных уездах губернии прибавят к этому каталогу несколько новых видов и дадут богатый материал для географического распределения видов, относительно их годовых перелетов. Надеюсь, что время и обстоятельства позволят нам продолжать этот труд».

Вторая статья, «особенно замечательная», называлась «Несколько наблюдений о рептилиях в Вологодской губернии». (Из письма Александра Павловича управляющему в Никольское: «Прошу тебя, когда будет время, не пропусти и достань мне хороших змей, и положи в банку, а спирт у меня есть в кабинете, в бутылке за шкапом, в первой комнате направо»). «Наблюдения свои автор мемуара производил в южной части Вологодской губернии, это почти 60° северной широты; сравнивая их с результатами наблюдений Кеслера в Киевской губернии, он находит, что десятиградусное расстояние мест наблюдений совершенно достаточно для значительного изменения свойств одних и тех же видов».

Считается, что эти две его работы являются единственным научным материалом, относящимся к XIX веку, по орнитологии и рептилиям Русского европейского Севера.

Кроме того, Р. Поле в своем «Указателе лесоводственной и ботанико-географической литературы Северной России и Финляндии» говорит о созданном Александром Павловичем «Каталоге семяночных и высших тайнобрачных растений Вологодской губернии Кадниковского уезда»; в Биографо-библиографическом словаре Московского Ботанического института отмечается, что он, «изучая местную флору, усиленно занимался акклиматизацией растений в Вологодской губернии (плодовые растения в грунту, тропические в специально устроенных богатых оранжереях)»; другие справочники свидетельствуют, что собранный им Гербарий растений Кадниковского уезда после его кончины был передан в Императорский ботанический сад и вошел в состав знаменитого Гербария Траутфеттера.

Из некролога: «Из нескольких оставшихся мемуаров, в которых Межаков излагает только последние результаты опытов и наблюдений, мы вправе заключить, что в ученых трудах своих он руководствовался единственно любовью к науке, и вовсе не имел намерения блеснуть своими познаниями, следы которых видны на каждом шагу во всех его наблюдениях и выводах»; «Без сомнения в дневнике, который вел Александр Павлович до последнего времени, найдется чрезвычайно много дельных замечаний и богатый материал. Дневник этот, как самое дорогое наследство его семейства, не мог сделаться до сих пор достоянием общественным, хотя, без сомнения, в нем много

нашлось бы поучительного относительно тех усилий, какие необходимы человеку, поставленному в известных общественных условиях, для самостоятельной научной деятельности, редко достойно оцениваемой, и еще реже встречающей сочувствие».

Уровень и широту научных интересов Александра Павловича характеризует собранный им отдел Никольской библиотеки: «Третий по величине отдел Никольской библиотеки — география состоит, не менее чем на половину, из путешествий (понятно научного, а не беллетристического характера). Значительная доля книг из этого отдела приходится на сочинения по исторической географии. Кроме книг, в отделе имеют место карты и атласы. Имена Шамполиона, Гумбольта и др. придают этому отделу в Никольской библиотеке значительный удельный вес, так же как имена Лапласа, Бюффона, Гумбольта по отделу наук чистых. В этом последнем, составляющем 1/10 часть библиотеки, преобладают ботаника и зоология (по преимуществу орнитология) — область научной работы одного из Межаковых, а также климатология с метеорологией и химия. Здесь мы видим сочинения не общего характера, а иногда и по очень специальным вопросам в каждой науке. В этом отделе из редких книг имеются два сочинения Палласа, естествоиспытателя времен Екатерины, энциклопедически образованного человека, глубокого и проникновенного ученого, изъездившего для изучения всю Россию: «*Zoographia rossosasiatica*» и «Описание растений Российской Империи», издания Академии Наук».

Научной деятельности Александра Павловича Межакова весьма способствовала обстановка в семье. Отец сочувственно относился к его исследованиям

и предоставлял ему полную свободу действий и в саду, и в оранжереях. Понимание нашел он и у жены, и у детей. Женат он был на Юлии Францовне, урожденной Тиран.

* * *

Юлия Францовна происходила из очень интересной семьи. Ее отец, Франциск Тиран, французский дворянин, римско-католического исповедания. Его родители Людовик Тиран и Мария Саломе Жозефина Шауер имели замок в Страсбурге, где 10 октября 1777 года и родился Франциск. Во время революции 1789–1793 годов, как и многие французские дворяне, он оказался в эмиграции и в 1797 году прибыл в Россию, где поступил на военную службу. В 1811 году он вступил в брак с Елизаветой-Терезией, урожденной Демут (1781–1837). Свидетелями при их браке были генерал Николай Свечин, Яков-Гаврила де ла Ферте-Мен, Павел фон Люден и Филипп Яков Блессинг (этот перечень интересен тем, что показывает, какое число европейцев привлекала тогда служба в России).

В конце XVIII — первой половине XIX века фамилии Тиран и Демут были очень известны в Петербурге и остались в воспоминаниях многих современников.

Франциск, или, как его звали в России, Франц Иванович Тиран в 1800 году был назначен в адъютанты к Петербургскому военному губернатору графу Палену, одному из главных участников заговора на жизнь императора Павла. Франциск Тиран в убийстве замешан не был, но все-таки был выслан в оренбургский гарнизон «за неосторожные речи». Вскоре, однако, он был прощен, возвращен на военную службу, участвовал в войнах с Наполеоном, выезжал с русским посольством в Англию.

Его жена, Елизавета-Терезия, была единственной дочерью и наследницей Филиппа-Якоба Демута, уроженца Страсбурга, откуда был родом и Франциск Тиран. Филипп-Якоб Демут прославился как владелец одной из первых в Петербурге гостиниц и трактира при ней. Позже он стал также директором Государственного заемного банка. «Демутов трактир» на протяжении чуть ли не ста лет считался одной из самых лучших и дорогих гостиниц Петербурга:

В известной Демута отели
Берут с нас 50 рублей
И то — за мягкие постели:
За кофе же, обед и чай
Особой платой отвечай.

В «отели» в разное время останавливались интереснейшие и знаменитейшие люди XIX века: П. Я. Чаадаев, К. Н. Батюшков, П. И. Пестель, А. С. Грибоедов, «кавалерист-девица» Дурова, А. И. Тургенев и др.

Александр Сергеевич Пушкин останавливался в «Демутовом трактире» в 1811 году, 1827–1834 годах. В разное время здесь жили его родители, а также многие его друзья, которых он постоянно навещал. В 1831 году сюда, в «Демутов трактир», он привез из Москвы после свадьбы свою жену Наталью Николаевну: «Приехали мы благополучно, мой милый Павел Воинович (Нащокин), в Демутов Трактир и на днях отправляемся в Царское село, где мой домик еще не меблирован».

Франциск Тиран и его жена вращались в аристократических кругах столицы. Имя госпожи Тиран было занесено в первый список членов аристократического Женского патриотического общества, наряду с фамилиями графини М. Д. Нессельроде, графини Н. А. Зубовой

(Наташи-Суворочки) и княгини Зинаиды Волконской. Поэтому не приходится сомневаться, что оба они, и Франциск и Елизавета, общались с именитыми постояльцами своей гостиницы.

В браке Франциска Тирана и Елизаветы Демут было четверо детей: Юрий родился в 1812 году, Юлия — в 1814 году, Александр — в 1815 году и Елизавета — в 1822 году.

С именем их младшего сына связывают имя другого нашего великого поэта. Александр Тиран поступил в Петербургский университет, но не окончил его, а перешел в Школу гвардейских подпрапорщиков. В это же время туда поступил Михаил Юрьевич Лермонтов. 22 ноября 1834 года оба они были выпущены в лейб-гвардии гусарский полк, в котором Александр Тиран прослужил всю свою жизнь. И в Школе, и в полку Александр Тиран и Михаил Юрьевич поддерживали дружеские отношения. Д. В. Стасов, который был лично знаком с А. Ф. Тираном, писал: «Лермонтов был ужасно самолюбив и до крайности бесился, когда его не приглашали на придворные балы, а приглашали Тирана (тогдашнего его товарища по полку), и уж за это Тирану доставалось: он на него сочинял, разыгрывал, рисовал карикатуры, и раз даже написал целую поэму, в которой сначала описывал его рождение, жизнь, похождения и, наконец, смерть. В конце нарисовал надгробный памятник и к нему эпитафию:

Родился шут Тиран

.....

А умер пьян

(не помню средних слов)». В архиве Д. В. Стасова были найдены «Записки неизвестного гусара» о Лер-

монтове — без подписи. По некоторым приведенным в них подробностям автором «записок» называют А. Ф. Тирана. Для биографии М. Ю. Лермонтова «Записки» представляют большую ценность, так как рассказывают о некоторых неизвестных (из других материалов) фактах: «У нас издавался журнал «Школьная заря», главное участие в нем принимали двое: Лермонтов и Мартынов, который впоследствии так трагически разыграл жизнь Лермонтова... Лермонтов был чрезвычайно талантлив, прекрасно рисовал и очень хорошо пел романсы, то есть не пел, а говорил их почти речитативом... Ведь этаким был человек: мы с ним были в хороших отношениях, у меня он часто ночевал (между прочим, оттого, что свою квартиру никогда не топил), а раз таки на дежурстве дал мне саблю шрам».

По утверждению декабриста Н. И. Лорера, А. Ф. Тиран в качестве представителя от лейб-гусар присутствовал при похоронах М. Ю. Лермонтова в Пятигорске 17 июля 1841 года.

Около 1830 года Франциск Тиран вышел в отставку в чине полковника и вернулся во Францию. Там он вступил во второй брак с Екатериной Леге и умер в Париже в 1845 году. Его дети от первого брака остались в России. Юрий принял православное вероисповедание, он окончил Петербургский университет и в 1831 году был определен на службу в Коллегию иностранных дел, где прослужил до 1855 года и вышел в отставку в чине действительного статского советника. Женат он был на Апполинару Николаевне Татищевой и имел сыновей Николая (впоследствии генерал-майора) и Александра. А второй сын Франциска Тирана, Александр, был вероисповедания лютеранского,

в 1830 году принял присягу на вечное подданство России, служил военную службу и уволен в отставку в чине полковника лейб-гвардии гусарского полка. Женат он был на Екатерине Николаевне Хрестовской и имел детей Николая, Юлию и Антонида.

Первая из дочерей Франциска Тирана, Юлия Межакова, сохранила вероисповедание отца — католическое, а вторая, Елизавета Лелли, — матери, то есть лютеранское.

* * *

В Вологодском краеведческом музее находится портрет Александра Павловича и Юлии Францовны Межаковых. Написан он художником Платоном Семеновичем Тюриным (бывшим крепостным помещика А. А. Холмова) для фамильной галереи, как парный к портрету родителей А. П. Межакова. Кроме того, сохранилось несколько силуэтов Юлии Францовны, сделанных Павлом Александровичем Межаковым.

В 1836 году у Александра Павловича и Юлии Францовны родился сын Павел, которого по ставшей в семье традиции родители определили для статской службы. В 1837 году родилась дочь Ольга, а в 1839 году — второй сын, Александр, его готовили к военной службе. В 1850 году родился самый младший сын, Мануил, которого тоже предназначали для статской службы. Кроме них, в семье были еще дети, но все они умерли или в младенчестве, или в раннем детстве.

Сохранилось несколько писем Юлии Францовны старшим сыновьям. Письма на русском и французском языках. Судя по почерку, по-французски писала она сама, по-русски диктовала.

П. С. Тюрин. Портрет Александра Павловича Межакова с супругой Юлией Францовной, урожденной Тиран

Из Никольского 30 декабря 1851 года: «Милые и неоцененные друзья мои Паличка и Сашурка, поздравляю вас с праздниками, с наступающим Новым Годом... Будьте честны, добры, терпеливы во все минуты жизни вашей — в настоящее время думайте, что прилежание сделает вас людьми и что без него вы испортите всю будущность вашу. Поймите слова мои и следуйте совету пока еще не поздно; украсьте жизнь мою успехами вашими и хорошими качествами сердец ваших».

Юлия Францовна в это время была уже тяжело больна. Из письма Александра Павловича старшему сыну от 19 марта 1853 года: «Поздравляю тебя друг мой Паль со днем твоего рождения... Когда мы имеем о вас хорошие известия, то это бывает всеобщая радость и маменьке всегда в эти дни легче. Она все больна и хотя получше, но еще очень слаба. Дедушке я не пишу, потому что полагаю, что это письмо его уже не застанет в Петербурге. Если же он еще не уехал, то поцелуй у него руку за меня.

Целую и тебя, друг мой Саша, и поздравляю с новорожденным...».

И приписка Юлии Францовны вначале по-французски, затем по-русски: «...Я дети мои все ужасно слаба, на день переменяю комнату, доброй папа меня всякий раз сам переносит и укладывает».

* * *

Научные интересы Александра Павловича Межакова, благоприятные условия для работы привлекали в Никольское других исследователей. Из известных лиц в Никольском трудился Александр Иванович Иваницкий (1812–1850) — учитель математики и фи-

зики в вологодской гимназии. Это был весьма разносторонне одаренный человек. Особенно он прославился своими арифметическими задачами, по которым учатся еще и в наши дни. Кроме того, он был известным литератором, автором романов «Сыновняя обязанность» и «Восток и Запад» и повестей, которые печатал в «Библиотеке для

*Николай Яковлевич
Данилевский*

Чтения» и в «Маяке». Занимался он также изучением климата. Его наблюдения за термометром, барометром и термометрографом печатались в Вологодских губернских ведомостях, а в 1849 году в журнале Министерства Государственных имуществ была помещена его статья «Очерк климата города Вологды».

Ко времени кончины А. И. Иваницкого относится появление в Вологде и в Никольском Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885). Н. Н. Страхов писал о нем: «Это был энциклопедически образованный, глубоко ученый и самобытный мыслитель и натуралист и цельный, необыкновенно симпатичный, до глубины души русский человек». Публицист, естествоиспытатель и практический деятель в области народного хозяйства — широта его интересов, интенсивность деятельности поражают. Он участвовал в научных экспедициях по изучению дельты Волги и Каспийского моря, возглавлял экспедиции

по изучению Белого моря и Ледовитого океана, в Крыму успешно занимался борьбой с филлоксерой, в промежутках между экспедициями написал около 50 статей на естественно-научные, политико-экономические и историко-политические темы, в том числе актуальную в наши дни статью «Горе победителям». Но наибольшую известность принесли ему два капитальных труда: «Россия и Европа» и «Дарвинизм. Критическое исследование», интерес к которым с наибольшей силой возвратился в наши дни.

* * *

Но все это было позже. А в 1849 году 27-летний Николай Яковлевич Данилевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость по делу Петрашевского. Так как обвинение не подтвердилось, после 100 дней в крепости он был освобожден от суда и выслан в Вологду, куда прибыл в мае 1850 года. В Вологде ссыльный Данилевский был принят благожелательно губернатором Степаном Григорьевичем Вальховским и губернским предводителем дворянства Павлом Александровичем Межаковым. Особенно Николай Яковлевич сдружился с сыном Межакова, Александром Павловичем, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте. Несомненно, что этой дружбе сильно способствовала общность их интересов. Николай Яковлевич стал частым гостем в Никольском, о котором на всю жизнь сохранил восторженные воспоминания. Из письма Юлии Францовны сыну Александру: «У нас Данилевский, каждое утро является он ко мне в комнату чай пить в 9 часов и до завтрака у нас все чай продолжается, перемешивая его чтением и разговорами. Если найдешь какие-нибудь

новые для нас виды растений, засушивай их, голубчик, в свободное время».

В Вологде Н. Я. Данилевский начал свою научную деятельность и за два года написал и опубликовал «два весьма талантливых исследования»: «О движении народонаселения в России» и «Климат Вологодской губернии», причем во втором он использовал и материалы Иваницкого. Обе работы были награждены: одна Золотой медалью, другая — премией Жуковского.

В Вологде он и женился 29 сентября 1852 года. Его женой стала вдова генерал-майора Вера Николаевна Беклемишева, урожденная Лаврова. Он любил ее уже несколько лет, но предложение сделал только за два дня до ареста.

Памятником дружбы Николая Яковлевича Данилевского и Александра Павловича Межакова остались несколько писем Николая Яковлевича, которые особенно интересны тем, что очень интимны и позволяют судить о чисто человеческих качествах автора. Но из них также видно, откуда произошли его труды «Россия и Европа» и «Дарвинизм».

В ноябре 1852 года Данилевский был переведен в Самару (вероятно, по протекции переведенного туда же Вальховского) и зачислен переводчиком губернского правления. В первом письме он сообщает, что ему предложили участвовать в экспедиции по изучению рыболовства и он согласился: «иначе поступить было мне невозможно, потому что это может послужить к совершенному моему освобождению. Кроме этого, ведь любопытно побывать и на Кавказе и в Астрахани и при устье Эмбы в Киргизской степи на казенный счет... Конечно собирая статистические данные я не упущу из вида и собиравание растений».

Николай Яковлевич знал, что его друг собирает гербарий, и проявлял большой интерес к этой его работе. «Итак, готовьте и вы бумагу, и вашему гербарии предстоит немалое приращение». Также он обещает прислать семян для сада, «ежели только смогут перенести Никольский климат». В конце обычная приписка: «Прошу вас засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Павлу Александровичу и уверьте его, что я всегда буду помнить то расположение, которым имел счастье от него пользоваться. Время, проведенное в Никольском, я в своей памяти всегда буду относить к приятнейшим в моей жизни».

В следующих письмах нашли отражение трагические события в жизни друзей.

В письме от 17 июня 1853 года Николай Яковлевич пишет: «Милый и дорогой Александр Павлович, дурные вести, говорят, скоро идут и еще прежде письма вашего узнал я от Вальховских о постигшем вас несчастье. Не писал я к вам, потому что не знал как писать: утешать нельзя, потому что утешения нет, одно время может только ослабить горечь. Можно разделить горе и вы конечно были уверены в участии, принятом не мною одним, а всеми нами. Все мы приняли известие о кончине Юлии Францовны, как известие о смерти самого близкого родственника. Я имел случай довольно хорошо узнать Юлию Францовну. Вера же Николаевна мало знала, но успела много полюбить».

Не прошло и месяца, как он написал другое письмо: «Дорогой друг мой Александр Павлович, стараясь хоть немножко развлечь Вас моими письмами в постигшем Вас несчастье, мог ли я думать, что сам я был близок к той же участи. 1 июля в 8-м часу утра

скончалась Вера Николаевна от холеры, принявшей такой скрытный и необыкновенный этой болезни характер, что ни она сама, ни мы все окружавшие ее не могли даже предполагать в ней ничего опасного. Уверенности полной в смерти ее не имел я до самого последнего движения ее, так что даже не успел с ней вполне и окончательно проститься. Если вы знали как я любил ее, что девять лет все мои чувства, мысли и надежды относились к ней, имели ее как цель и что я пользовался так долго ожидаемым счастьем только девять месяцев, вы поверите мне, что я остался совершенно без цели в этой жизни. Ежели бы я говорил это в отчаянии, вы по справедливости могли бы усумниться в истине моих слов, но я пишу их с полным хладнокровием и обдуманностью. По характеру я не способен к отчаянию и теперь когда все прошло, скажу вам искренно, что как любовь моя, так и горе мое при всей силе их — оставались всегда сознательными и обдуманными. Поэтому прошедшее ручается у меня за будущее, да я и желаю, чтобы было так.

Понесенная мною потеря вполне показала мне тщету всего, кроме христианских убеждений, ибо они одни, когда все потеряно здесь, дают надежду на возвращение всего там в лучшем и совершенном виде.

Немного времени имели вы, чтобы узнать мою Веру, но оценили все ее достоинства. Позвольте же мне попросить Вас для меня и для нее сказать отцу Константину, чтобы он включил ее имя в число тех, которых он поминает совершая Литургию.

Благодарю Бога, что я не уехал еще в экспедицию, что мне дало возможность присутствовать при последних ее минутах.

От всей души целую Вас. Пожалейте обо мне, как я пожалел о Вас».

В последующих письмах он снова и снова возвращается мыслями к Вере Николаевне: «Поездки насильно отрывают меня от самого себя, ужасно возвратиться в прежнее одиночество, не освещенное даже надеждою после как сон пролетевшего 9 месячного счастья. Бог даст по окончании экспедиции побываю и к Вам. Потому что Никольское одно из тех мест, куда меня наиболее тянет. Не любил я Вологду как место изгнания, а теперь оно связано для меня с лучшими из моих воспоминаний». Но он уже в экспедиции, и письма наполнены впечатлениями от того, что его особенно поражает, а именно нового для него растительного мира. «Когда, — пишет он, — всякую мысль о счастье пришлось оставить, слава Богу, что есть развлечение или правильное отвлечение... В эту поездку нашел я много редких растений». Некоторые из его писем только и состоят из перечисления на нескольких страницах латинских названий растений, которые он здесь увидел. При этом он не забывает и о Никольском: «Еще никому не удавалось искусственно развести этого растения, во всяком случае, я пришлю Вам на счастье семян»; или «Эти два дерева прелестны для Зимнего сада. Нынешний год уже поздно, а на следующий, особливо из Персии смогу много доставить Вам даже и для оранжереи».

Александр Павлович тоже писал Данилевскому о своих находках. Так, он сообщил ему о находке в окрестностях Никольского редкого растения, которое не знает, как определить. Николай Яковлевич, после тщательного обследования растения, отвечал ему: «И так вы можете похвалиться, что нашли одно

из самых редких растений Севера, ведь находилось оно лишь в самом малом числе экземпляров. И так запишите его под именем *Calypso borealis*». В другой раз Александр Павлович написал, что обнаружил в Кубенском озере рыбку, которую местные рыбаки называли нельмушкой. Николай Яковлевич отвечал: «Я говорил Бэру о Кубенской нельмушке, он просил меня выписать ее из Вологды. Интересны также Нельма и Сиг, потому что и они не определены. Паллас... говорит, что Сибирская нельма и Волжская Белая рыбица одно и то же, о Волжской же замечает, что не знает, куда ее отнести. Сделайте милость, пришлите этих 3-х рыб по экземпляру (Нельмушки можно и больше) замороженными и уложите так, чтобы плавники не пострадали. Ежели будете сами, то нельмушки захватите с собою в спирту». Николай Яковлевич приглашал А. П. Межакова побывать в их экспедиции: «Приезжайте, и вы на свою долю получите черепах, разного рода ящериц (в спирту), тарантулов и скорпионов». Но из этого ничего не вышло: «В конце марта (1854) пустимся мы в путь — и Бэр ни под каким видом не согласится, чтобы вы или кто бы то ни был посторонний экспедиции сопутствовал нам».

Не забывал Данилевский и других обитателей Никольского: «Я также стараюсь достать для Павла Александровича монет Персидских, одна пока у меня есть, но мне обещали все, какие только у Персиян в ходу, ежели добуду какие-нибудь Армянские или Грузинские тоже непременно пришлю». В последние годы жизни П. А. Межаков увлекся нумизматикой, и родные и друзья, в числе которых был и Николай Яковлевич, помогли ему собрать весьма значительную «Коллекцию старинных и иностранных монет».

Последнее из сохранившихся писем написано 20 февраля 1855 года: «Срок моего пребывания в составе экспедиции оканчивается в июне месяце, ежели не выйдет перемены в этом отношении то мне придется воротиться в Самару нынешним летом. — В таком случае непременно пойду в военную службу, смерть хочется подраться с вашими прежними друзьями англичанами и моими французами, сукиными детьми; такая теперь славная и святая война, что совестно будет в глаза другим глядеть, ежели не участвовал в ней, не будучи удержан ни семейством, ни другими обязанностями. Может быть впрочем, что мне придется опять отыскивать древнее русло реки Аму-Дарьи и проследить его как можно далее внутрь страны — от этого нельзя уже будет отказаться. Бэру этого хочется, но едва ли согласятся в настоящее время на какие либо новые расходы. Напишите как в Вологде насчет ополчения, кто поступил в него из знакомых — вы видите, что я весь в политике — что же делать, теперь времена такие».

Почти двадцать лет супружеской жизни Александра Павловича и Юлии Францовны были счастливым временем для обитателей Никольского. Огромный дом был тогда переполнен родными и знакомыми. Примечательно, однако, что расходы по дому были довольно скромными, что свидетельствует, как писал Л. А. Андреевский, «о соблюдении экономии». Для тех, кто тогда собирался в доме, это обстоятельство не имело значения. Никольское притягивало как своеобразный интеллектуальный центр, где любовь к красоте, к изящному соседствовала с научными занятиями, и трудолюбие считалось одним из основных качеств благородного человека.

Позже, а именно спустя два года после кончины Юлии Францовны, Александр Павлович женился снова — на своей давнишней знакомой, Марии Александровне Михайловой.

Во время Крымской войны он участвовал в ополчении, о котором его спрашивал Данилевский в последнем письме. По возвращении в конце 1856 года он продолжил исследования северных рек. Но ему не удалось закончить всего, что он намечал. 24 мая 1859 года Мария Александровна писала издателю научного журнала Ф. В. Чижову: «Так как я в таком положении, что не могу поручиться в состоянии ли я буду вам писать завтра, то и не хочу откладывать отвечать вам, Почтеннейший Федор Васильевич, хотя письмо ваше и требует времени, чтоб собрать некоторые сведения и надо поговорить со многими об вашем желании. Ежели б мой муж был здоров, то конечно вы бы имели в нем самого добросовестного и я думаю полезного сотрудника, но к несчастью вот уже более трех месяцев как мой муж очень болен. Теперь ему слава Богу получше, но он должен по совету докторов ехать за границу и потому теперь он ничего не может предпринять, хоть у него есть уже некоторый собранный материал об рыбной ловле и вообще о промышленности Вологодского рыболовства, но чтоб собрание это привести в порядок и написать статью для вашего журнала он еще решительно не в состоянии, но воспользуется первыми силами и постарается это выполнить до своего путешествия ежели только в состоянии будет. Будьте уверены, что он не обещает ничего на верное, все сделает, что только силы его ему позволят, чтоб быть вам полезным. Что касается до других, то я тоже употреблю все старания, чтоб найти вам

сотрудников, но признаюсь, это было бы не весьма легко, потому что здесь литературой мало занимаются, а кто бы мог написать, то на того ни на слова, ни обещания, ни на добросовестность положиться невозможно, а Волков принадлежит к числу этих господ, к тому же неизвестно где он теперь шатается. Очень бы от души бы желала быть вам полезной, чтоб доказать на деле что дружба и симпатия не пустые слова в моем понимании. Муж мой очень низко вам кланяется и надеется, что ежели Бог ему поможет возвратиться из-за границы здоровым, то он будет ревностным вашим сотрудником и я надеюсь сохранить навсегда вашу дружбу, которая для меня очень очень дорога. Марья Межакова».

Через неделю после этого письма, то есть 2 июня 1859 года Александр Павлович Межаков скончался, ему было всего 47 лет.

Конечно, он не мог сравниться с таким крупным деятелем, каким был Н. Я. Данилевский. Он не обладал философским складом ума, чтобы делать какие либо крупные обобщения, ни темпераментом, влекущим его на широкую общественную арену. Был он скромным, трудолюбивым ученым — собирателем фактов, но оставил после себя уникальные сведения о растительном и животном мире родного края.

Что касается Николая Яковлевича, то он и после кончины друга сохранял привязанность к Никольскому, где тем временем подрастала его будущая жена.

А для Никольского наступил печальный период. Вслед за Александром Павловичем вскоре умерла и его сестра Софья. Она была замужем за вологодским помещиком Иваном Васильевичем Ветошкиным, де-

тей у нее, кажется, не было. Затем умер старший сын Александра Павловича, Павел (Паля). Из восьмерых детей Александра Павловича от первого брака в живых остались трое: Ольга, Александр и Мануил. Во втором браке родились две дочери, но в живых осталась одна — Мария.

Опустел дом. Павел Александрович Межаков последние годы жизни проводил в основном в Вологде. В 1862 году его навестил здесь князь Петр Андреевич Вяземский, почти единственный из оставшихся в живых его литературных друзей. А младший сын Павла Александровича Михаил так и не женился и жил или в Петербурге, или в своем небольшом поместье. Все дела по управлению имением, а также по переводу хозяйства на новые отношения с крестьянами после отмены крепостного права Павел Александрович доверил вести Марии Александровне.

«В 1863 г., — пишет Л. Ф. Пантелеев, — я опять побывал в Вологде. Светопреставления по случаю 19 февраля, как известно, не произошло. Дворовые терпеливо ожидали двухлетнего срока, мужички исполняли барщину, разумеется против прежнего с меньшим рвением и только. Помещики были заняты составлением уставных грамот и проведением их в законном порядке». В Никольском, по рассказам старожилов, реформу 19 февраля также восприняли спокойно. От того времени сохранилось несколько договоров с крестьянскими общинами. Вот, например, один из них: «1863 г. апреля 5 дня. Мы нижеподписавшиеся уполномоченная доверенностью Действительного статского советника Павла Александровича Межакова вдова надворная советница Мария Александровна Межакова и временно обя-

занные крестьяне Заболотской волости Никольского сельского общества деревни Погорелово по обоюдному согласию заключили сие условие: я, Межакова отдала крестьянам деревни Погорелово в кортому (аренду. — *О. Ш.*) 1) 3 часть пожни Пуришихи, 2) 5 часть пожни Язвицевской, 3) Участки прежнего их владения в пустоши Щелчихи и в Липовке — сроком от вышеписанного числа впредь на три года, за 15 руб. серебром ежегодно; мы же крестьяне обязуемся означенные деньги за кортому вносить по 5 руб. серебром по срокам, назначенным для оброка, по грамоте без недоимок, в чем и подписуемся».

Мария Александровна оказалась очень деятельной хозяйкой и пользовалась большим авторитетом и в семье, и среди крестьян, которые запомнили ее имя, хотя черты несколько смешивали с чертами следующей владелицы Никольского. После кончины Павла Александровича все его совершеннолетние наследники: Михаил Павлович, Ольга Александровна и Александр Александрович также доверили ей приведение в порядок дел по имению и опеку над несовершеннолетними Мануилом и Марией.

Л. Ф. Пантелеев пишет: «В нашем крае, как известно, сейчас после 19 февраля, началась распродажа помещиками своих имений».

Мария Александровна и вслед за ней Александр Александрович сумели вывести свое имение из затруднительного положения. И Никольское осталось редким примером поместья, всю свою историю связанного с одним единственным родом.

VII. Накануне

С введением в конце XVIII века родословных книг у многих дворянских фамилий еще сильнее проявилась существовавшая и прежде тенденция к сохранению родовых имен. В Вологодском крае в XIX веке наиболее распространенным именем стало «Александр». Много Александров было у Засецких, Зубовых, Брянчаниновых. Также и у Межаковых. После гибели Александра Михайловича Межакова его сын Павел Александрович назвал в память отца Александром своего первенца, и в дальнейшем это имя переходило из поколения в поколение. Александр Павлович Межаков своего первого сына назвал в честь отца Павлом, а второго — Александром. Но смерть внесла свои коррективы, и наследником рода стал снова Александр.

Александр Александрович Межаков — это тот Сашурка, которому писала свои полные материнской заботы письма Юлия Францовна. Он родился 27 апреля 1839 года, после домашнего воспитания обучался в одном из столичных пансионов, а в 1856 году поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. К этому времени относится упоминание о нем Л. Ф. Пантелеева: «Не знаю насколько

теперь в ходу в Вологде разговоры о конституции, но очень хорошо помню, как они впервые завелись. Осенью 1856 года я раз зашел к Сергею Алексеевичу Зубову, у которого на уроках провел предшествующее лето. Сергей Алексеевич, по обыкновению, встретил меня крайне радушно... Но вот к Сергею Алексеевичу приехал сын Межакова (кажется тот, за которым потом осталось Никольское), только что вернувшийся из Москвы... Сергей Алексеевич стал расспрашивать Межакова, а Межаков готов был и ответить, но тут вышла какая-то заминка, я догадался, что мое присутствие стесняет их и распрощался».

Сергей Алексеевич Зубов, о котором говорит Пантелеев, это двоюродный дядя Александра Александровича (сын Дарьи Александровны Межаковой-Зубовой). По словам Пантелеева, он принадлежал «к мелкопоместным, так как его собственная усадьба на Тошне, Жуково, была очень невелика. Ему тогда было около 45 лет, в молодости был в военной службе. Не знаю, где он получил образование, кажется, только домашнее. Но влияние ли братьев правоведов — Павел Алексеевич был прокурором в Вологде, отличный чтец, и Петр Алексеевич, впоследствии сенатор, а может быть и сестры Аделаиды Алексеевны (была замужем за олонеким губернатором Родзянко, овдовевши — начальницей женского института в Киеве, ее беллетристика печаталась в «Отечественных записках»...) — только Сергей Алексеевич отличался из среды знакомых мне помещиков сравнительной интеллигентностью и прогрессивностью, и один из первых в вологодском обществе начал высказываться за скорейшее освобождение крестьян».

По окончании Школы гвардейских подпорщиков и кавалерийских юнкеров Александр Александрович Межаков 30 июня 1858 года был определен прапорщиком в лейб-гвардии Гатчинский полк, но прослужил в нем недолго. Через два года из-за смерти отца ему пришлось выйти в отставку, и он вернулся в Вологду. Там он некоторое время занимал разные должности в губернском правлении, а в 1869 году был выбран предводителем дворянства Кадниковского уезда.

Здесь следует отметить, что в служебном отношении должность уездного предводителя не отличалась от должности губернского предводителя дворянства. Уездный предводитель дворянства не находился в подчинении у губернского предводителя и по делам своего уезда действовал самостоятельно. Обязанности же у уездного предводителя были сложнее, так как ему приходилось зачастую выполнять те функции, которые в губернском центре выполнял губернатор. Уездному предводителю приходилось уделять больше внимания распоряжениям правительственной администрации, а также земским делам. Он должен был председательствовать в земском собрании, заседать в присутствии по крестьянским делам, заниматься воинской повинностью, принимать участие в делах народного образования, председательствовать на съезде мировых посредников, в училищном совете, в ревизской комиссии во время переписей и т. д. При этом должность уездного (как и губернского) предводителя дворянства отправлялась безвозмездно.

Александр Александрович был хорошим организатором, он «обладал умением подбирать способных к работе помощников, твердо держа в своих руках

бразды правления». Это его качество было оценено дворянством Кадниковского уезда, девять трехлетий подряд избирало оно Александра Александровича своим предводителем. Восемь трехлетий подряд избирался он также председателем Кадниковской земской управы.

Земская управа вместе с Земским собранием являлись органами местного самоуправления. На них лежала обязанность заведования всеми делами земского хозяйства: денежными и натуральными повинностями, земским имуществом и капиталами, дорожным хозяйством, земской почтой, земскими лечебными и благотворительными учреждениями, земским страхованием и др. О том, как Александр Александрович справлялся со всеми этими делами, можно узнать из статьи в «Вологодских губернских ведомостях», посвященной 25-летию его пребывания в должности Кадниковского предводителя дворянства: «Унаследовав в качестве Председателя Земского Собрания от прежних учреждений медицинскую часть чуть не на бумаге, народное образование в зародыше, пути сообщения и другие отрасли народного хозяйства в положении крайне незавидном, почтенный юбиляр путем неослабной энергии и труда, а также благодаря безграничному доверию населения, достиг того, что в настоящее время Кадниковское Земство может служить образцом для весьма многих земств. Медицинская часть поставлена прочно; в г. Кадникове прекрасная больница на 50 кроватей с отдельными бараками для заразных больных и земской аптекой, в уезде три меньшие больницы, фельдшерские пункты, запасные фельдшера и ветеринары. Русский человек, так недавно еще бегавший больниц и докторов,

с доверием обращается к помощи последних и количество амбулаторных и коечных больных увеличивается со дня на день.

Народное образование растет, делаясь для крестьянства насущной потребностью; ходатайства об увеличении земских и церковно-приходских школ все прибывают и почти всегда удовлетворяются. Открыто, в виде опыта, несколько бесплатных народных читален.

Дорожная часть, почтовые станции в весьма удовлетворительном состоянии. Земская почта, два раза в неделю доставляющая корреспонденцию по уезду, существует уже более 10 лет и, отличаясь замечательною исправностию, не только не ложится бременем на земский бюджет, но является еще статьей дохода.

Здания управы, уездного съезда, мест заключения, недавно отстроенной, но еще не открытой богадельни на 30 человек — просторны, удобны и красивы».

По случаю юбилея «Управляющим губернией А. П. Лаппа-Старженецким сообщена была Александру Александровичу Межакову депеша Министерства внутренних дел следующего содержания: «Государь Император Всемиловитвейши соизволил на объявление действительному статскому советнику Межакову Высочайшего благоволения за двадцатипятилетние отличные труды его по исполнению обязанности Кадниковского Предводителя Дворянства. Министр внутренних дел Дурново».

«Масса желавших поздравить юбиляра перебивала на его квартире. Кадниковское Земское Собрание поднесло своему Председателю образ Всемиловитвого Спаса в великолепной эмалированной ризе (точная

копия чудотворной иконы, находящейся в Вологодской всеградской Спасо-обыденной церкви), с вырезанными на задней стороне доски фамилиями всех гласных Соборания. Кадниковский Уездный Съезд — икону Св. Благоверного Великого князя Александра Невского (соименного юбиляру)».

Но особенно трогательно поздравили юбиляра земские врачи. Они постановили: «Содержать с этого дня одну бесплатную кровать в Кадниковской земской больнице имени Александра Александровича Межакова впредь до образования необходимого капитала, для которого и обязуемся вносить два процента из получаемого нами содержания».

Следует отметить, что хозяйственные способности Александра Александровича проявились и в управлении собственным имением, которое не только не распродавалось, но и освободилось от долгов. Правда, здесь определенную роль сыграл ряд благоприятных обстоятельств. В первую очередь, это умелые и энергичные действия его мачехи, Марии Александровны, которая распорядилась хозяйством по доверенности Павла Александровича Межакова и сумела в тяжелое для дворян время перехода на новые методы хозяйствования после отмены крепостного права вывести обремененное долгами поместье из кризиса. После кончины Павла Александровича в 1865 году его совершеннолетние наследники — внук Александр Александрович и сын Михаил Павлович, как было сказано выше, доверили ей распорядиться его имуществом, а также опеку над малолетними детьми Александра Павловича — Мануилом и Марией. Долг по имению составлял в это время 16850 р. Чтобы ликвидировать его, пришлось расстаться с частью иму-

щества Павла Александровича, находившегося в его вологодском доме. Сам дом был расположен во 2-й части г. Вологды на Дворянской улице. Деревянный, одноэтажный с двумя прирубленными крыльцами, с мезонином, 10½ аршин высотой. Лицевая сторона его была украшена балконом с 6 колоннами. Обшит досками. Внутри дом оштукатурен, оклеен обоями; в зале 4 колонны, малая и большая гостиные, кабинет. При доме был деревянный флигель, каретник, конюшня, погреб. В доме по описи находились: огромный серебряный столовый сервиз с суповыми мисками, блюдами и вазами, «двой бронзовые часы с колпаками, мраморный бюст, коллекция старинных и иностранных монет, столовые часы без колпака, золотые открытые часы *Gabarel* с такою же цепочкой 96% *Dixon*», очень много посуды, хрустала... (носильное платье покойный распорядился раздать прислуге). Но самую большую ценность представляли одиннадцать картин известных западных мастеров. Чтобы их продать, пришлось просить разрешения у Государя Императора. Имущество, оставшееся после продажи, было поделено полюбовно по раздельному акту между всеми наследниками: Марией Александровной, Мануилом, Марией, Александром Александровичем Межаковыми, статской советницей Ольгой Александровной Данилевской и Михаилом Павловичем Межаковым. Что касается самой вотчины, то Михаилу Павловичу еще 19 марта 1845 года, по случаю его тридцатилетия, отец по дарственной передал село Ершиху, которым он и владел до своей кончины 12 сентября 1879 года. А главная усадьба — село Никольское перешло к прямому наследнику: старшему сыну Александра Павловича, Александру Александровичу Межакову.

После утверждения Александра Александровича в правах наследства и в связи с тем, что он к этому времени имел собственную семью, Мария Александровна решила оставить Никольское. В августе 1868 года она писала Ф. В. Чижову из села Чиркино, что «купила маленькую усадьбу в 15 верстах от Вологды в которой и поселилась на зиму и лето». Она просила своего доброго знакомого, так как «железная дорога у меня почти в поле», похлопотать, чтобы сделали платформу «около Шаповской будки, которая от меня в одной версте». В последующие годы ее главной заботой стало воспитание дочери Марии (1856–1919).

Сохранению вотчины Межаковых способствовали и другие обстоятельства. Получилось так, что уходили из жизни родственники, не имевшие прямых наследников. Так, в 1879 году к Александру Александровичу перешло имение его умершего дяди Михаила Павловича Межакова. В 1885 году скончалась Екатерина Ивановна Брянчанинова, родная сестра жены Павла Александровича Межакова, Ольги Ивановны. Свой капитал 6000 р. она завещала внучатому племяннику Мануилу Александровичу, который в это время служил в Санкт-Петербурге. Но Мануил от наследства отказался и оно, в соответствии с завещанием, перешло к его брату Александру Александровичу. В 1873 году умерла сестра Юлии Францовны, действительная статская советница Елизавета Францовна Лелли (урожденная Тиран). Поскольку у нее детей не было, она свой денежный капитал завещала внучатым племянницам: Марии Межаковой (дочери Александра Александровича) и Вере и Варваре Данилевским (дочерям Ольги Александровны Межаковой-Данилевской).

В 1863 году Александр Александрович Межаков женился на Фаине Александровне Брянчаниновой (р. 30 ноября 1841 г.). В этом браке род Межаковых во второй раз пересекся с родом Брянчаниновых. Фаина Александровна происходила из средней ветви этого рода, выделившейся во второй половине XVIII века. Ее дед Петр Александрович был двоюродным братом Афанасия Матвеевича Брянчанинова. Ее отец Александр Петрович, дослужившийся до чина генерал-майора, дружил с К. Н. Батюшковым, который упоминает о нем в своих письмах, а мать Елена Павловна была из рода Волковых. Брат Фаины Александровны Анатолий Александрович Брянчанинов был писателем. В Вологодской областной библиотеке среди книг, вывезенных из Никольского, есть принадлежащие его перу с дарственными надписями: «Фальшивый аккорд» (1877 г.) — «Дорогой Фанюте от автора» и «Не по торной дорожке» (1905 г.) — «Дорогой сестре Фанни от брата». Кроме этих двух книг, Анатолий Александрович был автором повестей, рассказов, пьес, издал два романа: «В годину лихолетья (1905–1906)» и «В шестидесятых годах (1862–1863)». Большой популярностью пользовались его произве-

*Фаина Александровна
Межакова, урожденная
Брянчанинова*

дения, написанные стихами. Это «Старины и былины Печорского края» и «Русские народные сказки» (выдержавшие при жизни автора несколько изданий и переиздающиеся в настоящее время в периодических журналах), о которых И. С. Тургенев в предисловии к ним написал: «Мысль г. Брянчанинова переложить некоторые из них (сказок) в стихи мы считаем счастливой, тем более, что он исполнил свою задачу с замечательным искусством и тактом, всюду сохраняя тон и колорит оригинала».

Литературной деятельностью занималась и сестра Фаины Александровны Галина. Но в семейных преданиях она больше запомнилась как вторая жена В. М. Родзянко, отца будущего председателя 3-й и 4-й Государственной думы М. В. Родзянко.

В середине 80-х годов Фаина Александровна Межакова писала своей «подруге и соседке в классе» Ольге Платоновне Макаровой: «Я живу постоянно в деревне, муж мой служащий председателем управы часто бывает в Москве». Жизнь в Никольском в это время продолжалась по заведенному ранее порядку — размеренно и спокойно. Судя по описанию, оставленному побывавшим там тогда же автором книги «Вологда в ее старине» Г. К. Лукомским, и дом, и сад, и оранжерея — все находилось в прекрасном состоянии. А. А. Межаков и в своем имении умел подбирать способных людей. Так, садом и оранжереями занимался специально обученный садовник из бывших крепостных Быков, влюбленный в свое дело и вообще в Никольское. Любовь эту он передал детям и внукам. Последние давно покинули родные места, но помнят и вдохновенно рассказывают о их былой красоте.

Также сумел Александр Александрович Межаков найти для работы в Никольской больнице замечательного врача и человека, Надежду Антоновну Бантле, превратившую Никольскую больницу в одну из лучших в губернии.

* * *

Надежда Антоновна Бантле родилась в 1855 году в городе Рогачеве Могилевской губернии в семье мелкопоместного дворянина. По окончании Могилевской женской гимназии она поступила на женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале. По окончании курсов некоторое время работала в одной из провинциальных больниц, а в 1885 году переехала к брату Александру Антоновичу Бантле, служившему в Вологде. Здесь она познакомилась с А. А. Межаковым, и он пригласил ее работать в больнице в его имении, которая из-за отсутствия врача некоторое время была закрыта. Надежда Антоновна приняла больницу 12 августа 1885 года и заведовала ею до 1933 года — 48 лет с перерывом один год, когда в 1887 году она работала врачом в полевом госпитале на русско-турецком фронте в Болгарии. Она была первой женщиной-врачом на участке в Вологодской губернии. Сразу же по приезде в Никольское она договорилась с Александром Александровичем об организации телятника для производства оспенного детрита. В губернии такой телятник был организован только в 1890 году. Также она первая открыла в участковой больнице родильное отделение и одна из первых организовала детские ясли. Она принимала деятельное участие в просвещении крестьян; по ее инициативе в 1906 году в Никольском была организована маслобой-

ная артель на кооперативных началах; в 1919–1920 годах она, не оставляя работы в больнице, заведовала местным отделом народного образования.

В 1928 году 1 октября постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов ее деятельность была отмечена присвоением ей звания Героя Труда, а Никольской больнице присвоено ее имя.

Она проработала в Никольском до 1933 года. В этом году ей исполнилось 78 лет и она уехала к родным в Минск, где умерла в 1935 году.

В 1934 году в Никольское было сообщено, что Н. А. Бантле состояла в партии эсеров, и что больница не должна носить ее имя. Сельские власти приказали убрать ее портрет, который висел в приемном покое, и его забросили за лестницу, а потом он пропал. Но благодарная память о ней сохраняется в селе по сей день. Владимир Михайлович Трошичев, много делавший для сохранения исторической памяти в селе, рассказывал: «Она меня принимала. Какая она была эсерка, она всю жизнь прожила и проработала в Никольском». Теперь сельчане хотят вернуть больнице ее имя, но их не слишком энергичные действия остаются пока безрезультатными. А портрет ее они разыскали.

Надежда Антоновна была замужем за Субботиным, но они, по-видимому, разошлись. Она была очень близким человеком в семье Межаковых, дружила с женой Александра Александровича и в последние годы ее жизни оказалась ее единственной поддержкой.

* * *

С конца 70-х годов жизнь в Никольском снова расцвела и переживала, можно сказать, литературный ре-

нессанс. Здесь часто бывал Анатолий Александрович Брянчанинов, навещавший своих дочерей от первого брака — Марию (р. в 1867 г.) и Веру (р. в 1868 г.), опекуншей и воспитательницей которых была Фаина Александровна Межакова. Здесь часто гостила ее сестра — литературная дама Галина Александровна Родзянко. Здесь начинала свои литературные опыты будущая наследница рода. Сюда часто наезжало многочисленное семейство Зубовых, отличавшихся литературными, театральными и музыкальными талантами. Наконец, здесь неоднократно гостило семейство Николая Яковлевича Данилевского, ставшего уже знаменитым благодаря своей книге «Россия и Европа», а с ним в Никольское залетал дух выдающихся литераторов и философов — его друзей или оппонентов.

* * *

После кончины Александра Павловича Межакова Н. Я. Данилевский не забыл Никольское. В конце 1858 года он был назначен начальником экспедиции по исследованию рыболовства в Белом и Ледовитом морях. Когда зимою 1860 года экспедиция началась, Николай Яковлевич заехал в Никольское и сделал предложение дочери покойного друга, Ольге Александровне Межаковой (р. в 1837 г.). Их свадьба состоялась 15 октября 1861 года. Благодаря этой свадьбе Вологда и Никольское попали в биографию одного из замечательнейших людей, принадлежавших, по словам Н. Н. Стрехова, «к числу тех, кого можно назвать солью земли русской, к тем неизвестным праведникам, которыми спасается наше отечество». А что касается Ольги Александровны, то если, по словам философа, «главное в жизни — это общение между

людьми», ей благодаря браку с Николаем Яковлевичем выпало на долю прожить жизнь счастливую и оставить свой след на страницах писем его великих современников.

Экспедиция на Белое море и Ледовитый океан продолжалась три года. По ее итогам Н. Я. Данилевский получил 500 р. награды. Но мало кто знает, что во время экспедиции Николай Яковлевич провел также работу на Кубенском озере, чтобы закончить труд своего покойного друга. Отчет об исследовании на Кубенском озере был напечатан в журнале Министерства Государственных имуществ за 1860 год отдельно от общего отчета экспедиции. Стоит повторить некоторые его положения, поскольку для вологодского краеведения они представляют интерес по сегодняшний день. Отчет состоит из нескольких разделов. Первый называется «Очерк естественных условий, в которых находится Кубенское озеро». Здесь Данилевский особое внимание уделяет весенним разливам, которые существенно влияют на формирование прибрежной линии и хозяйственную жизнь на северном и южном берегах. Второй раздел: «Породы живущих в озере рыб», где он в особенности выделяет рыб, имеющих торговую ценность. Это «окунь, ерш, лещ, язь, сорога, щука, нельма, самец которой называется здесь сигом. Я не успел еще сравнить этой рыбы с нельмою, ловимою в Двине, и потому не могу решительно сказать о степени тождественности этих двух пород. Нельмушка, небольшая рыба из сигового же рода, которая, сколько мне известно, доселе еще нигде не была находима в России, кроме Кубенского озера... Должен упомянуть еще о стерляди, появившейся в самом недавнем времени, именно лет 5 лишь

тому назад и следовательно гораздо позже, чем в реках северо-двинской системы. По словам здешних рыбаков, стерлядь зашла сюда из Сухоны, а появление ее в озере было дело случая, именно следующего: лодка или правильное плавучий садок, на котором доставляли живых стерлядей из Двины в Петербург, проходя по озеру, разбился на нем во время бури. В таком садке везли, конечно, одних взрослых, крупных стерлядей; но со времени этого случая доводилось, сказывают рыбаки, ловить и маленьких, — так что драгоценная рыба эта, стало быть, размножается в озере... Монахи Кирилло-Белозерского монастыря рассказывают, что лет двести тому назад один из архимандритов пересадил в Северское озеро из Белозера снетков, стерлядей и судаков. Стерляди, однако, и тут не принялись, равно как и судаки; снетки же и до сих пор ловятся в нем в изобилии. Покойный член Географического Общества А. П. Межаков, занимавшийся в течение многих лет наблюдениями над рыбами и рыболовством в Новгородской и Вологодской губерниях, и из записок которого я почерпнул это последнее сведение, прибавляет, что по открытии канала герцога Александра Виртембергского снетки распространились и в соседних озерах, но остались только в удобных для них водах, как, например, в озере Зауломском, и дошли даже до Кубенского, где показываются иногда как редкость».

Очень интересен также раздел «Порядок рыболовства и способы его производства», в котором Николай Яковлевич описал все возможные способы ловли рыбы на Кубенском озере, но главное внимание уделил «губительному лову мальков» с помощью мутника и кошки, при котором за один раз достают

до пуда мальков разных пород рыб. «Этих мальков сушат в особливых печах... От способа приготовления эти мальки известны здесь под именем суща. Этот суц, размоченный в квасу, а также и в щах, составляет главную пищу здешних жителей во время постов, и потому развозится по всем ярмаркам и торгам Кадниковского, Вологодского и Грязовецкого уездов».

Он производит специальный расчет и пишет: «На основании этих данных оказывается, что ежегодно вылавливается из Кубенского озера гораздо более тысячи миллионов рыбных мальков».

Последний раздел отчета называется «Меры к правильному устройству Кубенского и вообще озерного рыболовства», предложения из него вошли в разработанное им позже законодательство по использованию рыбных ресурсов страны.

Многолетние экспедиции по исследованию рыболовства на Крайнем Севере и Юге страны следовали одна за другой. Н. Н. Страхов насчитывает их девять. Поразительно, что во время этих практических занятий, требующих большого внимания и отдачи всей энергии, ум Данилевского не прекращал интенсивной работы в самых разных направлениях, что в более свободное время реализовывалось в его литературных произведениях. Страхов различает «три главных отдела» его неофициальной литературной деятельности: «1) естественно-научный, в котором важнейшее место занимает книга «Дарвинизм»; 2) политико-экономический, представителем которого может быть книга «О низком курсе наших денег», и, наконец, 3) исторический или политический, в котором главное произведение — «Россия и Европа».

«Россия и Европа» начала печататься главами в 1869 году, а в 1871 году вышла отдельной книгой. Одним из первых, кто на нее отозвался еще до публикации, был Ф. М. Достоевский, а 30 марта 1869 года он писал Н. Н. Страхову: «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится все более важною и капитальною. Да, ведь это — будущая настольная книга всех русских надолго». Их знакомство возобновилось в конце зимы 1872 года и продолжалось до смерти Достоевского. По выходе «России и Европы» из печати в полемику по ее поводу включились ведущие мыслители второй половины XIX века не только России, но и на Западе. Продолжается она и по сей день; даже именно сегодня основные положения этого труда Данилевского оказались наиболее актуальными.

Его второй капитальный труд, два тома «Дарвинизма», вышли в свет в 1885 году. В предисловии автор писал, что он познакомился с учением Дарвина в Норвегии, во время экспедиции на Белое море, более 20 лет назад, «и с тех пор мысль о нем меня уже не покидала». В результате этой 20-летней работы мысли он пришел к следующему выводу: «Я принадлежу к числу самых решительных противников дарвинова учения, считая его вполне ложным».

Можно себе представить, какую бурную реакцию вызвал этот труд в то время, когда мир захлебывался от восторга по поводу теории эволюции Дарвина. Но уже в ближайшее время, когда произошли открытия в области изменчивости и наследственности, ставившие под сомнение теорию Дарвина, когда опыты генетиков привели к полному отрицанию наследования случайно приобретенных признаков и все большее число ученых склонялось к подчеркиванию

именно внутренних факторов эволюции, отношение к труду Данилевского менялось. Уже в 20-е годы крупный ученый, создатель теории номогенеза Л. С. Берг писал: «Труд Данилевского — результат обширной эрудиции автора... В нем заключена масса дельных соображений, к которым независимо впоследствии пришли на Западе».

Оба эти труда Н. И. Данилевского и вообще вся его личность оказались полностью несовместимыми с идеологией, пришедшей после 1917 года. «Реакционер», «шовинист» — клейма, которые на долгие годы вырвали его труды из научного оборота. Тем больший интерес к ним проявляется в наши дни, и тем более они важны для возвращения нашего самосознания. Этим объясняется появление в последнее время большого числа публикаций, посвященных трудам Данилевского. Среди них особо выделяется статья профессора А. А. Галактионова «Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского в книге «Россия и Европа», помещенная как предисловие к ее шестому изданию (СПб., 1995).

Большое внимание привлекает и личность Данилевского. А здесь мы располагаем, в основном, только кратким предисловием «О жизни и трудах Н. Я. Данилевского», написанным его другом и единомышленником Николаем Николаевичем Страховым к третьему изданию «России и Европы».

О своем знакомстве с Н. Я. Данилевским Н. Н. Страхов рассказывает так: в 1868 году прибыл Николай Яковлевич в Петербург. «На этот раз ему пришлось провести в Петербурге больше времени, чем когда-нибудь во время его службы. Вскоре после его приезда

мне досталась счастливая доля с ним познакомиться». Примерно на год раньше «нечаянно представился ему случай купить на Южном Берегу Мшатку, большое запущенное имение гр. Кушелева-Безбородко, продававшееся очень дешево. Тут был огромный сад, когда-то старательно возделанный, был виноградник, были развалины барского дома, сожженного французами в Крымскую войну, и был маленький дом для управляющего. Данилевские для покупки собрали все свои деньги, и с 1 июня 1867 года семья их уже жила в Мшатке... В 1869 году, в сентябре, семья Николая Яковлевича вместе с ним покинула Петербург и поселилась в Мшатке. Они взяли меня с собою, и тут я в первый раз испытал очарование Южного Берега». Однако пока не обжились в Мшатке, в отсутствие Николая Яковлевича семья перебиралась на родину Ольги Александровны в Никольское. Например, во время экспедиции 1870–1871 годов «по исследованию рыболовства в северо-западных озерах России» семья Николая Яковлевича почти полтора года прожила в Никольском.

Дополнением к предисловию Н. Н. Страхова для характеристики Данилевского могли бы послужить архивные материалы. Однако архив самого Николая Яковлевича был уничтожен. Поэтому важное значение имеют сохранившиеся письма в архивах его корреспондентов. Выше говорилось о нескольких письмах, сохранившихся в архиве Межаковых. Они относятся к начальному периоду его общественной жизни. Страхов говорит, что у него была также активная переписка с Ольгой Александровной Межаковой в период до их свадьбы. Но эти письма погибли вместе с их архивом. Очень интересны письма Страхова

Данилевскому, опубликованные в 1901 году в журнале «Русский Вестник», и его же переписка с Л. Н. Толстым, в которой упоминается Данилевский. Недавно также обнаружено небольшое число писем Николая Яковлевича в архивах его друзей. Оставив полный обзор этих писем до другого случая, остановимся на нескольких выдержках из переписки Н. Н. Страхова и Л. Н. Толстого.

Упоминания в ней о Данилевском появляются с 1872 года. Так, 4 декабря 1872 года Страхов пишет из Мшатки: «Конечно, бесценный Лев Николаевич, я должен быть доволен тем состоянием души, в которое пришел, поселившись здесь: жизнь так складывается, что нельзя ни работать, ни скучать, — полный отдых. Мы встаем перед восходом солнца, то есть в начале восьмого, и сходимся пить чай и кофе. В 9 часов все готовы. Данилевский с невообразимой страстью принимается садить, копать, обрезать; жена распоряжается по хозяйству, которое все в ее руках, а потом учит старшую дочь. Я иду гулять, непременно гулять, потому что до сих пор еще не сыт видом моря, гор и южного неба. Право, сегодня первый день, когда я не без труда удержался от этого удовольствия. Дубы и орехи уже облетели, но трава зелена, цветут розы, пеларгонии, и кроме лавров, кипарисов и миндалей, есть много других вечнозеленых деревьев и кустарников; температура, когда я приехал, была 12–15 Реомюра; теперь 10–12. Беру с собой книгу, но читаю очень немного. Это — самое быстрое время дня. В 1-м часу собираемся обедать и сидим вместе часов до двух. Затем новые прогулки вплоть до сумерек и даже до луны. Вместе со свечами подается чай и ужин, а затем приходит самое длинное время дня.

Тут я ухожу к себе и даю часа полтора или два урок крестьянскому мальчику Алеше, 16-ти лет, удивительно красивому и способному. Его привезли из Вологды и хотели сделать из него живописца, потому что и теперь уже он мастерски рисует. Потом мы трое, я, Данилевский и его жена, сидим и чаще всего молча читаем — я романы «Русского Вестника» или сказки Гоффмана, Ольга Александровна тоже что-нибудь в этом роде, а Николай Яковлевич — книги по садоводству. Иногда поднимается бесконечный спор — об атомах, о жителях планет, о началах нравственности. День проходит удивительно скоро; в 11 часов расходимся спать. Между тем кажется, что я здесь уж Бог знает как давно, и что 5 ноября, когда я выехал из Петербурга, было чуть ли не год тому назад».

А 21 марта 1875 года Страхов сообщал о впечатлении от романа «Анна Каренина»: «Теперь перехожу к Вашему роману. Волнение не уменьшается; сначала я думал, что второй выпуск имеет меньший успех, но теперь думаю, что даже больший. Толки такие разнообразные, что всего не перескажешь. Упрекают Вас в цинизме, за осмотр Китти, за сцену падения; но те кто поумнее (например Н. Я. Данилевский), приходят в восторг (настоящий восторг) от Вашей целомудренности: выпущены все подробности соблазна и рассказ начинается с той минуты, когда уже чувствуется стыд и раскаяние».

Лев Николаевич отвечал 30 марта 1875 года: «Я думал, что это мое только мнение и не поверите как радостно узнать, что есть люди как Данилевский, понимающие чистоту».

И далее, Страхов 16 января 1877 года: «Что касается до Анны Карениной, то должен сообщить Вам,

Лев Николаевич Толстой

что здесь — общий восторг... Николай Яковлевич Данилевский расплакался, читая — и потом взял назад свои порицания, любитесь фигурю Алексея Александровича и говорит, что детей Вы изображаете лучше Диккенса».

19 марта 1885 года Лев Николаевич Толстой посетил Мшатку и познакомился, наконец,

с Данилевским. 31 марта он писал Страхову: «Я все это время о вас думал. Во-первых, был в Крыму и поехал к Данилевскому. Он очень мне полюбился и его жена. Разумеется, о вас много говорили». Страхов отвечал 12 апреля 1885 года: «Прежде всего, напишу Вам, бесценный Лев Николаевич, что мне пишет об Вас Николай Яковлевич Данилевский — «Он сам — еще лучшее произведение, чем его художественные произведения. Вот какое впечатление произвел он на меня и на Ольгу Александровну. В нем такая задушевная искренность, которой и вообразить себе нельзя. Он просидел у нас вечер, переночевал и до 1 часу на другой день остался, потому что на следующий должен был ехать (нрзб) ходок он удивительный. Я слышал, что будто он дурен собой — ничего этого я не нашел — превосходное дышащее простотой, искренностью и добродушием лицо. Одним словом понравился он мне очень, так понравился, как с первого взгляда и менее чем однодневного знакомства едва ли кто нравился. Я обещал, если (нрзб) к нему заехать и непременно исполню».

Лев Николаевич отвечал Страхову: «Вы знали, чем меня порадовать — хорошим отзывом Данилевского».

7 ноября 1885 года Н. Я. Данилевского не стало. «Очень мне грустно было узнать о смерти Данилевского, я рад все-таки, что мы полюбили друг друга... Передайте мой душевный привет Ольге Александровне. Я очень мало знал Николая Яковлевича, но очень хорошо полюбил его» — писал Лев Николаевич.

И Страхов ему 13 июня 1886 года: «Уже больше трех недель живу здесь, бесценный Лев Николаевич, и давно пора писать к Вам... Все время здесь я был за работою. Я разбирал рукописи, письма, книги Николая Яковлевича. Нужно было определить, что можно напечатать из его неоконченных трудов, а кроме того мне хотелось собрать сведения о его жизни и получить точное понятие о его радостях и горестях, об усилиях и препятствиях в трудах и пр. Когда я приехал, все лежало на своем месте; Ольга Александровна до меня не позволяла передвинуть ни одной книги, ни одного листочка бумаги — ей было больно, если кто-нибудь дотрагивался до вещей Н. Я. Казалось он только уехал из дому и завтра должен вернуться. И на меня нашло то же чувство; по расположению ко мне, О. А. уверяла, что ей казалось — сам Н. Я. совершенно доверил бы мне одному это дело; но мне было жутко, да и до сих пор жутко разбирать его бумаги и книги. Утром я работал в его кабинете, подле которого живу (в той комнате, где Вы спали), а вечером мы навещали могилу и без конца разговаривали о покойном. Опять — и эти разговоры были первые разговоры О. А. Шесть или семь меся-

цев она ни с кем не могла говорить об этом, и стала говорить со мной, веря что я любил его не больше, но лучше других. Это мне было очень отрадно, что я пригодился к чему-нибудь на свете.

Узнал я много удивительного. Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная. И смерть была прекрасная: думали, что он заснул. А последние слова его были: «испортят они нашу Гокчу!» Гокча — озеро, в котором он исследовал рыболовство; он по долгому опыту боялся, что правила, которые он составил, будут нарушаться и лов станет уменьшаться. Но самое важное, что я узнал, — его настроение перед смертью. Вы были свидетелем припадка, который потом повторялся чаще и чаще, наконец, в сентябре — почти каждый день. «Как будто грудь разрывается», говорил он, когда хотел дать понятие о припадках. Боль вероятно была большая, хотя он никогда не жаловался и только крупный пот иногда выступал у него на лице. Но в дни припадков часто случалось, что в спокойном состоянии глаза его принимали выражение, которое поражало всех. «Необыкновенная кротость», говорила О. А.; «ангельское небесное выражение», говорила гувернантка, — и они обе не находили слов, чтобы выразить то, что было тогда на лице и особенно в глазах Н. Я. О. А. говорила ему об этом и даже спрашивала, что это значит. Она говорит также, что он, верно, много думал о смерти, потому что иногда, ночью, не рассказывал ей своих мыслей так откровенно, как всегда. Слушая эти воспоминания, я невольно сближал их с Вашим рассказом о смерти Ивана Ильича, о котором много думал еще в Петербурге. Тайны смерти — чудесные, высокие тайны!

...В гореваньи О. А. много очень трогательного. Она одарена большою чувствительностию и чуткостью, всею душою ищет прямого пути, вечно собою недовольна и вечно думает и заботится о других...

Написать поклон Льву Николаевичу? спросил я О. А. — «Какой поклон! — ответила она: разве поклонение, а не поклон!» Здесь об Вас часто, часто вспоминают, и с тем чувством, которое Вы так неизменно возбуждаете».

Почти через два года, 25 апреля 1887 года, Страхов писал Л. Н. Толстому из Петербурга: «Вчера только получил я письмо от Ольги Александровны Данилевской, где она рассказывает, как была у Вас в Москве, с большою радостью и любовью к Вам и к Графине. Как все это хорошо! Глубоко трогает меня эта женщина. Ведь она до сих пор ежеминутно сдерживает свое отчаяние и, как я знаю по здешнему ее житью, спать настоящим образом не может. Зовет меня в Крым, между прочим заманивая и тем, что расскажет разговоры, какие были в Москве. Про Вас она пишет, что не любить Вас невозможно».

И в одном из последних (из опубликованных) писем от 24 апреля 1890 года из Петербурга Страхов сообщал: «Часто выдаюсь с Ольгой Александровной. Она замучена детьми и братом. Но и терпелива и светла». Дети Данилевского в это время обучались в разных учебных заведениях Санкт-Петербурга, а брат — это Мануил Межаков, или Манечка, как называл его в своих письмах Страхов. Мануил Александрович в это время был тяжело болен, вскоре он скончался.

В последние годы жизни Н. Н. Стрехова Данилевские почти заменили семью этому одинокому человеку. Студенты — сыновья Николая Яковлевича

жили вместе с ним, снимая половину его квартиры. При них Николай Николаевич и скончался в 1896 году.

В 1903 году племянница Николая Яковлевича Данилевского Мария Александровна Межакова опубликовала один из лучших своих рассказов «Под пеплом», посвященный памяти дяди. Рассказ ведется как воспоминание верного слуги Николая Яковлевича — Егора (о нем тоже имеются упоминания в переписке), вернувшегося после смерти «доброего барина» на родину: «В душе Егора ярче обыкновенного вспыхивали воспоминания и образы, прикрытые золой и пеплом сгоревшей жизни. Он переносился мыслями туда, в другую, новую усадьбу Николая Яковлевича на южном побережье Крыма, где теперь покоится прах барина и живут его дети. Небольшой белый домик почти сплошь скрыт зеленью вьющихся растений; чудный сад уступами сходит к самому морю; солнце нежит и греет, в воздухе разлит тонкий запах цветов. Картины прошлого с особенной силой встают перед глазами Егора: вот по аллее идет бодрый и веселый, как всегда, Николай Яковлевич, ступая мелкими, быстрыми шагами, от которых колышется вся его тучная фигура. Он обмахивается соломенной шляпой и, совершенно забыв, что с ним только Егор, горячо рассуждает о своей любимой науке».

Ольга Александровна Данилевская, урожденная Межакова, умерла в 1910 году и похоронена рядом с мужем в Мшатке.

* * *

В уездном городе Кадникове в период, когда предводителем дворянства был А. А. Межаков, культурная жизнь также была ключом. Вдохновителями и ор-

ганизаторами ее были Зубовы, троюродные братья Александра Александровича: Михаил Михайлович — оперный певец и композитор, Юлий Михайлович — земский служащий, актер-любитель, музыкант, создатель театра в Кадникове, и его дети (подробнее о них см. Н. В. Лукина «Зубовы и Пушкин»). В литературных и музыкальных мероприятиях принимали участие и Межаковы. Так, одна из дочерей Юлия Михайловича Зубова Мария Юльевна писала в мемуарах, что на музыкальных вечерах, проходивших в их доме каждую субботу, исполнялись трио и квартеты. При этом Михаил Михайлович Зубов играл на виолончели, Александр Семенович Брянчанинов (будущий Самарский губернатор, в 1873–1887 годах служивший в Вологде) был первой скрипкой, также участвовали член суда Александр Антонович Бантле и служащий в акцизе Вознесенский, а «аккомпанировала на рояле Фаина Александровна Межакова — наша родственница, жена Кадниковского предводителя дворянства, а также наша мама».

В доме Межаковых также устраивались литературно-музыкальные собрания. А когда подросли дети — своя Мария, Мария и Вера Брянчаниновы и дети других родственников, которых всегда было много в доме Межаковых, — для них стали устраивать домашние спектакли, повторяя, таким образом, «преимущественно литературное воспитание» предыдущих поколений.

У Александра Александровича и Фаины Александровны Межаковых родились две дочери, Мария и Юлия. Юлия умерла в младенчестве, наследницей рода осталась одна Мария.

Мария Александровна Межакова родилась 3 июня 1867 года. Восприемниками были ее дядя по отцу,

Мануил Александрович Межаков, и тетя по матери, Галина Александровна Брянчанинова. Родители очень серьезно относились к воспитанию единственной дочери. Ее гувернантку Китти они выписали из Англии. А в 15 лет отвезли ее в Санкт-Петербург, где она окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы. От этого времени сохранилась ее фотография вместе с любимой подругой и четвероюродной сестрой Елизаветой Юльевной Недович, урожденной Зубовой. Мария Александровна на фотографии тоненькая, нежная, с глазами ундины. Она в совершенстве владела французским, английским и итальянским языками. Вернувшись по окончании курсов в Никольское, она до замужества учительствовала там в школе, а в 90-х годах начала публиковать свои рассказы и повести. В 1901–1916 годах она много печаталась в периодических изданиях тех губерний, где проживала вместе с мужем, или в которые ее рекомендовал ее дядя, Анатолий Александрович Брянчанинов. Например, в нижегородской газете «Волгарь» напечатаны ее рассказы «Три встречи», «На почтовой станции», «Утопленница», «Судьба» и др.; в харьковской газете «Южный край» — рассказы «Заяц», «Из жизни», «С натуры», «Доля», «Под окном» и др.; по несколько рассказов напечатано также в «Тульских губернских ведомостях», «Воронежском слове», «Тамбовском голосе» и др. Встречаются ее рассказы и в столичных журналах, например: в «Русской мысли» — рассказы «На новую жизнь» и «Во тьме»; в «Новом слове» — «У купели Силоамской»; в «Вестнике Европы» — «На родине». Занималась она и переводами с английского и французского. Так, она первой перевела повесть Джерома К. Джерома «Искушение мисс Рамстотем». Издала также два сборника поучительных

рассказов-бесед для детей: в 1911 году «Год в деревне» и в 1914 году «В городе». Несмотря на то, что она с детства была напитана английским романтизмом и очень любила, например, романы Вальтера Скотта, сюжеты ее повестей и рассказов почти всегда списаны с натуры или передают ее непосредственные впечатления. В отношении к их героям чувствуется влияние А. П. Чехова, ее любимого русского писателя. Рассказы о крестьянской жизни, жизни сельской и провинциальной интеллигенции — учителей, врачей — исполнены сочувствием к бедноте и обездоленным. Если собрать все ее напечатанные повести и рассказы в отдельные книги, то получилось бы несколько томов. Поэтому в свое время ее знали как писательницу, и ее имя попало в некоторые литературные словари, в том числе и в издающийся ныне «Биографический словарь Русские писатели 1801–1917 гг.». Но на родине, в Никольском и в Вологде, ее не помнят. Хотя до конца ее жизни Никольское оставалось для нее самым дорогим и ярким воспоминанием.

Люди, знавшие Марию Александровну, отмечали ее необыкновенные трудолюбие и трудоспособность, а также развитое чувство долга. Этими качествами она отличалась с детства. «Усердной и внимательной ученице М. А. Межаковой на память от учителя Марта 28 дня 1882 г. Вологда» — написал ей на прощание на томике Стихотворений А. К. Толстого учитель вологодской гимназии В. Тузов. Несмотря на то, что она была дочерью обеспеченных родителей и сама владела кое-каким капиталом, завещанным ей родственниками, занимаясь литературным трудом, она всегда старалась, чтобы ее расходы не превышали заработанных ею денег.

В ее личной жизни чувство долга тоже сыграло важную роль. После кончины Мануила Александровича Межакова она оказалась единственной наследницей фамилии, ответственной за ее продолжение. Поэтому ей не пришлось дожидаться своего суженного. Замуж она вышла за того, кого ей предложили родители. Им оказался сын участника войны 1812 года, отличившегося в сражениях и отмеченного рядом наград, потомственный дворянин Сергей Павлович Каютов. Он устраивал родителей Марии Александровны, в частности, и потому, что в своей семье был младшим сыном, следовательно, не наследовал ни вотчины, ни герба. В Формулярном списке, составленном им к моменту свадьбы, значилось: родился он в 1862 году, окончил юридический факультет Московского университета и в 1886 году был направлен в Вологодскую губернию, в Богородицкое уездное отделение попечительного о тюрьмах Комитета с жалованьем 2200 руб. Свадьба Марии Александровны и Сергея Павловича состоялась 2 июня 1889 года в Вологде в Николаевской Сенноплощадской церкви.

В 1890 году, после смерти Мануила Александровича, отец Марии Александровны А. А. Межаков обратился (28 ноября 1890 г.) к Государю Императору с покорнейшей просьбой о передаче герба и фамилии Межаковых ее мужу и, соответственно, старшему сыну. В числе документов, представленных вместе с просьбой, был и Формулярный список Александра Александровича Межакова. На это время он — действительный статский советник; Кадниковский уездный предводитель дворянства; председательствующий директор общества попечителей о тюрьмах; председатель местных присутствий по крестьянским делам и по воинской

повинности; почетный мировой судья; председатель Кадниковской уездной земской управы. Кавалер орденов: Св. Станислава I и II степени, Св. Станислава II степени с императорской короной, Св. Анны II степени, Св. Владимира 4 и 3 степени. Жалованья получает только по должности Председателя земской управы 3000 руб.; по прочим же должностям не получает. Ему 51 год и так как «к этому времени кроме него не осталось ни одного лица мужеского пола из фамилии Межаковых, он оказывается последним в своем роде».

«В виду древнего существования фамилии и доблестных военных заслуг родоначальников», просьба А. А. Межакова была удовлетворена: «Его Императорское Величество воспоследствовавшее мнение в Департаменте Гражданских и Духовных Дел Государственного Совета по делу о дозволении действительному статскому советнику Александру Межакову передать свою фамилию мужу дочери его, дворянину Сергею Каютову, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» — 24 декабря 1891 года.

В соответствии с этим повелением, Сергей Павлович Межаков-Каютов и его старший сын после кончины А. А. Межакова получают право наследовать герб Межаковых и заносятся в 6-ю часть Дворянской Родословной книги.

Несмотря на тяжелую болезнь, которая мучила Александра Александровича в последние годы его жизни, он почти до самой смерти продолжал добросовестно выполнять свои обязанности как уездного предводителя дворянства, так и председателя земской управы.

«Редеют с каждым годом ряды старинных вологодских дворян». Александр Александрович Межаков

скончался 22 августа 1897 года в своем имении селе Никольском. Кончине его был посвящен обширный некролог в «Вологодских губернских ведомостях»: «Громадную услугу оказал покойный дворянству своего уезда и самому государству... и всегда при всех многотрудных обстоятельствах высоко держа знамя старинных дворянских традиций. ...Стараясь всегда жить в ладах с высшей администрацией губернии и во всяком благом деле идя с ней рука об руку, покойный А. А. Межаков достиг того, что поставил земское дело в своем уезде со всеми его всесторонними отраслями на такую твердую почву и привел его в такое блестящее состояние, что жителям остальных уездов приходилось завидовать жителям Кадниковского уезда, пользовавшимся и прекрасными путями сообщения и образцово устроенною земскою почтою и обширную умело и хорошо организованною медицинскую помощь с прекрасною больницею в самом городе Кадникове. ...Мир праху твоему, честный, энергичный труженик, высоко полезный общественный и земский деятель, с честью выполнивший долг члена славной русской дворянской семьи!»

Мария Александровна с мужем Сергеем Павловичем продолжали жить в Никольском, в Кадникове, в Вологде. В 1890 году у них родилась дочь Наталья, в 1892 году 5 ноября — сын, которого, как будущего наследника рода, естественно, назвали Александром. Затем в 1894 году родился Алексей и в 1899 году 22 марта — Павел. И тут брак дал трещину. После рождения Павла Мария Александровна тяжело заболела. Так как Н. А. Бантле в это время отсутствовала, на помощь прибыл молодой доктор Павел Петрович Шафранов. Это была первая и единственная лю-

бовь Марии Александровны. Последовал развод, которому Фаина Александровна не препятствовала, а затем свадьба. А как же ее чувство долга? Не стоит забывать, какое это было время и, в частности, впечатление, какое произвела на общество Анна Каренина. И может быть свой долг Мария Александровна видела в том, чтобы быть с любимым мужем, а не с нелюбимым!

*Мария Александровна
Межакова*

Сергей Павлович Межаков-Каютов больше не женился. Он постепенно становился все более крупным чиновником. В 1900 году он был назначен неперменным членом губернского присутствия, в 1906 году исполнял должность Вологодского вице-губернатора, а в 1907 году временно управлял Вологодской губернией, одновременно работал в различных комитетах и комиссиях, с 29 июня 1909 года был членом Государственного Совета от Вологодской губернии. С 1909 по 1911 год он был вице-губернатором Минской губернии и одно время замещал должность губернатора. В разное время ему были пожалованы ордена до Св. Владимира 4 степени и ряд медалей.

Б. В. Бессонов упоминает о нем в своей книге «Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь» (СПб., 1909). «С пароходом приехал и Сергей Павлович Межаков-Каютов, который из Усть-Кулома на лошадях проехал в Троицко-Печорское, далее на лодке

в Щугор, и проревизовав по дороге все волостные правления, дожидаясь там шедшего снизу Печоры за нами парохода, но так и не дождался и отправился на лодке. Только в 30 верстах до Троицко-Печорского пароход обогнал его и ему удалось сесть на него после 500 верстного путешествия на лодке. Отсюда он должен был на лошадях направиться в Усть-Сысьольск. Он привез с собою массу рассказов о Печорском крае и его жителях, результат наблюдений, которые успевал сделать в короткие промежутки между ревизиями. Общее впечатление, полученное им из всей поездки, приятное и от населения, и от природы. По его рассказам, население по всей Печоре — староверы поморского толка, православных почти нет. ... Что особенно поразило С. П. Межакова-Каютова — это отсутствие в волостных судах дел о кражах и объяснение этого, полученное им от жителей: краж оказывается нет оттого, что благодаря малому количеству жителей они так хорошо знают друг друга, что каждому известны даже вещи всех других, и если бы кто-нибудь украл какую вещь, он не мог бы никаким образом ею воспользоваться без того, чтобы факт кражи не стал сейчас же всем известным. ... О природе Печоры С. П. Межаков-Каютов тоже порассказал нам кое-что: он уже взглянул на голубые силуэты Урала с его снегами и дразнил своими рассказами наше стремление поскорее увидеть их самим».

По большинству дошедших до нас мнений Сергей Павлович как человек характер имел довольно мягкий, а к служебным обязанностям относился очень серьезно. В бытность его в Минске его старший сын Александр учился в Петербургском университете. 21 октября 1911 года Сергей Павлович писал сыну: «Не удивляйся дорогой Сашок на мои каракули. Пишу тебе в (нрзб)

по дороге в Мозырь, куда прибуду на один день, чтобы несколько отдохнуть и привести свои нервы в порядок после событий последних дней. Вообще за это время, что пришлось исправлять должность губернатора, на мою долю выпал ряд крупных неприятных дел. Закончилась эта серия серьезными беспорядками в Борисовской тюрьме. Пришлось выходить на место и водворять порядок оружием. Причем со стороны полиции был убит помощник (нрзб) Ромашев, а со стороны арестантов двое убито и пять ранено. Вероятно, ты об этом читал в газетах, об этих событиях была большая агентская телеграмма. Ты понимаешь, как это тяжело отразилось на моем душевном состоянии и что этот инцидент стоил мне (нрзб), как усиленно билось сердце, как оно готово было вырваться. Вчера послал тебе все просимые тобою деньги и на тужурку и на сапоги с калошами и на прочее. Очень рад, что ты поговорил с дядей Андрюшей, дай Бог, чтобы этот разговор пошел на пользу, и ты бы иначе взглянул на жизнь. Еще рад, что ты хочешь найти себе урок (нрзб) жить на свои заработанные деньги. Помоги тебе Господь в этих начинаниях (нрзб). Учись и работай спокойно. С. М-К.»

Вероятно, С. П. Межаков-Каютов в своей служебной карьере мог бы пойти еще дальше, если бы она не оборвалась в 49 лет. История с беспорядками в Борисовской тюрьме имела большой резонанс в прессе. Он сильно переживал из-за этой истории, так сильно, что не выдержало сердце и 21 ноября 1911 года, то есть спустя месяц после письма, он скончался.

Второй муж Марии Александровны Межаковой Павел Петрович Шафранов родился в 1870 году в семье потомственных священнослужителей. Ему тоже предназначалось наследовать профессию отца, но он

Павел Петрович Шафранов

предпочел стать врачом, а именно психиатром. По окончании в 1896 году медицинского факультета Московского университета он был направлен в Вологодскую губернию и в 1897–1899 годах работал ординатором в Кувшиновской лечебнице для душевно-больных, а затем в 1899–1902 годах — земским врачом в селе Устье Кадниковского уезда. 21 февраля 1900 года С. П. Зубова писала в письме родственнице: «Сегодня был у нас Шафранов, долго сидел. Кажется очень неглупый человек и простой». Павел Петрович Шафранов был не только «неглупым человеком», он был талантлив и к тому же очень красив, в чем можно убедиться, взглянув на его фотографии.

После свадьбы Мария Александровна и Павел Петрович посчитали необходимым переместиться из Вологодской губернии. В 1903 году они уехали в Винницу (Подольская епархия), где Павел Петрович получил должность старшего врача в окружной лечебнице. Там, в Виннице, у Шафрановых родились две дочери: 13 (ст. ст) августа Ольга и в 1905 году — Наталья. Восприемниками при крещении Ольги были врач-психиатр Николай Николаевич Щелочилин и бабушка «вдова действительного статского советника, потомственная дворянка Фаина Александровна Межакова».

Во время русско-японской войны П. П. Шафранов был мобилизован и работал в госпиталях Дальнего

Востока. Его семья в это время жила в Никольском под опекой Фаины Александровны Межаковой. По возвращении Павел Петрович был направлен старшим врачом в Троицкую психиатрическую лечебницу Московской губернии (быв. станция Мещерская, ныне Столбовая). В музее этой лечебницы имеются экспонаты, к которым он имеет прямое отношение и к которым мы еще вернемся. В 1911 году он был перемещен старшим же врачом в Сапоговскую психиатрическую лечебницу Курского губернского ведомства. Во время работы в Сапоговской больнице он опубликовал большую статью «К вопросу о содержании статейных в психиатрических заведениях» («Современная психиатрия». М., 1913), а также еще ряд статей и медицинских отчетов.

Кроме своей специальности, Павел Петрович страстно увлекался искусством, особенно живописью и новой тогда фотографией. Картин его сохранилось очень мало. Но сохранившиеся свидетельствуют о том, что он не искал специально натуры, а писал то, что было перед глазами, внося в простейший пейзаж свою особую поэтику. Угол здания больницы и цветущий куст сирени, крест на деревенском кладбище, баркасы на реке под хмурым небом, Мария Александровна, сидящая под деревом и правящая корректуру... Художники, видевшие его небольшие, скромные картины, говорили: «Это хорошая живопись». Фотографий сохранилось больше. В семье сохранился альбом, посвященный в основном Марии Александровне и дочерям. К сожалению, фотографии не надписаны и теперь, кроме нескольких знакомых лиц, невозможно определить, кто еще на них присутствует.

Но это не все. В музее Троицкой больницы имеется огромный старинный альбом с фотографиями больных, занятых различными видами труда. И оказалось, что большинство фотографий совпадает с теми, которые сохранила дочь Павла Петровича, Ольга. Таким образом, установлено авторство этого альбома, хранящегося в музее. Там есть еще рукописная тетрадь с воспоминаниями одного из врачей, в котором есть запись: «Кинематографом заведовал доктор Павел Петрович Шафранов». Здание кинематографа находится в соседней психиатрической больнице имени Яковенко. Несмотря на то, что на нем красуются таблички о том, что здесь побывали Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, оно было продано под торговые лавки.

С этим кинематографом связана еще одна встреча семейства Межаковых, теперь в лице Марии Александровны, с великим писателем. В «Яснополянских записках» врача и друга Льва Николаевича Толстого, Маковицкого, на дату 18 июня 1910 года записано: «Пришли три доктора из Троицкого — Шафранов, Зайцев и Сотин — пригласить Льва Николаевича к ним осмотреть больницу и на представление кинематографа. Лев Николаевич обещал. Долго говорил с ними на террасе, расспрашивал, как распределяют больных по отделениям. Они отвечали: на беспокойных, менее беспокойных и спокойных. Лев Николаевич говорил, что нельзя определить границу между сумасшедшими и здоровыми. В Троицком больные более беспокойные, чем в Мещерском (теперь больница им. Яковенко). Из Мещерского, чтобы там можно было проводить более свободный режим, самых беспокойных переводят в Троицкое.

Лев Николаевич с Чертковым ходили сегодня в деревню Ивино за Мещерским, куда душевнобольные

женщины отданы на домашнее попечение. Там виделся с двумя врачами. Они спрашивали Льва Николаевича, не был ли он в Троицком, и предупреждали, чтобы туда не ходил. Там директор неприятный, а режим суровый, как в арестантском доме.

19 июня: Лев Николаевич о Троицкой больнице для душевнобольных, куда сегодня ходил с Чертковым и со мной. Принят был так почтительно, торжественно, как я никогда не видал. Персонал врачей, служащие и их семьи собрались у входа. Больница сияла чистотой. У всех радушное, радостное настроение, готовность услужить. Лев Николаевич: Прекрасное учреждение. Во мне под конец женщины вызвали чувство жалости. Столько тяжелобольных в одном месте. Видно, что (врачи, сиделки) привыкли мягко обращаться, не удалось бы притворяться, тон нераздражительный взят. ...Пошли толпой сниматься... снимал Чертков.

20 июня: В 3 часа поехал в Троицкую больницу на кинематографическое представление. ...Снимали его очень многие и очень много.

22 июня: Были три доктора из Троицкого — Шафранов, Сотин и Зайцев, чтобы поблагодарить Льва Николаевича за посещение их заведения».

Маковицкий говорит, что снимали Льва Николаевича многие. Но Павел Петрович, по-видимому, не снимал, так как был в числе сопровождавших и все время находился при нем. Зато в доме-музее Л. Н. Толстого в Москве в фотоархиве имеются фотографии, сделанные Чертковым. На многих из них Павел Петрович среди врачей, беседующих с Львом Николаевичем.

Дочь Павла Петровича Ольга, которой тогда было около семи лет, рассказывала: «Я очень хорошо

помню Льва Николаевича: в кинематографе его посадили прямо передо мной, и мне за ним ничего не было видно. И я все время рассматривала Льва Николаевича».

На фотографиях П. П. Шафранова есть и старшие дети — сыновья Марии Александровны, которые неоднократно приезжали погостить к матери. Старшая ее дочь Наталья (первая) жила «с отцом во время его службы в Минске, там она вышла замуж за служащего губернской управы Ведринского. Он затем был направлен на работу в Архангельск. Александр и Алексей учились в Кадетском училище. Александра, однако, военная служба не привлекала; окончив училище, он поступил в Петербургский университет на юридический факультет. По окончании его он был определен в военное ведомство в финансовый отдел юристом. А Алеша попал на фронт Первой мировой войны, был ранен и долечивался в Сапогове. Младший, Павел, пока еще учился в гимназии.

Александр Сергеевич Межаков уже был главой рода: «По определению Вологодского Депутатского Собрания, состоявшегося 18 апреля 1909 года, к этому роду сопричислен сын потомственного дворянина статского советника Сергея Павловича Межакова-Каютова Александр, родившийся 5 ноября 1892 года, как старший в роду, согласно Указа Правительствующего Сената Департамента Герольдии от 16 ноября 1896 года за № 2017 со внесением в часть 6 Дворянской родословной книги Вологодской губернии с фамилией Межаков-Каютов».

Алексей и Павел носили фамилию «Каютов».

А Мария Александровна в этот период ее жизни, кроме писательской работы, помогала мужу в переводах медицинской литературы, была переводчицей при посещении лечебниц иностранцами, сама зани-

Старшие дети Марии Александровны Межаковой: Наталья (1890–?), Александр (5.11.1892–26.04.1938), Алексей (1894–1920), Павел (22.03.1899–7.12.1937); на заднем плане друг семьи Алексей Михайлович Алюхин

малась воспитанием дочерей Ольги и Натальи (второй), обучала их языкам, много занималась музыкой, рукодельничала, вела хозяйство. По словам ее дочери, она старалась привить детям правило — самим зарабатывать себе на жизнь. На портретах и фотографиях, сделанных ее мужем, она всегда занята каким-нибудь делом. Она очень сблизилась с родными Павла Петровича, особенно с его двоюродной сестрой Марией Владимировной Бенедиктовой, учительницей немецкого языка, работавшей в Кинешме, но на каникулы постоянно приезжавшей к Шафрановым.

Никольское в эти годы все навещали, но постоянно там жила только Фаина Александровна Межакова.

В 1916 году: «С соизволения Августейшей Покровительницы Российского Общества Красного

Креста Государыни Императрицы Марии Федоровны по постановлению Главного Управления Общества от 11 марта 1916 года, предоставлено право ношения Высочайше установленного 24 июня 1899 года знака красного креста старшему врачу лазарета при Психиатрической больнице Курского губернского Земства, Коллежскому Советнику Павлу Шафранову. Петроград Апреля 10 дня 1916 года». Одновременно П. П. Шафранов был назначен директором Голенчинской психиатрической колонии Рязанского губернского земства уже в чине статского советника (с этим чином он переходил в сословие дворянское). Сохранилось несколько документов, из которых видно, как активно он взялся за реорганизацию колонии. Он составил проект нового здания и добился выделения средств на его строительство. Он предполагал ввести более современные методы лечения больных, улучшить их обслуживание. Посылая свои проекты в Рязанскую земскую управу, он, в частности, писал: «Принимая во внимание, что подавляющее большинство отставных душевнобольных воинов участников текущей войны имеют весьма небольшую продолжительность их психического заболевания, следует заключить, что для лечения и призрения подобных больных требуется здание, которое вполне соответствовало бы, главным образом, лечебным целям и которое поэтому должно быть построено согласно задачам практической психиатрии и обставлено соответствующим образом как в смысле количества и качества ухаживающего персонала, так и в отношении внутреннего оборудования больничных помещений».

Как видно, П. П. Шафранов собирался поработать здесь основательно...

VIII. Следы на песке

Пока Павел Петрович Шафранов принимал Голенченскую лечебницу и устраивался в Рязани, Мария Александровна с дочерьми жили в Никольском. Это было ее последнее посещение родового гнезда. Осенью 1916 г. она тоже перебралась в Рязань. Здесь, при больнице им был предоставлен небольшой директорский домик, который Павел Петрович успел запечатлеть на одной из своих картин. Но ему не удалось, как он предполагал, много потрудиться над реорганизацией лечебницы. В начале 1918 года он был мобилизован и направлен в Петроград. Там он был назначен заведующим госпиталями. В 1919 году, когда на Петроград шел Юденич и в городе был страшный голод, П. П. Шафранов заболел тяжелой формой дистрофии. «Потому что отец был не тот человек, — писала в воспоминаниях его дочь, Ольга Павловна, — чтобы урезывать пайки у раненых». Ему выхлопотали разрешение уехать к родным для поправки здоровья. Но он по дороге скончался, и даже осталось неизвестным, где он похоронен. Ему было 50 лет.

«Когда мы были детьми, — писала Ольга Павловна, — у нас совсем не было близких покойников, и я помню, что меня это как-то удивляло». Теперь

пришли другие времена. Начали приходить известия о расстрелах родных и знакомых. В 1919 году органами ВЧК был расстрелян друг семьи Межаковых, отец будущей жены Александра Сергеевича Межакова, Владимир Николаевич Радугин. За то, что он работал приставом в г. Скопине. В 1920 году погиб Алеша Каютов. Он был мобилизован в Красную Армию и умер в тифозном бараче.

В 1923 году настала очередь Фаины Александровны Межаковой. Она на много лет пережила мужа, Александра Александровича Межакова. Последние годы жизни она одна из всей семьи доживала в Никольском. У нее был паралич ног, и ее опекала Н. А. Бангле. Фаину Александровну в Никольском помнили, правда уже со слов родителей. Владимир Михайлович Трошичев: «Она была очень добрая, моя мама хорошо ее знала. Она на тонкое полотно выменивала у моей мамы домотканное, из которого шила белье внучатам». Я показала ему фотографию Фаины Александровны, он долги смотрел на нее, а потом сказал: «Вот, и моя мама дружила с ней».

Проститься с Фаиной Александровной приезжали внуки: Александр Сергеевич и Ольга Павловна, которой бабушка приходилась и крестной матерью. В 70–80 годы еще были живы сельчане, которые помнили похороны и приезжавшего Александра Сергеевича: «Он был в военной форме, но без знаков отличия, высокий и подтянутый». Очень хорошо помнил Александра Сергеевича сын последнего священника в Никольском, Николай Дмитриевич Белов, доживший до 90 лет. Он рассказывал, какой он был веселый и общительный и как в молодости они вместе проводили время на святках. А тогда,

в 1923 году, это было последнее свидание Межаковых с Никольским.

Мария Александровна после смерти мужа уехала из Голенчины, оставив там все имущество. Она переехала в подмосковное Раменское к родственникам мужа. Она больше не занималась литературным трудом — кто бы стал издавать? По словам дочери, «революцию она не приняла». Жила очень бедно: «4 января я ездила в Раменское проведать маму; там сильно скверно, холодно, сыро и внутренность дома имеет нежилой вид. Очень маму жалко. ...Мама подарила мне ложку на рождение, наскребла откуда-то денег. Очень ее жалко». Вторая дочь от брака с Павлом Петровичем, Наталья, каким-то образом уехала за границу и после 1929 г. связь с ней прервалась.

И вот последние записи Ольги Павловны, посвященные матери: «24 апреля 1930 г. Вчера в 10 часов вечера умерла мама. Ей было плохо все последнее время после ее приезда к нам. Я к ней ездила 18 уже вечером и уехала утром 19. Она в этот день чувствовала себя лучше, ходила, очень была мне рада. Съела с удовольствием привезенное большое яблоко. Поговорила я с ней мало — была расстроена организационной неурядицей (на работе) и очень устала — а ей видимо хотелось говорить всю ночь. Вчера звонила мне на службу Кира — что маме хуже, и вечером Николай Сергеевич — что мама без сознания и врач считает положение безнадежным (кровоизлияние в мозг). Я заехала за Сашей (Александр Сергеевич Межаков) и вместе поехали в Раменское. Приехали, когда она только что перестала дышать, и руки были еще теплые. ...Перед смертью все волновалась, что не дожидается пятницы — переезда на лето «Оли и Лели»

(Леля — это я, мне один год). Спрашивала врачей, доживет ли.

Саша был очень теплым и внимательным. Взятся за все хлопоты.

...27 апреля. Мамочку похоронили 25. Саша устроил все как следует по православным обрядам. Леля была на панихиде и провожала бабушку на кладбище. Многие замечали, что она очень похожа на нее. Бедная мамочка так и не дождалась пятницы. Мы приехали к ней, и на дворе было очень тепло, а ей было уже безразлично».

Ей было 63 года, и, наверное, лучше, что она умерла тогда.

Наследник рода Александр Сергеевич Межаков в декабре 1918 года был переведен на работу в Законодательно-финансовое управление при Военном Законодательном Совете — старшим помощником делопроизводителя. Ольга Павловна говорила, что «Саша считал своим долгом служить государству и при новой власти и к службе относился с большой ответственностью». Карьера его складывалась удачно, и о служебных успехах свидетельствуют «ценные подарки», которыми его награждали. В 1924 году он был уже «начальником отдела денежного довольствия в Военно-финансовом управлении РККА», в 1935 г. — «начальником 3 отделения финансового отдела при НКО СССР» и, наконец, «Приказом НКО СССР № 2125 от 9 мая 1937 г. пом. нач. финотдела при НКО СССР интенданту 2 ранга Межакову Александру Сергеевичу присвоено очередное в/звание «Интендант 1 ранга».

Александр Сергеевич был очень талантлив, писал стихи, рисовал, увлекался театром. Имел друзей

в литературной и артистической среде. По отзывам знавших его, он был высоко образованным и глубоко порядочным человеком, отличался благородством.

Женат он был на дальней родственнице, Ксении Владимировне Радугиной. По словам Ольги Павловны, она была очень красива и в молодости достаивалась танцевать с великими князьями. После 1917 года Ксения Владимировна работала костюмершей в МХАТ. Она была родственницей и ученицей знаменитой придворной портнихи Надежды Ламановой, некоторые костюмы которой хранятся в Эрмитаже.

У А. С. и К. В. Межаковых был сын, который родился в конце 1928 года и которого, естественно, называли Александром. «Как-то была у Межаковых, — писала Ольга Павловна в 1931 г., — их Саня очень милый мальчик, у них много общего с Лелей».

Младший брат Александра Сергеевича Межакова Павел Сергеевич Каютов успел окончить два курса юридического факультета Московского университета, а в 1926 году еще «2 ступени Школы ленинизма». Он тоже начинал служить в военных организациях, но его карьера не складывалась. В 1927 году он был арестован и два года провел в известном лагере на Соловецких островах. По словам Ольги Павловны, он был очень артистичен, легкомыслен. «Вообще не был способен ни на что серьезное». Его служба оборвалась, когда он работал «секретарем судоверфи мотолодочного треста Моссовета».

Где-то около 1930 года Александр Сергеевич Межаков получил в Подмосковье, в месте, отведенном для дач генералитета, участок земли. Там он построил дом с мезонином типично вологодской архитектуры и разбил сад, «ландшафтный», как

Александр Сергеевич Межаков с сыном Александром

в Никольском. В летнее время он жил там с семьей и принимал немногих гостей: брата Павла, брата жены Дмитрия Владимировича Радугина и своего старинного друга Дьякова Владимира Аврамовича.

Я помню, как в детстве завидовала подружкам по классу, когда они говорили о своих тетушках и дядюшках. Я спрашивала у мамы: «Почему у всех есть родные, а у нас нет?» Помню, что она никогда не от-

вечала на этот вопрос. И только много-много позже я поняла, какую боль он ей доставлял. Только за два месяца до ее кончины в 1978 г. она рассказала о своих сестрах и братьях. Так я узнала и о смерти Алеши, и что два ее брата «погибли в застенках ГПУ».

1937 год. Первыми были арестованы Д. В. Радугин и П. С. Каютов, которые «изобличались как активные участники белогвардейской контрреволюционной организации, так называемой «русской партии национального объединения». Затем был арестован В. А. Дьяков. 5 ноября 1937 года арестован Александр Сергеевич Межаков. Его следственное дело (№ 14673, Р-10006) — это тоненькая папка, заключающая в себе «Справку с предложением об аресте» с резолюцией Ежова: «Арест»; ордер на арест; четыре протокола допроса; обвинительное заключение; протокол судебного заседания; справку о приведении приговора в исполнение; материал проверки 1956 г. — справку и заключение по проверке.

Следствие велось в Лефортовской тюрьме. Первый протокол — допрос Дмитрия Владимировича Радугина от 26 августа, второй — Павла Сергеевича Каютова от 4 сентября, третий — Владимира Аврамовича Дьякова от 26 декабря 1937 года. Дело Радугина и Каютова вел лейтенант госбезопасности Шейдин, а Дьякова и Межакова — лейтенант госбезопасности Бренер и мл. лейтенант госбезопасности Гольдфарб. Схемы вопросов и ответов были совершенно идентичны, в качестве главного мотива контрреволюционной деятельности подсудимых выдвигалась версия «лишения их всех благ жизни», а в вину им вменялась, кроме принадлежности к русской партии, подготовка террористического акта против товарища Сталина.

Протокол допроса Александра Сергеевича Межакова состоит из восьми страничек машинописного текста, включающих анкетные данные, вопросы и ответы о его связях с Радугиным, Каютовым, Дьяковым. Все обвинения в контрреволюционной деятельности он отвергает. Трижды текст обрывался страшными словами: «Допрос прерван». Ему предъявляют протоколы допросов Радугина, Каютова, Дьякова, где они якобы признают себя и его участниками контрреволюционной организации. «Раз так, дальнейшее запырательство бесцельно... Разрешите в нескольких словах остановиться на тех обстоятельствах, которые предшествовали моей вербовке. Я бывший дворянин-монархист. Отец мой бывший помещик и вице-губернатор Минской губернии. После его смерти я стал владеть его (!) именем. Октябрьскую революцию я встретил враждебно, т. к. она лишила меня всех прежних привилегий и материальных средств. Конфискация моих вкладов, расстрел отца моей жены, бывшего пристава царской полиции Радугина Владимира Николаевича еще больше озлобили меня против советской власти. ... Вопрос: С кем вы проводили подрывную работу в Финотделе НКО? Ответ: Опасаясь быть разоблаченным, я никого из работников Финотдела НКО к моей подрывной работе не привлекал».

На основании обвинительного заключения, составленного майором госбезопасности Листенгуртом и мл. лейтенантом Гольдфарбом, было постановлено: дело Межакова А. С. «заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинения, защиты и без вызова свидетелей в порядке постановления ЦИК СССР от 1/ХП 1934 г. ».

Судебное заседание открылось 26 апреля 1938 года в 16 час. 00 мин. Председательствующий (диввоенюрист Миляновский) объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Межакова А. С. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–1 б, 58–7, 8, 11 УК РСФСР. Оглашено обвинительное заключение. Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что не признает. Свои показания, данные им на предварительном следствии, он отрицает, хотя и признает подписи, сделанные на протоколах допроса, собственноручными.

Суд удаляется на совещание, по возвращении с которого председательствующим оглашен приговор: «к высшей мере наказания. На основании Постановления ЦИК СССР от 1/XII 1934 г. приговор подлежит немедленному исполнению».

В 16 час. 14 мин. заседание закрыто (то есть все заседание длилось 14 минут!).

СПРАВКА

«Приговор о расстреле Межакова Александра Сергеевича приведен в исполнение в гор. Москве 26 апреля 1938 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1 спецотдела НКВД СССР том № 3 лист № 157».

В 1989 г. на свой запрос я получила ответ из Главной военной прокуратуры: «По заключению Главного военного прокурора Военная коллегия Верховного Суда СССР определением № 4 н-011649/56 от 18 августа 1956 г. отменила приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР в отношении Межакова А. С.

и дело о нем прекратила за отсутствием в его деяниях состава преступления, то есть он посмертно полностью реабилитирован».

Павел Сергеевич Каютов 7 декабря 1937 года был осужден к расстрелу, расстрелян в этот же день. 15 марта 1956 года дело о нем прекращено, и он посмертно полностью реабилитирован.

Ксения Владимировна Межакова была арестована 12 ноября 1937 года. Она прошла лагеря в Казахстане. В 1946 году вернулась из лагерей с разрешением проживать за 101 км от Москвы. Умерла 9 октября 1955 года.

А Саня? Тот милый мальчик, сын Александра Сергеевича Межакова? Его ожидала участь всех детей репрессированных: детский дом. Но случилось не так. В день ареста отца его забрали и спрятали друзья. Затем его усыновил артист МХАТ Е. В. Калужский (незабываемый «зять Межуев» в «Мертвых душах»), но заниматься с мальчиком ему было некогда, своих проблем хватало. Поэтому Саня переходил из рук в руки. Об этом периоде его жизни рассказал О. Н. Ефремов в своем последнем интервью: «В Мало-Власьевском переулке стоял особняк Лужского (Лужский — это отец Е. В. Калужского), третьего основателя МХАТ... Потом, уже после 37-го года, в этом особняке появился мальчик Саша, сын расстрелянного генерала Межакова. ... Я каждый день приходил к ним, и мне надо было заставить этого Сашку сопливого, чтобы он влез наверх, в кладовку, и стибрил бутылку виски. Поскольку во время войны часть особняка сдавалась военно-морскому атташе Америки. Сашка очень боялся, но я его заставлял. И мы с ним пили это виски, окурки сигарет «Кэмел» курили. ... А потом Бабанин поставил нам с Сашкой

сцену из «Месяца в деревне», и мы играли ее в актовом зале школы». (А потом человеку с подобной нравственностью доверили возрождать МХАТ!) Саша рассказывал и о других «живописных» случаях их отношений. К счастью, они разошлись, и их актерские судьбы не пересекались.

Ольга Павловна Шафранова

Саша носил фамилию Калужский, но помнил, что он Межаков, и этой фамилией мне и представился при знакомстве. Он помнил отца, помнил день его ареста, а с матерью общался после ее возвращения («я купил ей шубу на первые заработанные деньги»). А в общем-то характер его был надломлен, и прожил он не очень-то счастливую жизнь.

В Никольском Ольга Павловна в последний раз была, когда ей было 20 лет. Оно осталось в ее памяти, как какая-то романтическая греза. «Съездила бы ты в Никольское, — говорила она мне, — посмотрела бы, что там осталось». Единственное, что она хранила всю свою очень тяжелую жизнь, — это семейный альбом Марии Александровны (из которого в 37 году большинство фотографий было уничтожено), несколько ее книг, а также книгу Г. К. Лукомского «Вологда в ее старине», в которой есть описание усадьбы Межаковых.

IX. Никольское в XX–XXI веках

То, что создавалось веками и многими поколениями, при новой власти начало гибнуть очень быстро. В 1918 году из старинных культурных гнезд наиболее ценные усадебные библиотеки были вывезены в Вологду, во вновь образованную Публичную библиотеку. В докладе на публичном отчетном заседании этой библиотеки 15 февраля 1920 года было сказано, что из Никольского в библиотеку «попало около 3000 томов, причем из них русские книги составляют не более 0,3 всех сочинений, то есть в этой части Никольская библиотека наиболее пострадала». Другими словами, самая ценная часть библиотеки пропала при вывозке. А это: прижизненные издания поэтов и писателей — друзей Павла Александровича Межакова, его собственные сочинения, альбомы с автографами поэтов, переписка с ними, научные «мемуары» Александра Павловича, его изданные труды и труды его друзей, в том числе Данилевского и Страхова, прижизненные издания Л. Н. Толстого, книги Марии Александровны Межаковой-Шафрановой...

Шли годы, росло понимание денежной стоимости вывезенных книг, и все большее их число исчезало из библиотеки. Так что теперь для размещения всего

этого когда-то интереснейшего собрания вполне хватает и одной полки.

А усадебный архив, собиравшийся в течение XVII, XVIII, XIX веков? На него обратили внимание, когда в местной лавочке начали продавать продукты в кульках, свернутых из старинных документов. Интересно, что из всей огромной переписки, что велась членами семьи Межаковых с известными лицами своей эпохи, сохранилось только несколько писем Н. Я. Данилевского, и то благодаря его крайне неразборчивому почерку. Папка, в которой хранились эти уникальные документы, так и была озаглавлена: «Переписка с неизвестными лицами».

В доме хранился еще один уникальный «архив». Хозяева, как отмечал Л. А. Андреевский, не роскошествовали, а как и многие старинные помещики, из поколения в поколение сохраняли в сундуках наряды своей эпохи. Упоминавшийся уже В. М. Трошичев рассказывал, что в первые годы новой власти выезжавшие на конкурсы самодеятельности ансамбли из Никольского поражали всех изъятыми из старинных сундуков костюмами. А сельчане занимали на конкурсах лучшие места благодаря привитому им еще с крепостных времен вкусу к театральным действиям.

В 1923 году скончалась Фаина Александровна Межакова, последняя из семьи, оставшаяся еще в Никольском. В 1933 году уехала из Никольского Надежда Антоновна Бантле, которую сельчане уважали за твердый характер и за многие добрые дела, осуществлявшиеся под ее руководством. Не осталось никого для сдерживания разрушительных инстинктов, порожденных новой властью, и противодействия

Церковь, которой больше нет. 1980-е гг.

разграблению имущества. Появлялись разные личности, вывозившие из дома мебель, картины, хрусталь, фарфор. Из картинной галереи в Вологодский музей попало только несколько семейных портретов.

Из заколоченных церквей утварь растаскивали местные жители. В. М. Трошичев рассказывал: «Там была чудесная икона св. Александра Невского (возможно, тот подарок на юбилей Александра Александровича). У нее была рама из фарфоровой гирлянды цветов. Если бы вы видели, как красивы были эти цветы. Мы в детстве лазали через окно и отламывали себе по цветку».

В 20-е годы в доме-дворце разместился сельскохозяйственный техникум, но он не оправдал себя в этой отдаленной местности. Тогда дом стали использовать как сеной склад. «На полы из палисандрового дерева укладывали сено». Существует несколько

версий, отчего произошел пожар, — дом сгорел. А тогда поняли, что можно разрушить все: оранжереи, конюшни, силосные башни, гостинные ряды, наконец, церкви и даже кладбище.

Дошла очередь и до парка. Разрушили плотины, спустили пруды, засорили речку, парк превратили в выгон для скота.

Когда я приехала в Никольское в первый раз, а было это в 1979 году, все, кого бы я ни встречала и по дороге, и в селе, спрашивали: «А вы видели наш сад?» Но в каком состоянии было это «наше»? (Я тогда так и написала в статье). Парк, или, как его здесь называли, «сад», представлял ужасное зрелище. По нему просто невозможно было пройти, так он был завален гниющим валежником, зарос осокой и дикорастущим кустарником.

Печальное зрелище представлял и центр села, который когда-то украшали ансамбль из трех церквей и немного поодаль редчайший памятник хозяйственной архитектуры — «магазея», за которым, видимо, находились и другие хозяйственные постройки.

Вначале разобрали на кирпичи холодную церковь, или собор, как его называли здесь. Затем у находившейся против дворца домовой церкви снесли колокольню и превратили ее в клуб. Третья, самая древняя церковь, представляла как бы лицо села. Завидев над деревьями ее потемневшие маковки, путники (и в том числе водитель грузовика, подвозивший меня от села Устье) сразу оживлялись: «Вот, Никольское!» Благодаря живописности шатровой архитектуры и местоположению именно ее изображали приезжавшие в Никольское художники на своих полотнах. Войдя в нее, я увидела замечательный плафон — пото-

лок замковой архитектуры, выложенный кирпичами, каждый из которых мог бы быть музейным экспонатом, и на котором еще сохранялись фрагменты росписи. Так вот, сельчане выламывали эти кирпичи, чтобы замостить грязь на дорожках от крыльца до калитки и колдобины на дорогах. Я сказала об этом секретарю сельсовета, она очень испугалась: «Кто это разрешил?» Побежала и навесила замок на дверь...

В. М. Трошичев рассказывал: «До войны по главной улице пройти было трудно, столько было народа». Вечером я прошла по селу. Я не встретила ни одного человека.

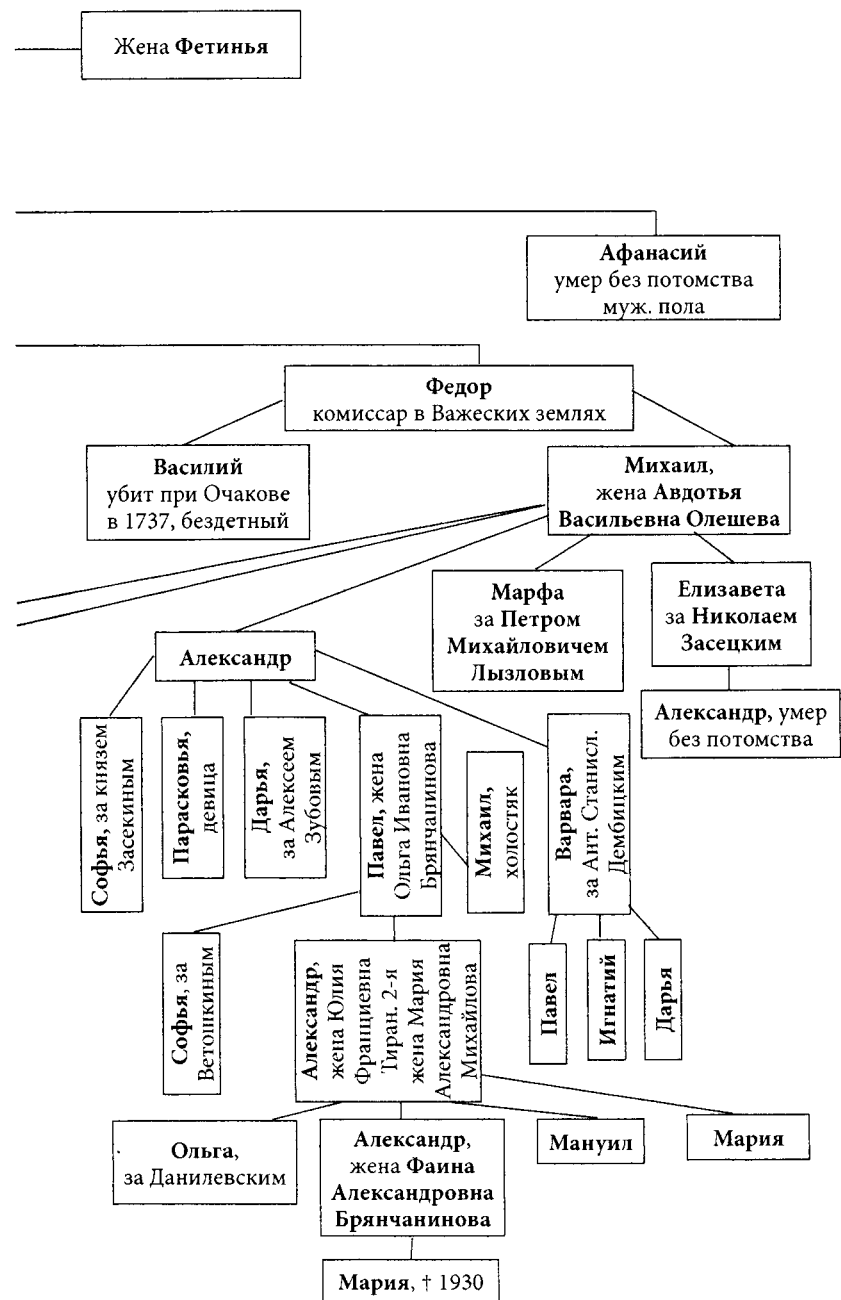
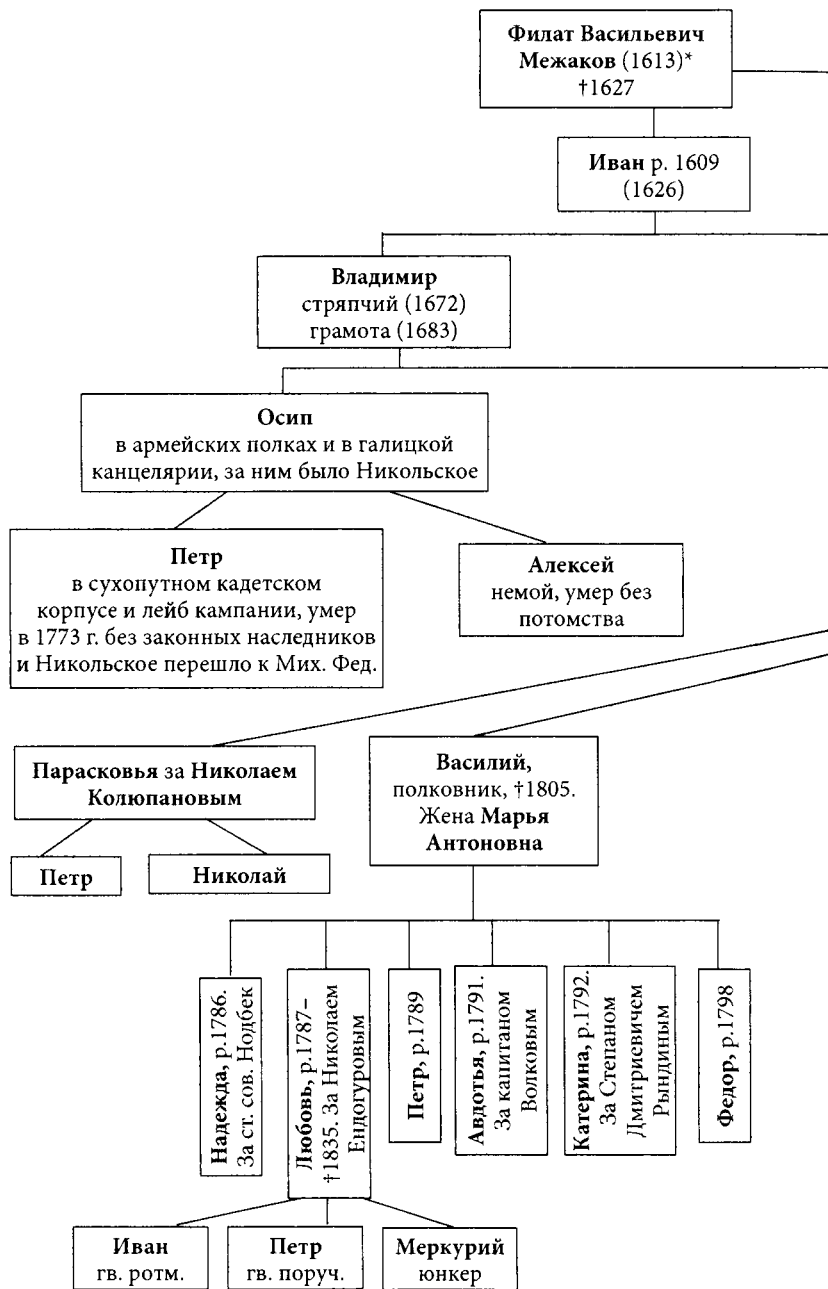
И вот, событие последнего времени. Сейчас, когда по всей стране возрождение нравственности, православного духа знаменуется восстановлением церквей, строительством новых храмов, причем, как сообщают СМИ, зачастую просто самими жителями деревень, а иногда за это берутся даже отдельные люди и таких примеров все больше, здесь, в известном историческом селе Никольское на глазах у всех сельчан, на глазах администрации происходит ужасное дело: нашелся один, кому понадобилось железо, и он решил сорвать его с крыши церкви (той, самой древней, представляющей лицо села) и таким образом довести ее до окончательного разрушения. Даже трудно поверить, что такое вообще возможно!

И даже в этих условиях находились энтузиасты, старавшиеся спасти, восстановить хоть что-то. В Никольском должны сохранять память о них. В первую очередь это все тот же Владимир Михайлович Трошичев, инвалид войны, после возвращения с нее работал библиотекарем. Он первый начал писать письма и статьи и обивать пороги разных руководите-

лей, стараясь привлечь внимание к саду. И его усилия не были напрасными. Николай Дмитриевич Белов, сын последнего священника, доживший до 90 лет, прекрасно помнивший былую красоту и во всем поддерживавший В. М. Трошичева. Вениамин Михайлович Голубев, замечательная личность, работал учителем географии, первый директор сада, сумевший приостановить его разрушение и вдохновивший сельчан — школьников и пенсионеров — на бескорыстную работу по расчистке завалов и посадке новых растений.

В свое время мы несколько лет добивались выделения этой ставки директора сада, и теперь важно ее не упустить под предлогом «трудного времени». Теперь, когда воссозданы Русское (быв. Императорское) Историческое общество, Русское Географическое общество, членами которого были представители семьи, созидавшей Никольский парк, когда воспитанию у людей и особенно у молодежи осознанного чувства патриотизма, чувства национального достоинства, непосредственно связанных с исторической памятью, с необходимостью сохранения всего, что является национальным достоянием, завещанным дедами и прадедами, жители села Никольского особенно должны чувствовать ответственность за то, что у них еще осталось: за сохранение «их сада», за сохранение уникального памятника архитектуры XVIII века — «магазеи»!

Можно назвать еще несколько имен — тех, кто, в меру своих возможностей, старался содействовать сохранению этих остатков былой красоты Никольского. Хотя бы тех, о которых я знаю. Это Владимир Эммануилович Лебедев и его супруга Галина Сергеевна. Это Николай Константинович Пахомов

* Цифры в скобках — дата упоминания в древних документах.

и другие представители этой фамилии, прославившие свою родину. Это и Владимир Васильевич Пестерев, сохранивший надгробную плиту Александра Александровича Межакова...

Наступил 2013 год. К юбилею 400-летия села Никольское, естественно совпадающего с 400-летием Дома Романовых, администрация выделила кое-какие деньги. В основном на восстановление плотин и прудов. Это было бы хорошо, если бы плотины построили грамотно, но пока вода в прудах не поднялась до необходимого уровня. Остается надеяться на лучшее.

Зато праздник организовали и провели прекрасно: и конференция в районном центре Устье, и дома украшены, и сцена построена на главной площади села, и гостей приехало много, и люди все нарядные и красивые, и выступления были очень интересны и прошли с большим успехом, и замечательный казачий коллектив. Значит показать себя умеем.

Источники

1. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) ф. 286, кн. 449, № 318–320.

2. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) ф. 1343 оп. 25, д. 2944; оп. 42, д. 31.

3. Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) ф. 195, оп. 1, № 1104.

4. Институт русской литературы (ИРЛИ) РО ф. 163, оп. 3, д. 152.

5. Государственный архив Вологодской области ф. 673; ф. 86, оп. 1, д. 355; ф. 32, оп. 1, д. 198; ф. 31, оп. 1, д. 257.

6. Вологодские губ ведомости.

